

ISSN 0869-6403

ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК

НА
БОЕВОМ
ПОСТУ

10
'96

300 ЛЕТ
РОССИЙСКОМУ
ФЛОТУ

МОРСКАЯ ВАХТА ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

ФОТО Ю.КИСЛОГО

НА БОЕВОМ ПОСТУ

10'96

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Издается с 1958 г.

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л.И.

Редакционная
коллегия.

УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России

ИЗДАТЕЛЬ —
Главное управление
командующего
внутренними
войсками:
111250,
Москва, Е-250,
Красноказарменная
улица, 9а.

Художественное
оформление
КОПЫЛОВА Э.П.

Верстка
ГЕРАЩЕНКО В.П.,
ПЕТРОВОЙ Л.А.

Корректор
ИНЮШИНА И.Н.

На первой
странице обложки:
300 лет
Российскому
флоту.
Фото Ю.КИСЛОГО.

В номере:

Актуальное интервью

БЫШКОВ В. Морякам внутренних войск — семь футов под килем! 2

В особом районе

КАРПОВ Б. Наши в Чечне: солдаты 7

Ты все поймешь в простом моем рассказе...
(стихи) 12

По сообщениям пресс-службы внутренних войск
МВД России. 14

РОДНОВ А. В них проснулся русский медведь . 18

КОЛЕСНИКОВ С. Грозный август 96-го 22

Служба

КИСЛЫЙ Ю. К бою и походу готовы 26

Ретроспектива

ЮДИН В. Патриот земли русской 30

МАЗЫРИН Л. Были ли попытки освободить из
плена сына Сталина? 35

МАРКЕЛОВ Н. Пленники гор 40

Проза. Поэзия

ЕРХОВ Е. Все мысли — о тебе... (стихи) 45

МУЧАК И. Офицерская вендетта (повесть, окон-
чание) 47

КЛИМОВ А. Первая потеря 71

Калейдоскоп

БЕЛИКОВ И. МВД России: два века 73

Шахматный клуб 75

Рыболовам и охотникам 76

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.
Регистр. № 01420. Имеет приложения: газету "Ситуация" и сборник учебно-методических
материалов "Войсковой вестник".

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы.
При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал "На боевом посту", 1996

Сдано в набор 29.08.1996 г. Подписано к печати 15.10.1996 г.
Формат бумаги 70x108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,0.
Зак. № 1390.

Цена по каталогу для индивидуальных подписчиков 10000 руб. (индекс 70610),
для предприятий и организаций — 12000 руб. (индекс 73175), в розницу — свободная.

Ордена "Знак почета" типография "Красная звезда".
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе 38.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский
проезд, 8.
Телефон
для справок:
361-81-71.

*На вопросы нашего корреспондента
отвечает начальник морского
отделения ГУКВВ МВД России
капитан первого ранга
Владимир БЫШКОВ.*

МОРЯКАМ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК — СЕМЬ ФУТОВ ПОД КИПЕМ!

— Товарищ капитан первого ранга, прежде всего позвольте от имени редакции журнала поздравить вас и ваших коллег с трехсотлетием Российского флота и пожелать новых успехов на ответственной вахте под Военно-морским флагом внутренних войск МВД России.

— Большое спасибо. Радует, что родная пресса не забыла о нас в год юбилея. А если откровенно, то морские части и подразделения, выполняющие боевые задачи, достойны того, чтобы войсковые журналисты вспоминали о них не только по случаю праздников.

— Справедливое замечание, Владимир Николаевич. Постараемся чаще информировать читателей о службе моряков. Тем более что знакомы с ней немногие. А уж история рождения в составе внутренних войск «младшего брата» Военно-морского флота для непосвященных и вовсе белое пятно. Итак, вопрос по существу: откуда ведут свою родословную наши морские силы, как шло их строительство?

— Решение «морским подразделениям внутренних войск — быть» принято двадцать лет назад. С какого ботика все начи-

налось? В соответствии с поручением Политбюро ЦК КПСС от 5 мая 1976 года об организации охраны искусственных сооружений на Забайкальской и Дальневосточной железных дорогах были созданы межведомственные комиссии (МВК) с целью обследования наиболее важных объектов, определения численности личного состава, необходимого количества технических средств. Актами МВК на основе предварительных расчетов и данных рекогносцировки предлагалось для охраны объектов со стороны акватории сформировать подразделения катеров и водолазов. В 1978 и 1980 году приказами министра внутренних дел утверждаются штаты воинских частей, включающих морские подразделения. В это же время, рассмотрев предложения комиссий, Совмин принял соответствующие постановления, определяющие для моряков войск МВД форму одежды Военно-морского флота и обеспечение всеми видами довольствия по нормам и в порядке, предусмотренном для личного состава ВМФ. Затем указами и постановлениями высших органов государственной власти вводятся: в 1981 году — такие же, как и на флоте, погоны и погончики военнослужащих наших мор-

ских частей (подразделений), в 1983-м — Военно-морской флаг и вымпел кораблей и катеров внутренних войск, в 1985-м — воинские звания "мичман", "старший мичман" и воинские звания офицеров, соответствующие офицерским званиям корабельного состава Военно-морского флота. Таким образом, процесс законодательного обеспечения важнейших вопросов жизни и службы вновь сформированных морских подразделений занял семь лет, что, естественно, не способствовало эффективному их применению (к примеру, катер, не имеющий флага, который дает юридическое право самостоятельного плавания, в любой момент могла задержаться речная инспекция). С другой стороны, механизм торможения был заложен в систему подчиненности подразделений водолазов и сторожевых катеров. Поначалу их включили в штаты застав и тем самым обрекли на бездеятельность. Как рассуждал начальник заставы? Если что-нибудь случится с водолазом или катером, спросят с меня, а я не являюсь профессионалом морской службы, не знаю, как ее организовывать, меня этому не учили. Дабы спать спокойно, поставлю моряков в общий строй — и дело с концом.

К чему привела такая практика, нетрудно догадаться. Первое же учение, проведенное в 1981 году совместно с боевыми пловцами Тихоокеанского флота, показало очень слабую дееспособность наших моряков. Убедило: не видать нам успеха до тех пор, пока разрозненные звенья не объединим под общим командованием и не наладим четкую систему профессиональной подготовки личного состава. В 1984 году решается и эта проблема. Приказами начальника войск были созданы единые структурные подразделения в составе частей по охране объектов на коммуникациях — два дивизиона сторожевых катеров. И сразу же наметился прогресс в организации боевой службы. По итогам совместного учения "Зея-85" моряки внутренних войск получили высокую оценку. Следующий шаг вперед: приказом министра от 14 июля 1988 года на базе двух

дивизионов создается первый отдельный отряд сторожевых кораблей и катеров, в состав которого был включен учебный центр по подготовке и переподготовке водолазов.

Вот так, методом проб и ошибок прошли первый этап строительства морских частей.

— А что сейчас представляют собой морские части внутренних войск? Какие у них плавсредства, чем вооружены?

— Два отряда, отдельный дивизион и отдельное звено сторожевых катеров, охраняющие объекты со стороны акватории. Плавсредства — большие и малые сторожевые катера. К БСК относятся катера серий "Фламинго" и "Ярославец" водоизмещением от 30 до 40 тонн с экипажем 8-10 человек; МСК серий "Адмиралтеец", "Аист", "Нептун" и "Гепард" (на воздушной подушке) водоизмещением до 12 тонн с экипажем 2-4 человека. На вооружении — многоствольные реактивные установки и одноствольные реактивные гранатометы, против наземных и надводных целей могут применяться АГС-17. Водолазы имеют подводные автоматы и пистолеты.

— Каковы перспективы нашего "малого флота"?

— В соответствии с программой развития внутренних войск до 2000 года мы должны обследовать все АЭС и представить предложения по организации их охраны со стороны акваторий. Кроме того, планируется участие морских подразделений войск в охране общественного порядка совместно с органами МВД на реках, озерах и других водных путях, расположенных в местах с особо ценными природными ресурсами. Эта задача отражена в проекте новой редакции Закона о внутренних войсках. Речь идет о сохранении рыбных запасов, которые грабятся со страшной силой. Проводимые операции против браконьеров имеют разовый эффект. Иное дело организация постоянного патрулирования на катерах. Только так можно перекрыть кислород расхитителям национальных богатств.

Хорошие перспективы и у водолазной

Визитная карточка.

Капитан первого ранга Владимир Николаевич Бышков окончил Краснознаменное кавказское суворовское училище и Высшее военно-морское училище радиоэлектроники им. А.С.Попова. Служил в отдельной бригаде специального назначения Черноморского флота, затем в одном из научных учреждений ВМФ в Москве. С 1980 года — во внутренних войсках.

службы. В принципе, это унифицированные мобильные подразделения, которые могут работать не только в районах доступности на акваториях охраняемых объектов, но при необходимости способны решать разнообразные задачи и в других местах. Скажем, обезвреживать обнаруженные мины, торпеды, уничтожать затопленные еще во время Великой Отечественной войны плавсредства с боезапасом. Недавно в дивизионе по подготовке и переподготовке водолазов был проведен учебно-методический сбор со специалистами, им присвоена квалификация "водолаз-взрывник", дающая право проводить подрывные работы и обучать этому искусству подчиненных.

— Поскольку моряки внутренних войск выполняют специфические задачи, есть, наверное, особенности и в подборе, подготовке офицерских кадров, обучении корабельного состава?

— Большинство офицеров и мичманов берем с флота. Главный критерий подбора — высокий профессионализм. Приглашаем наиболее опытных, грамотных специалистов, прошедших хорошую школу на кораблях ВМФ.

— Уговаривать долго приходится?

— Люди идут к нам с большой охотой. Как известно, Военно-морской флот переживает далеко не лучшие времена, многие офицеры, мичманы остаются не у дел, а в наших частях при всех проблемах и трудностях относительная стабильность. Четко налажен учебный процесс, служебно-боевая деятельность. Все это дает возможность высококвалифицированным специалистам, которые, образно говоря, оказались за бортом, реализовать накопленные знания и опыт на пользу Отечества.

С корабельным составом срочной службы посложнее. Вначале готовили матросов в учебном центре морских частей погранвойск. Затем по ряду причин, связанных с дефицитом финансов, отказались от услуг пограничников и заключили договор с учебным отрядом Тихоокеанского флота. Однако и здесь, быстро оказавшись в должниках, столкнулись с аналогичными проблемами. Уровень подготовки низкий, корабельной наукой курсанты овладевают... с лопатами и метлами — на объектах хозработ. Короче говоря, на чужих дрожжах тесто не всходит. Поэтому обратились к командованию с предложением создать единый учебный центр для морских частей и подразделений внутрен-

них войск на базе учебного дивизиона водолазов. Министр дал добро, и к концу года, если все сложится благополучно, у нас будет отдельная часть по подготовке морских специалистов всех видов. Собственная школа!

— Хороший подарок войсковым морякам к трехсотлетию Российского флота. Вопрос только — какие ученики сядут за новые парты?

— Все познается в сравнении. Еще недавно с призывниками горя не знали. В морские части войск приходили здоровые, крепкие ребята со средним образованием. Их не страшили ни физические, ни психологические нагрузки, с которыми сопряжена боевая учеба, не говоря уже о работе под водой. А сейчас... Так и хочется процитировать классические строки: "Были люди в наше время, не то что нынешнее племя". Конечно, грешно обвинять племя молодое в том, что с каждым годом растет число новобранцев, у которых готовность и желание достойно выполнить воинский долг на суше или на море обратно пропорциональны требованиям, предъявляемым к солдату и матросу. Это не их вина, а наша общая беда. О причинах говорить смысла нет, они общеизвестны. Вот только расплачиваться в армии и на флоте за все издержки реформ приходится по самому большому счету. Чтобы не быть голословным, приведу один печальный, но очень красноречивый факт: сегодня у нас до предела сузились возможности подбора водолазов. Даже среди прошедших подготовку в учебном центре попадают младшие специалисты, неспособные в реальной обстановке выполнять боевые задачи — не выдерживают нагрузок под водой. По этой причине в мурманском отряде, например, были вынуждены тридцать процентов обученных водолазов перевести в другие подразделения...

— Наивно полагать, что в ближайшее время положение с призывом изменится и на службу по мановению руки какого-нибудь политического кудесника чредой пойдут одни могучие витязи. Реальный выход указывает программа комплектования войск по контракту. Каковы перспективы ее выполнения в морских частях?

— Вопрос риторический. Пока плечи военных будут трещать под грузом финансовых, материальных, социальных проблем, говорить о каких-то радужных перспективах стопроцентной профессионализации морских частей — только душу

травить. С другой стороны, надо учитывать характер, особенности службы на каждом конкретном участке. В наших условиях при возникновении чрезвычайной ситуации командир после сигнала тревоги должен немедленно вывести на усиление дополнительные катера с экипажами. Если люди в казарме — нет вопросов, а попробуйте-ка за это время собрать контрактников, живущих в разных концах города. Задача совершенно нереальная. Стало быть, в данном случае полностью оправдывает себя принцип смешанного комплектования. В тех же звеньях водолазов есть костяк: профессионалы высокого класса — офицеры и мичманы. При необходимости они могут выполнить любую задачу. Даже тогда, когда в подразделении останется всего несколько матросов.

— В войсках одна из самых болевых точек — учебная материально-техническая база. Как она поддерживается в морских воинских частях?

— Несколько лет назад, когда еще не возникало трудностей с финансированием, усилиями офицеров, мичманов, всего личного состава учебного центра была создана неплохая база для подготовки водолазов. Специальный бассейн, пирс на берегу Байкала, автоматизированные стенды в классах — все по науке. Эта база с учетом нового профиля формируемой отдельной учебной части нуждается в обновлении и расширении. Чтобы качественно готовить корабельный состав, необходимы как минимум учебные катера, разрезы двигателей, наглядные пособия. Да вот беда, нет денег для реализации намеченных планов. Смешно сказать, средств не хватает даже для закупки специальной литературы.

Что предпринять в данной ситуации? Бросить якорь и ждать попутного ветра? Ни в коем случае. Есть у нас, слава Богу, внутренние резервы, не перевелись умельцы — золотые руки. Выкрутимся. Морской отряд даст списанные катера, движки, специалисты засучат рукава — и работа закипит. Сделаем все как надо. Невзирая на финансовые рифы и мели сохраним достигнутый уровень подготовки моряков внутренних войск. Иного нам не дано.

— А если конкретно об отметке, до которой поднята планка боевой выучки. Есть впечатляющие примеры в летописи морских воинских частей?

— Наиболее яркий пример — последнее крупномасштабное учение на Амуре со-

вместно с морским спецназом Тихоокеанского флота. Разведка доложила о высадке десанта "противника" в пятнадцати километрах от охраняемого моста. Наше подразделение во взаимодействии с заставой внутренних войск по охране участка железной дороги оперативно подготовилось к отражению нападения "диверсантов" со стороны акватории. Намереваясь "взорвать" объект под водой, "неприятель" применил семь групп боевых пловцов. Действовали они хитро и дерзко. Но никакие уловки не помогли. Сквозь прочный заслон к опоре моста удалось прорваться только одному "вражескому" водолазу. Остальных обезвредили наши сторожевые катера.

— Краса и гордость внутренних войск — спецназ. Есть ли в морских воинских частях свои подразделения "беретов"?

— Таких подразделений нет. А укрепить наши отряды группами специального назначения не мешало бы. Эту задачу неумолимо диктует нынешнее беспокойное время, приметой которого стал дикий разгул терроризма. Мы обязаны прогнозировать ситуацию, когда возникнет необходимость быстрого применения "коммандос" с выходом из-под воды к захваченному судну или береговому объекту. И если будет принято решение о создании морского спецназа внутренних войск, больших затруднений не возникнет. Пройдя дополнительную подготовку, подразделения водолазов смогут действовать на суше не хуже "краповых беретов".

— Военно-морской флот славится своими традициями. Расскажите, какие традиции одухотворяют и украшают службу моряков внутренних войск?

— Все моряки гордятся службой в войсках правопорядка, их боевыми традициями. В то же время мы не отделяем себя от "старшего брата". В морских частях и подразделениях внутренних войск бережно сохраняют и поддерживают флотские традиции. Святость Военно-морского флага. Честь офицера, мичмана. Любовь к морской форме. Товарищеское, уважительное отношение друг к другу. Непокоримое мужество, со времен Петра Великого ставшее нормой, повседневностью службы на кораблях. Все это сплачивает наши коллективы, укрепляет моральных дух, помогает преодолевать трудности. "Русским морякам лучше всего удаются предприятия невыполнимые", — писал флото-

водец Степан Осипович Макаров. Так было в прошлые века — ошибки, упущения властей предрержащих не раз приходилось восполнять терпением и кровью офицеров, мичманов, матросов. Так происходит и в дни нынешние — терпением и мужеством людей в погонах побеждаются критические обстоятельства.

— Стало больше, и у вас штормит, Владимир Николаевич?

— Еще как! У морских и сухопутных частей общие беды. Задержка выплат денежного довольствия — ставшая привычной норма. Жилищная проблема — такая же, как по всем войскам. За примерами далеко ходить не надо. Главный инженер-механик морского отделения главка капитан первого ранга Костюшко восемь лет ждет квартиру. Пять лет прослужил в Хабаровске, так и не получив жилье, и три года в Москве без собственной крыши над головой. Недавно отпраздновал новоселье. Выделили ему с семьей... комнату в общежитии площадью девять квадратных метров.

Но бьют по нам не только житейские и бытовые цунами. Интересы службы страдают и по причине слабой технической оснащенности морских сил. Всего на пятьдесят процентов укомплектованы части и подразделения сторожевыми катерами. С большими потугами решаются вопросы с топливом, смазочными материалами, аккумуляторами. Причина одна — нет денег.

— А какую помощь оказывает администрация охраняемых объектов?

— В основном обещаниями кормит. Реальную поддержку мы получили только от дирекции Ленинградской АЭС. Понимая важность защиты атомной станции со стороны акватории, энергетики закупили катера для звена и передали нам на эксплуатацию.

Вот так и выживаем. Единственная опора и надежда — люди. Скажу без преувеличения: они у нас золотые. На судьбу не жалуются, смело берутся за, казалось бы, "невыполнимые предприятия". Проявляя чудеса изобретательности, достают запчасти, латают старые катера, ставят их на воду. Заботятся о подчиненных, прилагают все силы к тому, чтобы наладить нормальное обеспечение личного состава. Наперекор невзгодам и трудностям, не щадя себя, успешно выполняют возложенные задачи.

— Кто из офицеров и мичманов заслуживает, по вашему мнению, самых

теплых слов благодарности за беззаветный ратный труд?

— Прежде всего хотелось бы назвать тех, кто стоял у истоков формирования морских частей внутренних войск, отдал много сил, энергии их становлению и развитию. Это капитан первого ранга запаса Ильин Леонид Сергеевич, он был первым моряком в главке; капитан третьего ранга Новожилов Владимир Алексеевич — первый водолазный специалист, пришедший с флота в войска; капитан первого ранга запаса Ушаков Николай Никитович, возглавлявший дивизион, а затем морские отряды в Хабаровске и Мурманске; капитан первого ранга Згурский Виктор Анатольевич — бывший командир учебного дивизиона, ныне начальник водолазной службы; капитан первого ранга Костюшко Виталий Николаевич — главный инженер-механик; капитан первого ранга Гайдадин Александр Иванович — командир морского отряда; капитан второго ранга Курьянов Виктор Алексеевич — командир учебного дивизиона; капитан третьего ранга Иванов Степан Кузьмич начинал службу мичманом, сейчас заместитель командира дивизиона; майор Бабьяк Валерий Степанович — начальник службы артвооружения отряда; майор Иванов Александр Михайлович — старший врач-специфизолог. Большим авторитетом в своих коллективах пользуются передовые специалисты старшие мичманы Черепанов Александр Васильевич, Михайлов Алексей Иванович, мичманы Раскевич Владимир Иванович, Фанталин Виктор Владимирович, Руди Сергей Арнольдович, Бабашкин Анатолий Васильевич... Этот список можно продолжить. Все наши офицеры и мичманы заслуживают самых добрых слов. Спасибо им огромное!

— Что бы вы хотели пожелать морякам внутренних войск в это трудное непредсказуемое время?

— Сегодня наша главная задача — выжить. Сберечь потенциал, чтобы двигаться дальше. Поэтому я желаю всем не терять оптимизма и мужества. И, конечно, по традиции — семь футов под килем!

**Беседу вел
Ю. ЧЕРКАСОВ.**

ОТ РЕДАКЦИИ. В честь юбилея 60 офицеров и мичманов морских частей и подразделений внутренних войск награждены медалью "300 лет Российскому флоту". Поздравляем!

Им выпала такая колея

Наши в Чечне: СОЛДАТЫ

*В который раз раскрыл
"Воспоминания и размышления"
маршала Г. К. Жукова и снова
осознал-ощутил глубинный смысл
строки, предпосланной великим
полководцем итоговой книге о своей
боевой жизни и нашей Победе:
"Советскому солдату посвящаю"...*

В грохоте ночного боя "бэмпэшку" мы не услышали. Уже когда на ботинки посыпалась сухая серая земля с бруствера окопа, увидели надвигающуюся на нас бронированную корму.

"Стой!" — хрипло заорал голый по пояс сержант Валера и едва начал длинную витиевато-матерную тираду, как по неглубокому ходу сообщения к нам прошмыгнул на полусогнутых не нашего батальона боец.

"Нас вам на помощь прислали. — Солдат возбужден боем, говорит отрывисто, всматривается в темноте в лица сидящих в окопе, пытаюсь угадать старшего. — Где "духи"? Куда мочить?". Механик-водитель примчался сквозь крошечный бой к тридцатому, к нам то есть, потому что командир полка, несмотря на отсутствие связи (перебило антенну нашей радиостанции), верно почуял-сообразил — здесь, чуть ниже бамутского кладбища, может случиться прорыв противника.

"Ты какого ... перед окопом встал? Перекрыл нам сектор, как будем стрелять?! Щас долбанут по твоей "коробке" из граника и она нам на голову свалится, все хана! Давай направо и опять направо — в переулок дуй, за дом, где наш бэтр стоит! "Духи" по ним с кладбища лупят! — Валера очертил рукой дугу, показывая, куда идти боевой машине, потом плюнул, не слюной уже, а горячим прогорклым воздухом и прохрипел: — Подожди, сам покажу! Эх, щас будем делать дело!" Он вернулся в окоп через несколько минут, удовлетворенно сообщив: "Пор-рядок! Щас влупят, "духам" мало не покажется!"

С фиолетовых сумерек до серого рассвета в Бамуте шел бой: несколько сотен стволов били со всех сторон, рвались гранаты, свистели мины, и человеку, даже военному, впервые оказавшемуся в такой каше, спервоначалу совершенно невозможно было разобраться в этом хаосе движений, звуков, эмоций, чтобы найти свое излишнее, невинное себе и полезное товарищам место и предназначение. Но наши новые знакомцы — солдаты в обстановке разобрались быстро. Полк оперативного назначения внутренних войск сражался в ту ночь достойно.

Реплика "Нас окружают!", брошенная Валерой в самом начале, еще до полуночи, не выражала ни испуга, ни тем более паники. Старший сержант, замкомвзвода,

подстегивал бойцов, напрягая их в той лишь мере, которая необходима была для жесткой круговой обороны хотя бы до утра. Батальоном численностью в 57 (пятьдесят семь!) штыков до поры командовал ротный, старший лейтенант. Еще были прапорщик, старшина роты и сержант-контрактник, командир взвода материально-технического обеспечения. Игорь, единственный офицер, вымотанный предыдущими боями и заботами о личном составе, свалился с ног в самом прямом смысле — был ранен. Оба "унтера" — Сергей и Владимир — мотались по

позициям, руководя обороной. "Духи" атаковали с трех сторон: из поймы реки Фортанги, с кладбища и из развалин села через неширокую дорогу перед нашим окопом.

На войне не знаешь — где найдешь, где потеряешь. Командир полка накануне предлагал нам остаться на его КП, где связь, где оперативно отслеживается общая обстановка, где какие-никакие стены еще есть. Утром мы узнали, что именно в командирскую "кашэмку" угодила граната, подполковник со своим начальником штаба были выброшены из кунга взрывом и контужены. Мы же с вечера выбрали на время боя обычную солдатскую позицию в стрелковой ячейке и кроме изрядной дозы адреналина получили за ночь еще одно подтверждение старой истины — наш солдат непобедим.

С Валерой, Гришей, Сашкой и другими бойцами, кто заскакивал время от времени к нам в окоп, не было страшно. Они вели огонь из автоматов, пулемета, подствольников, выскакивали из окопа и бегали из РПГ, а Валера бегал еще и к стоявшей рядом БМП, мочил "духов" из ее пушки, пока орудие не заклинило. "Музыка боя" — это от лукавого, какая, к черту, музыка! Бой — это кусок жизни на самой ее острой грани, у роковой черты, когда за жизнь надо биться до конца, когда невидимые свинцовые многоточия из темноты запросто могут завершить твои девятнадцать, двадцать, сорок пять лет...

Я учился у солдат воевать. Оставшись без стула, обматерил тех, кто придумал, что журналисты некомбатанты. И стал снаряжать наших бойцов автоматные рожки и пулеметные ленты. Десять магазинов, двадцать, и еще, и еще, по двадцать патронов, по тридцать... счет потерялся. Бумажные патронные пачки устилали дно окопа, за бруствер выброшен

один цинк, второй. Когда притащили еще один ящик, Валера прохрипел: "Да у нас 5,45 еще есть, тащите туда!" — и махнул рукой в темноту. Когда перестрелка стихала, успевали сделать по паре затяжек "красной плесени" (так солдаты прозвали дешевые сигаретки "Краснопресненские"), когда фотокор Олег Смирнов обнаружил в бездонных карманах своего разгрузника фляжку с остатками воды, которой досталось по полглоточку, и вовсе хорошо стало.

Страх может погубить. Так же, как и паника, психоз. Отвага поможет тебе и това-

рищам, которые с тобой рядом. В бою могут сгубить равнодушие и расслабуха. Тот, у кого достанет сил физических и моральных, не просто выйдет из боя живым, он выйдет из него победителем. При любом итоге боя он победит себя. Такими были наши солдаты...

Матерых, как нынче принято говорить, среди солдат наших войск, повоевавших в Чечне, немало. В официальном донесении о том памятном бамутском бое среди особо отличившихся названо их всего-то с десяток. Кого-то представляют к наградам, кого-то, может, и наградят. Десятки и сотни останутся безвестными пахарями войны. Двадцатилетние фронтовики. Солдаты...

Они не сломаются ни во время службы, ни после, на гражданке. Если их не сломают разномастные пацифисты своими воплями о "неправедной войне", о "карательных акциях" внутренних войск России в "независимой Ичкерии". Солдаты, люди боя, трудно привыкают к тишине. Их взбодороженные души ждут не ласки, не жалости, но человеческого понимания, тепла и участия сограждан. Солдат в России был всегда любим народом. Когда народ был добр и не ожесточен сердцем.

Они — не потерянное поколение. Они — наши сыновья. Они — рабоче-крестьян-

ская армия. В большинстве — русская, хотя среди воевавших, смелых и отважных, раненых и погибших, награжденных боевыми наградами и не отмеченных ни единым знаком внимания есть украинцы и белорусы, калмыки, татары и башкиры. В Бамуте встретили среди наших солдат грека, армянина и даже турка-месхетинца. Рано сделали "интернационализм" ругательным словом.

Но и космополитами без роду, без племени не стали наши солдатушки — бравы ребятушки. Православные крестики на одном шнурке со смертным жетоном — не дань моде. Мода — это "хард металл", "жвачные" красотки, наклепленные на автоматы, прически "чеченский ноль" — кружок на макушке. Это все преходяще. Вера — вечное. А парни наши несут в сердцах веру, хоть не кричат о ней, как "аллахакбаровцы".

Образ российского солдата, воющего в Чечне, на широкою публику вынесен зачастую размазанным и искаженным. То обличительно-хулительно, то слезливо-жалостно. Очень редко уважительно-героически. Говорят и пишут о солдатах растерянных, сожженных и плененных, пьяных и оборванных, цедят сквозь зубы что-то брезгливо-презрительное о солдатах-заморышах. Язвят в адрес служивых ведущие популярных теле- и радиопередач, корреспонденты демо-вольных газет, поносят армию и внутренние войска высокие государственные мужи, депутаты и правозащитники. И редкий голос даст этим злопыхателям достойную отповедь-вразумление.

Представитель краснодарской телерадиокомпании "Кубань" спросил недавно в прямом эфире ведущую авторского канала Российского радио, читала ли она что-нибудь о нынешних солдатах-Героях. Да, отвечает хозяйка эфира, были какие-то указы о награждении... И только-то? Зато растиражированные "Известиями", НТВ образы чеченских робингутов типа Шамиля Басаева знакомы до омерзения. Ответственные за государственную безопасность страны люди против террориста Басаева уже как будто ничего и не имеют, он, дескать, теперь себя хорошо ведет. Быстро забыли, как в кошмарные дни буденновских событий кое-кто невразумительно бляял, столкнувшись напрямую с беспрецедентным коварством и наглостью, принял условия бандитской игры, когда надо было схватиться с преступниками в решительном поединке. Нет же, на поединке, словно перед Куликовской битвой, выходят рядовые ратники. И их же, посадив на короткий поводок у ноги "хозяина", вновь виноватят. Без зазрения совести русскоязычные зубоскалы-кукольники уже выставляют российского военного в козли-

ном обличье. Ату, мол, его, козла отпущения! Это должно понравиться тем, кто до икоты ржет над Чокниным и кто считает именно его русским солдатом. А вот о конкретном подвиге конкретного российского воина рассказать никто не сподобился. Не та война?

Любимовский "Взгляд" вызволил из чеченского плена военнослужащего Российской армии. Идиллический сюжет — полевой командир "духов" впоследствии обнимает освобожденного перед камерой, советуя больше не воевать с чеченцами. Великoduшие горцев напоказ. Реклама миролюбцам из "Взгляда" обеспечена. Добрый Любимов дает "свой" эфир этому "кавказскому пленнику", свежее обращенному в мусульманство, чтобы сказал россиянам: Бог, мол, един, что Аллах, что Христос, а командиры наши — сволочи, отрезанные головы для устрашения показывают. Надо было видеть в ту минуту глаза православного священника, претерпевшего муки чеченского плена — и гнев, и презрение смешались во взоре нестарого еще батюшки, оказавшегося "благодаря" Любимову рядом с позорным клятвopеступником и хриstopродавцем, и жалость к заблудшим, и укор публично творящим блуд.

Да, попадали в плен к бандформированиям наши солдаты. Многие были убиты, отказавшись нарушить присягу, предать отеческую веру, служить на стороне врага. Некоторых вызволили путем переговоров, выкупили у сребролюбивых работорговцев за собранные по кругу деньги. А недавно семеро смелых бежали из бандитского лагеря с оружием в руках, перебив "духовскую" охрану, преодолев страх, показав, на что способен русский отважный солдат. Об этом мало кто знает.

И недокорм в войсках случается, как и повсюду нынче в стране — на шахтах, в школах, больницах. Возьмите, да посчитайте, умники, поносящие армию, сколько калорий и витаминов содержится в пайковой банке "красной рыбы" — кильки в томатном соусе или в миске "шрапнели" — перловки, сваренной на воде. Сосчитали? Теперь съешьте с сухариком такой завтрак, наденьте пудовый бронжилет, возьмите пулемет с парой-тройкой боекомплектов и... с Богом, в бой!

Пьяных солдат, хоть нечасто, тоже приходилось наблюдать. Одного такого вели патрульные на "губу" в Ханкале. Той же дорожкой, которой проходил в свой вагончик и поддавший "для снятия стресса и лечения простуды" офицер. Простим их. Ибо слаб человек! А с пьянством бороться, конечно, надо — в России. И чтоб в угоду новым русским барышнякам не везли с того же "непьющего" Кавказа КамАЗы дурманящего зелья, должны стоять посты на дорогах.

Такой пост на федеральной (не чеченской!) трассе Ростов — Баку бился с бандитами всю ночь. Сибирские медведи дали жару моджахедам: уничтожили как минимум двух нападавших (подтвердил радиоперехват), захватили стрелковое оружие, мины, выстрелы к гранатомету. У наших потерь не было. Наутро часок прикорнули в землянке, умылись, малость перекусили и... в окопы, на "контроль".

Из боя в бой идут солдаты без жалоб на усталость, без лишних эмоций. Разорванные в бою штаны и куртки менять нечем, вода для умывания — что на брезенте палатки после дождя собралось. Под тем же дождем всю ночь ремонтники латали "коробочку", одну из двух на батальон. Не сделали б, их братишки на высоте без патронов остались бы...

Солдаты в боевой обстановке мужают на глазах. Проходит месяц-другой, и вчерашние мальчишки, недавние рокеры и бюзотеры, непослушные, своенравные, хулиганистые, становятся бойцами. Мало кто хочет в тыл, "косящих" и ноющих в любой части можно сосчитать по пальцам одной руки. Чаще встречали других: с легкими ранениями парни ни в какую не хотели эвакуироваться в госпиталь, после тяжелых ран и контузий скорее просились обратно на передовую.

Вспоминается одна из первых ночевок в Грозном. Январь 95-го. Квартируем у саперов. Сырой холод. Бетонный гараж пока без печки, на столе оплывает с макушки до валенок стеариновый Дед Мороз — где-то подвернулась кстати упаковка со свечамисувенирами. Впоялку лежат на голых досках и офицеры, и солдаты. Большинство уже спит, изрядно притомившись за день. Бодрствующие переживают первые впечатления, разговор ведут прямой, без дураков.

— А эта война правильная или нет? Может, зря мы сюда пришли?

— Пойми, братец, в каких войсках ты служишь, — МВД! Войска внутреннего употребления. Чечня — это Россия?

— А то че же?! Вон сегодня нас кто встречал — одни русские.

— Вот! Значит, никакие мы не оккупанты. Но учтите, ребята, говна на нас еще ой-ей-ей сколько выльют! Я-то уже привык — и в Тбилиси был, и в Вильнюсе, и в Карабахе... Мы ведь, как ни повернись, с одной стороны в крови, причем наша кровь-то, пацанов наших раненых и убитых, а с другой стороны — непременно в дерьме. Как ни вертись! И здесь так же. Мы вокруг Чечни стояли, к нам русские отсюда чуть не на коленах: "Ребята, что ж вы смотрите, как нас насилуют эти черные? Они ж озверели уже. Кто ж нас защитит?"

Ладно, стали заходить. Опять все через

задницу! Наши из Приволжского округа под Хасавюртом в заложники попали. Нам кричат: "Как это так — солдаты с оружием в плен сдались?!" Плохо! А если б они всю эту толпу стали мочить — всех подряд, баб этих, детей? Еще хуже — вой бы поднялся на весь мир. Чеченцы нам, взвешникам, чекистам, энкаведешникам еще и 44-й год грозятя припомнить, как будто это мы их депортировали.

В общем, ребята, стиснем зубы — и вперед! Сейчас спим. А завтра рот не разевать, плохой нам район достался, да тут, сами, наверное, уже врубились, дела хреновые...

— Да-да, варежку-то не разевайте, а то говна нахлебаетесь! Если не хуже...

Натянув шапки поглубже на уши, подняв воротники, бойцы прижались друг к другу, чтобы уснуть холодным черным сном под близкий гул артиллерийской канонады.

Двое из тех бойцов бригады оперативного назначения были ранены следующим утром перед воротами Чеченглавснаба, где у "духов" был опорный пункт. Был январь 95-го.

А летом на Куликовом поле встретили мы их, загорелых, улыбочивых, в полной боевой. Едва узнали парней — за полгода раздались в плечах, походка стала солидно твердой, какой и должна быть у хозяина своей земли. Эти-то бойцы и напоми-

ли о том давнем разговоре. Все, говорят, так и случилось: и кровушкой умылись, и грязью поливали их после тех же Самашек. Но выдюжили — и физически, и морально. От души порадовались мы, что не перевелись на Руси добры молодцы.

Солдат, повоевавший по-настоящему, готов заменить, если потребуется, сержанта, прапорщика, даже офицера. Примеров тому за время чеченского похода — несть числа. Еще когда шли первые колонны на Грозный, младший сержант срочной службы привел из владикавказской бригады внутренних войск двенадцать БТРов, два топливозаправщика и санитарную "таблетку", совершив сложнейший марш по бездорожью, сквозь туман, засады и обстрелы. В части не нашлось ни единого офицера для выполнения смертельно опасной боевой задачи. Механик-водитель БТРа привел колонну без потерь. Пораженный мужеством, самоотверженностью и мастерством воина заместитель министра внутренних дел тогда приказал: "Где этот младший сержант? Выловите его! Если он согласен — представьте его к званию капитана". А несостоявшийся капитан уже сидел за рулем своего БТРа, мотаясь где-то на передовой со штурмовой группой соборцев...

Не раз в Чечне приходилось слышать мнение офицеров-"афганцев" о том, что командиры подразделений должны быть со своим личным составом на войне, как говорится, от звонка до звонка. В войсках

сложилась другая практика: офицеры заменялись сначала через сорок пять суток, потом через два месяца. Кое-кто во вторую спецкомандировку уже не ехал: болезни жены и детей обострялись, собственные тайные хвори обнаруживались, "резко" увольнялись лейтенанты, нашедшие на гражданке кусок хлеба с изрядным слоем масла, а то и с икоркой осетровой. Словом, офицеров стало не хватать катастрофически. Солдат в войсках тоже в последние годы недобор. Но солдаты оставались в окопах и два месяца, и шесть, и больше года. Если не ломались, не скидали (таких, повторюсь, было немного), то закалялись до высших пределов. Но не "гвозди бы делать из этих людей", а дать все положенное героическому солдату великой страны: новое вооружение и технику, исправное обмундирование и полноценный харч. И, главное, конкретную боевую задачу...

Удержат высоту! Таков был приказ тридцати семи бойцам одного из самых воюющих полков Северо-Кавказского округа внутренних войск. Они ее удержали, сбив "духов" при попытке подняться на Лысую гору у Бамута. Единственный офицер, начальник штаба батальона, был тяжело ранен. Солдаты держали круговую оборону до утра.

Через двое суток "духовский" штурм повторился. Своего раненого начштаба заменил комбат. Солдаты остались те же, менять их было нечем. Бойцы были довольны, что привезли им с базы отремонтированный пулемет, что поставили хоть маленький, 82-мм, минометик, что пополнили с утра боезапас. А что вечером выпили последний глоток воды, это ничего — потерпим. Принимаем бой!

Мы, два корреспондента войскового журнала, жутко устали в ту ночь на Лысой горе. Хотя, по большому счету, в ночном бою были лишь наблюдателями. Наутро уезжали, и было как-то совестно оставлять на высоте мальчишек для очередного боя. Похлопали по плечам, отсыпали табачку, пожелали удачи...

Отправились в Бамут. И снова бой. И снова окоп. И снова отважно бились с "духами" мальчишки. Другого полка мальчишки. Одной страны сыновья — солдаты России. Наши солдаты.

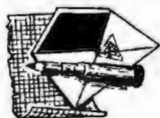
Спозаранку мы снова влезли на броню — уезжали, увозя раненых и убитых. А живые солдаты оставались в Чечне. Пока они живы, жива будет и Россия...

**Полковник Б.КАРПОВ.
Фото О.СМИРНОВА.**

Войною рожденные строки

Подполковник
Искандар БУРНАШЕВ

Обращаюсь именно к вам, потому что журнал "На боевом посту" не боится публиковать правду о чеченской войне. Возможно, вас заинтересуют мои стихи, посвященные этим событиям. С августа 95-го по апрель 96-го с небольшим перерывом вместе со своим батальоном я выполнял служебно-боевые задачи в районе Аргуна...

ПИСЬМО ДОМОЙ

Ты все поймешь
В простом моем рассказе —
Ведь строчек этих
Не коснулась ложь.
Но правды всей,
Как служат на Кавказе,
В письме моем,
Конечно, не прочтешь.

О том, как здесь
Шарахают снаряды,
Как дышит смерть
Окопным холодком...
Мне тяжело,
Что ты сейчас не рядом.
И хорошо,
Что все же далеко.

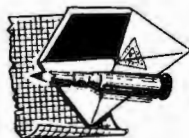
Здесь вправду можно спать,
Когда захочешь,
И есть дадут,
Как только попрошу.
(А то, что врач
Латал меня полночи,
Об этом я
Пока не напишу).

Ведь мы сюда идем
Не за наградой,
И лупят нам
И в спину, и с боков.
Как тяжело,
Что ты со мной не рядом.
Как хорошо,
Что все же далеко.

Считаю дни,
Когда мы будем вместе,
Когда вернусь
В родную тишину.
(А то, что мой сосед
Стал "грузом двести",
В письме своем
Я не упомяну).

Я знаю,
Что о горестном не надо —
Тебе и так сегодня
Нелезко.
И тяжело мне,
Что ты со мной не рядом.
И хорошо,
Что все же далеко.

Ефрейтор
Наталья ХАУСТОВА

Уважаемая редакция, поводом для моего письма послужило горестное событие: 22 марта нынешнего года в бою за село Самайки погиб настоящий офицер, прекрасной души человек майор Виктор Семенович Макаров. Осталась несыгранной его свадьба, война черной полосой перечеркнула надежды, мечты, стремления. Он служил в соседней с нами части начальником штаба батальона. Можно много говорить об этом человеке добрых, чистых, светлых слов. Смерть его глубоко отозвалась в душах знавших его людей, многих подтолкнула к переоценке собственной жизни. Я написала стихотворение...

УБИТАЯ ЛЮБОВЬ

Всем невестам,
не дождавшимся своих любимых,
посвящается

Я такую видела картину,
Не картину — жизни страшный сон:
Женщина сидела в изголовьё
У того, кто был в нее влюблен.

Женщина сидела — не невеста,
Не вдова, не мужняя жена.
Было счастье рядом, очень близко,
Но война его отобрала.

Женщина сидела, вспоминала,
Плакала и вспоминала вновь.

Женщина сидела и смотрела
На свою убитую любовь.

С фотографии глядел безмолвно
На нее любимый офицер.
Боже, как жестоко, хладнокровно
Был он взят врагами на прицел!

Женская душа в тот миг молилась,
Слышалась убитого поднятия.
Но жестоко жизнь распорядилась
И свою поставила печать.

Женщина сидела — не невеста,
Не вдова, не мужняя жена.
Счастья человеческого место
Заняла чеченская война.

п. Казачьи Лагери, Ростовская обл.

Полковник
Вячеслав КОРОБЕЙНИКОВ

Стихи пытаюсь писать со школы, не для славы — для души. Иногда читаю их друзьям и знакомым. До вашего журнала нигде не печатался. Правда, не так давно, когда прочитал сослуживцам одно из стихотворений, написанных в Чечне, мне сказали, что оно было напечатано в нашей окружной газете и подписано — "неизвестный автор". Я этого не знал. Я его написал в Гудермесе в августе 95-го и подарил комбату Володе Гришану... Вам посылаю одно из последних своих стихотворений.

ЗАЧЕМ?

За окном госпитальным — зород,
Вечер светится окнами целыми...
Может, выпишут уже скоро?
Что же там под бинтами белыми?
На проспекте зрощ не танковый —
По маршрутам трамваи бежут.
И не лупит кинжальным станковый:
За окном не Аргун, не Бамут.

Ничего не горит, не взрывается,
И о мире приемник вещает.
Только что же так сердце
сжимается,
Что его пополам разрывает?

Не поднимешь погибшего друга.
И зачем — не могу понять —
Все гоняют войну по кругу?
Сколько можно так воевать?

Санкт-Петербург.

По сообщениям пресс-службы внутренних войск МВД России

Август стал серьезным испытанием для группировки федеральных сил в Чеченской Республике. Нападение боевиков на Грозный унесло жизни сотен военнослужащих. Сегодня мы продолжаем печатать скорбные списки боевых потерь внутренних войск. К сожалению, и нынешняя публикация имен погибших не поставит окончательную точку в августовской трагедии. До сих пор неизвестна судьба десятков солдат и офицеров, пропавших без вести в те дни на улицах чеченской столицы. Мы постараемся сделать все для того, чтобы не были преданы забвению имена тех, кто погиб на этой войне.

В ходе августовского налета на Грозный погибли и умерли от ран:

младший сержант Олег ЯКШИЦ,
рядовой Александр КОРШИКОВ,
рядовой Алексей ЕНАПЛАВКОВ,
рядовой Виктор КОНОНОВ,
ефрейтор Борис ТОНТОВЕВ,
капитан Олег ВИЗНЮК,
рядовой Владимир МАКАРОВ,
рядовой Алексей ШТУХАРЕВ,
младший сержант Виталий ШИШКИН,
младший сержант Алексей ШАПОВАЛОВ,
рядовой Олег ШКИЛЕВ,
рядовой Даниил ГОРБУНОВ,
младший сержант Александр БАНИШЕВ,
рядовой Сергей ПУШКОВ,
рядовой Рифат ХАСАНОВ,
рядовой Евгений ШМИДТ,
рядовой Владислав ПЕТРОВ,
рядовой Владимир ПЕТРОВ,
рядовой Александр ЗЮЗИН,
рядовой Владимир КОТОВ,
рядовой Юрий КОЛАКОЛОВ,
рядовой Виталий ФИЛИППОВ,
рядовой Анатолий КАЛАШНИКОВ,
рядовой Виктор КОШЕЛЕВ,
рядовой Виктор ИОНОВ,
рядовой Алексей КУЗИН,
рядовой Алексей БРЮХИН,
рядовой Сергей АСЛАМОВ,
рядовой Евгений ПОЛЫШОВ,
рядовой Сергей БОРИСОВ,
лейтенант Сергей КАНЕШЕВ,
рядовой Владимир ЛИТОВЧЕНКО,
рядовой Андрей КИРИЛЛОВ,
рядовой Марат УМУРЗАКОВ,
старший сержант Владимир СТОЯН,
младший сержант Дмитрий ДОРОДОВ,
старший лейтенант Андрей БОРНУСОВ,
рядовой Анатолий ПИКАЛОВ,
рядовой Алексей ПЛОТНИКОВ,
младший сержант Виктор САМСОНОВ,
рядовой Иван ДРАНЫЙ,
младший сержант Егор САЖИН,
ефрейтор Сергей ПАНФИЛОВ,
рядовой Юрий ФЕДЬКИН,
ефрейтор Андрей САЗЫКИН,
рядовой Рамвиль ЗАГИТОВ,
сержант Александр ГРИДНЕВ,
ефрейтор Юрий МАЗУР,
капитан Альберт СОЛОВЬЕВ,
рядовой Роман КОПАЧЕВ,
старший лейтенант Александр КАРДАШОВ,
рядовой Дмитрий ЯКОВЛЕВ,

старший сержант Владимир НЕМЬКИН,
рядовой Ильнур ГАЗИМОВ,
старший лейтенант Евгений АВТОНОМОВ,
старший лейтенант Олег РЕНЕВ,
рядовой Вадим ЕРМАКОВ,
рядовой Владимир ПОНОМАРЕВ,
ефрейтор Игорь МОШКИН,
капитан Виталий ПОТАПОВ,
рядовой Александр АНТОНЕНКО,
сержант Виктор ЧИПУРНОЙ,
старший прапорщик Олег КАРМАНОВ,
сержант Олег ЮРКОВ,
сержант Сергей ЧЕСНОКОВ,
младший сержант Олег МАЗУРИН,
рядовой Александр БУТОВ,
ефрейтор Максим ШИРЯКОВ,
рядовой Олег БАБИЛАДЗЕ,
рядовой Александр КОВАЛЕВ,
рядовой Айдар ДЕМИТОВ,
рядовой Виталий ВЯТСКИХ,
рядовой Денис ШАВАЛЕЕВ,
рядовой Алексей ТРИФОНОВ,
сержант Владимир КОПТЕЛИН,
сержант Юрий МОРОЗ,
рядовой Серик ТАСИМЕНОВ,
ефрейтор Николай КАРАМЫШЕВ,
ефрейтор Александр ЕРЕМЕНКО,
рядовой Владимир ТРУБАНОВ,
рядовой Дмитрий ДАНЬКО,
рядовой Георгий ЛУКОВНИКОВ,
рядовой Алексей ФОМИН,
рядовой Игорь БАБАИЦЕВ,
рядовой Денис БАБАМУХАМЕТОВ,
старший лейтенант Дмитрий ПИНИТИН,
лейтенант Андрей КИРЮШКОВ,
сержант Александр КУСКОВ,
прапорщик Виталий МАКСИМЕНКО,
старший лейтенант Олег КАРАУШ,
рядовой Сергей ШАХМАДОВ,
ефрейтор Виктор БОЛТЕНКОВ,
рядовой Алексей НИКОЛАЕВ,
рядовой Сергей БРОВКО,
рядовой Шамиль НАСИБУЛИН,
рядовой Владимир БАШАРОВ,
рядовой Сергей ИВАНОВ,
рядовой Петр РОМАНОВ,
ефрейтор Олег МАКСИМОВ,
ефрейтор Антон КУЛАКОВ,
рядовой Алексей СЕРГЕЕНКО,
рядовой Павел ПОПОВ,
рядовой Сергей ТЮТРИН,
рядовой Михаил ЖУКОВ,
рядовой Вячеслав СЛОБОДЧИКОВ,
рядовой Дмитрий СЕНИН.

После вывода войск из Грозного и снятия контрольно-пропускных пунктов, блокпостов, застав фактически хозяевами чеченской столицы стали сепаратисты. Они контролируют практически весь город и все коммуникации. В республике насаждается атмосфера страха. Представители русскоязычного населения, да и многие коренные чеченцы живут ожиданием возможных провокаций. Продолжается преследование сторонников правительства Доку Завгаева, боевики реквизируют транспорт, скот, дорогостоящее имущество. По сведениям из информированных источников, имеются слу-

чаи расстрела лиц, лояльных правительству Завгаева. Приведением в исполнение приговоров занимается печально известный Департамент государственной безопасности (ДГБ) Ичкерии. Сторонники Завгаева власть сдавать добровольно не намерены, спешно вооружаются, создают отряды самообороны, оборудуют опорные пункты, позиции. В Грозном на сегодняшний день насчитывается до двух тысяч бандитов, в целом по республике — до шести тысяч. В последние дни в столице начали возвращаться боевики, которые ранее официально покинули ее.

Практически все места пунктов постоянной дислокации блокированы. За военными городками бандиты установили наблюдение, в некоторых местах ведутся даже инженерные работы по оборудованию местности. Боевики пытаются уточнить численность оставшихся в городе войск, фамилии, адреса наиболее отличившихся в боях военнослужащих.

Руководство сепаратистов крайне отрицательно относится к возможности оставления в республике каких-либо частей и подразделений, в том числе и бригады внутренних войск, стараются всячески опорочить военнослужащих, с этой целью через средства массовой информации дезинформируют общественность о якобы имеющих место случаях мародерства, грабежа.

Сепаратистов, которые сегодня правят в Грозном, можно условно разделить на две основные группировки: с зелеными флагами — боевики Яндарбиева, с черными — «непримиримые», которые Яндарбиеву не подчиняются. У бандитов много транспорта, который во время недавних боев был похищен или захвачен у местной милиции, военнослужащих. Много машин с номерными знаками Ставропольского и Краснодарского краев, Ростовской и Московской областей, Ингушетии и Дагестана.

Вооружены боевики не только стрелковым, но и противотанковым оружием, имеется у них и боевая техника.

Сложившаяся ситуация в Чеченской Республике отрицательно повлияла на обстановку в соседней Ингушетии. Здесь вновь возникла идея создания единой вайнахской республики. По сообщениям информированных источников, Ингушетия предоставила места отдыха для вышедших из Чечни бандитов, базы для хранения оружия и захваченной в ходе боевых действий техники. В свою очередь бандиты, как показывают некоторые перехваты переговоров, готовы оказать помощь Ингушетии в решении вопроса с Пригородным районом Северной Осетии. Это тоже не способствует созданию нормальной обстановки на Северном Кавказе.

25 августа. После нескольких серьезных провокаций со стороны боевиков по отношению к подразделениям федеральных сил переговорный процесс поставлен практически на грань срыва. Накануне в Грозном была остановлена колонна внутренних войск. Прикрываясь мирными жителями, боевики захватили оружие у 58 военнослужащих. Вечером этого дня около 400 бандитов при поддержке бронетехники заблокировали комендатуру в Старопромысловском районе и в ультимативной форме потребовали от военнослужащих сложить оружие и покинуть город. Аналогичные действия боевики предприняли в Аргуне. Юго-восточнее населенного пункта Новый Шарой застава внутренних войск подверглась интенсивному обстрелу. Один военнослужащий ранен.

27 августа. Боевые действия на территории Чечни не велись. Позиции федеральных сил обстреливались 6 раз, из них в Грозном — 3. Трое военнослужащих получили ранения. Минувшим днем из чеченского плена с боем удалось вырваться семи военнослужащим внутренних войск.

31 августа. В результате продолжившихся переговоров между секретарем Совета безопасности Александром Лебедем и начальником штаба чеченских незаконных вооруженных формирований Асланом Масхадовым было подписано соглашение о создании с 1 октября нынешнего года объединенной комиссии, главная цель работы которой — обеспечение выполнения указов Президента России по урегулированию в Чечне, подготовка предложений по выводу из республики федеральных сил, проведение мероприятий по борьбе с преступностью и терроризмом. Между тем, как заявил Российскому информационному агентству командующий внутренними войсками генерал-полковник Анатолий Шкирко, сепаратисты, пользуясь мирным соглашением, создают специальные отряды, которым поставлена задача отбирать личное оружие у военнослужащих. Надежда, как отметил командующий, остается лишь на работу созданных совместных комендатур.

1 сентября. Стало известно о расстреле боевиками младшего сержанта Юрия САМСОНОВА.

2 сентября. В Грозном продолжают действовать совместные комендатуры. На сегодняшний день они, по сути, являются единственными органами власти в городе. 270 представителей российской стороны и столько же чеченских сепаратистов практически круглосуточно сопровождают колонны, несут службу на блокпостах, отлавливают мародеров, охраняют общественный порядок. До сих пор остается неясной судьба 205-й отдельной мотострелковой бригады СКВО и 101-й бригады внутренних войск, которые должны дислоцироваться в Грозном. Руководство боевиков однозначно высказывается за вывод этих соединений из чеченской столицы.

Наиболее острой является проблема обмена военнопленными. В плену у боевиков до сих пор находится свыше 1000 российских военнослужащих. Затрудняет этот процесс масса требований, выдвигаемых полевыми командирами. Как правило, в обмен на солдат они требуют конкретных людей, зачастую не имеющего никакого отношения к нынешнему вооруженному конфликту. Некоторые боевики пытаются заполучить при обмене оружие, боеприпасы.

5 сентября. За минувшие сутки позиции внутренних войск в Чечне подвергались обстрелам 5 раз. В отдельных случаях открывался ответный огонь. Во время краткосрочного боя на южной окраине Грозного один военнослужащий погиб, двое получили ранения. Еще четверо военнослужащих погибли и пятеро получили ранения, подорвавшись на минах.

6 сентября. От ран, полученных в начале сентября, в военном госпитале умер рядовой Андрей ЧИПЛЯКОВ.

10 сентября. В районе населенного пункта Алхан-Кала подорвался на фугасе бронетранспортер внутренних войск, экипаж которого вел инженерную разведку местности, несколько человек были контужены. Еще двое военнослужащих ранены в результате обстрела позиций

внутренних войск (за сутки их зафиксировано три).

12 сентября. В нарушение договоренностей отряды сепаратистов создают свои блокпосты на стыке горной и равнинной частей Чечни. Блокпосты появились на так называемом "старом казачьем рубеже": в районе населенных пунктов Ищерская, Новотерский, вплоть до станции Червленая и Николаевская. На каждом из таких блокпостов находятся до 20 боевиков, вооруженных стрелковым оружием и крупнокалиберными пулеметами. По оценкам военных, и в Грозном происходит концентрация вооруженных сепаратистов, представители которых заявляют, что "не покинут город, пока российские войска находятся в Чечне".

14 сентября. Как сообщили в штабе Объединенной группировки в Ханкале, временно приостановлен вывод войск из Чечни до "полного решения проблемы военнопленных". Консультации по данному вопросу между федеральной стороной и сепаратистами происходят регулярно, однако его решение сопряжено с рядом трудностей. В штабе федеральных сил подчеркивали, что возобновление вывода войск и четкое выполнение его графика напрямую связаны с реализацией соглашений, достигнутых в Новых Атагах.

Подорвался на mine и погиб рядовой **Дмитрий ТЕПЛЯКОВ**, в госпитале умер от ран **сержант Олег ХОДЫРЕВ**.

15 сентября. В результате подрыва на mine погибли **сержант Алексей ЗАДНЕПРОВСКИЙ** и **рядовой Павел КРАВЕЦ**.

20 сентября. Чеченцы в одностороннем порядке передали российской стороне двух военнослужащих внутренних войск — Сергея Ведерникова из Пермской области и новосибирца Владимира Харлова. Это произошло в районе военной базы Ханкала. Оба военнослужащих были взяты в плен боевиками 31 мая нынешнего года в ходе четырехчасового боя в районе населенного пункта Шуани Ножай-Юртовского района.

22 сентября. В пригороде Владикавказа потерпел катастрофу транспортный вертолет Ми-8 внутренних войск, перевозивший раненых и больных из Чечни. В результате этой трагедии погибли:

майор Виктор МАЛЬЦЕВ,
рядовой Константин КУЛИШ,
рядовой Разин АХЛАДЕЕВ.

Десять человек получили ранения.

Вечером этого же дня военные в частном порядке договорились с полевыми командирами сепаратистов об освобождении из плена четверых военнослужащих федеральных сил, в том числе рядового Алексея Коробова из внутренних войск, находящегося в руках боевиков с мая нынешнего года.

23 сентября. Процесс обмена пленными набирает силу. Чеченские боевики представили российской стороне 13 ранее захваченных ими военнослужащих. 11 из них были переданы, двое военнослужащих внутренних войск — рядовые Лимонов и Клочков, — принявшие ислам, отказались вернуться домой.

При обстреле позиций внутренних войск **погиб рядовой Александр ТОЛБОНЕН.**

24 сентября. Освобождены из плена еще девять российских военнослужащих. В селе Старые Атаги федеральным войскам были переданы рядовые 503-го полка Министерства обороны. В ближайшее время планируется возобновить переговоры по освобождению 15 военнос-

лужащих, которых сепаратисты удерживают в районе селения Курчалой.

Агония чеченской войны каждый день добавляет в скорбный список имена новых жертв, погибших уже и в соседних с Чечней республиках Северного Кавказа. Сегодня в Дагестане на окраине Хасавюрта, города, где было подписано известное соглашение о мире, при проведении инженерной разведки местности подорвался бронетранспортер. По уточненным данным, получили ранения семь человек, один из них — **старший лейтенант Роман КОЛЦУН** — скончался от ран в полевом госпитале. Состояние двух солдат оценивается как крайне тяжелое. На месте трагедии работает комиссия. Уже известно, что на обочине дороги боевики установили фугас с использованием, предположительно, 122-мм снаряда. На территории Дагестана в последнее время все чаще стали появляться вооруженные отряды боевиков из Чечни, и сегодняшняя бессмысленная акция — это следствие их действий. Командующий группировкой федеральных войск в Чечне генерал Вячеслав Тихомиров расценил эту провокацию как попытку переноса чеченского конфликта на территорию Дагестана. Но при этом Тихомиров считает, что время ультиматумов прошло и вывод федеральных войск из Чечни идет строго по графику. Это стало ответом на заявление так называемого государственного комитета обороны Чеченской Республики Ичкерия, на котором некоторые полевые командиры заявили, что в случае еще одного срыва в графике вывода войск чеченские вооруженные силы окажут на них силовое воздействие. Президент Ингушетии Руслан Аушев полагает, что федеральной стороне не следует сейчас настаивать на разоружении чеченских сепаратистов. На пресс-конференции в Москве он предложил временно узаконить формирования боевиков, преобразовав часть из них в бригаду внутренних войск при МВД Чечни. Ингушский лидер категорически опроверг сообщения о том, что якобы в этой республике находит пристанище выходящие из боев чеченские боевики. Президент Ингушетии высказался за принятие Федеральным собранием России акта о всеобщей амнистии участников чеченских вооруженных формирований, включая полевых командиров Басаева и Радуева. Руслан Аушев предложил предоставить Чечне суверенитет на неделю. По его мнению, этого срока вполне достаточно, чтобы лидеры Чечни осознали, сколь высока цена изоляции от России.

От минно-взрывной травмы скончался **старший прапорщик Олег КОРОТКОВ.**

25 сентября. Согласно ранее достигнутым договоренностям столицу Чеченской Республики покинуло первое подразделение 101-й бригады внутренних войск. Между тем, за истекшие сутки на территории республики зафиксировано 3 обстрела позиций войск МВД России. По имеющимся сведениям, в ряде сел Чечни сепаратисты обучают молодых людей в возрасте от 16 до 18 лет минированию и стрельбе из гранатометов, а затем передают в распоряжение полевых командиров по месту жительства.

За период боевых действий в Чечне внутренние войска, по данным на 28 сентября, потеряли 981 военнослужащего убитым, около 5000 человек получили ранения.

Эти цифры не окончательны. Данные уточняются.

КОМАНДОВАНИЕМ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ ПРИНЯТО РЕШЕНИЕ ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК, ПОГИБШИХ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ВОИНСКОГО ДОЛГА.

ПАМЯТНИК БУДЕТ УСТАНОВЛЕН В г. МОСКВЕ.

АВТОРАМИ ПРОЕКТА ЯВЛЯЮТСЯ

СКУЛЬПТОР НАРОДНЫЙ ХУДОЖНИК РОССИИ А.БИЧУКОВ И АРХИТЕКТОР А.КУЗЬМИН.

**ДЛЯ СБОРА СРЕДСТВ НА СОЗДАНИЕ ПАМЯТНИКА ОТКРЫТ РАСЧЕТНЫЙ СЧЕТ: № 4141878
В ОПЕРАЦИОННОМ УПРАВЛЕНИИ (ОПЕРУ) ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РОССИИ г. МОСКВЫ,
МФО № 044501002, ИНН № 7722095572, ГУКВВ МВД РОССИИ,**

«НА ПАМЯТНИК ВОИНАМ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК».

**СБОР СРЕДСТВ И ОПЕРАЦИИ ПО ИХ ПЕРЕЧИСЛЕНИЮ РАЗРЕШЕНО ПРОИЗВОДИТЬ
ЧЕРЕЗ ФИНАНСОВЫЕ ОРГАНЫ ОКРУГОВ, СОЕДИНЕНИЙ
И ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК.**

СЫНАМ РОССИИ - ВОИНАМ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

ЧЕЧНЯ. Август —96

ВОЙНА ОКОНЧЕНА? МИР НАСТУПИЛ?

Фото О.СМИРНОВА

ВЫПУСКНИК

Пермского военного института
внутренних войск МВД России
должен уметь

ВСЁ!

Фото
А.АЛЕКСАНДРОВА

Герой
Российской Федерации

Герой
Российской Федерации

Герой
Российской Федерации
ЛАНСКОК
Сергей

ТВОИ ГЕРОИ, РОССИЯ!

Неиссякаема наша благодарность Героям, неувядаема память о тех, кто боролся и побеждал, погибал, но не сдавался, не отступал. Вышел в свет альбом «Твои Герои, Россия!». Он состоит из пятнадцати плакатов, посвященных воинам внутренних войск — Героям Российской Федерации. Альбом будет распространяться управлением по работе с личным составом ГУКВВ МВД России. Телефон для справок: (095) 361-81-87. В настоящее время отдел рекламы журнала «На боевом посту» готовит к выпуску продолжение альбома. Его плакаты будут посвящены нашим боевым товарищам, имена которыхполнили список Героев Российской Федерации. Контактный телефон: (095) 916-14-64.

А было так...

Такого за все время боевых действий в Чечне еще не было: семь солдат внутренних войск бежали из чеченского плена, перестреляв восьмерых охранников.

— Ты Федора-оружейника знаешь? — огоршил вопросом чеченец.

— Ну, я Федор, — ответил солдат и тут же получил такой сильный удар в лицо, что потерял сознание.

До армии Федя работал на ижевском оружейном заводе. Когда призвали на

В НИХ ПРОСНУЛСЯ РУССКИЙ МЕДВЕДЬ

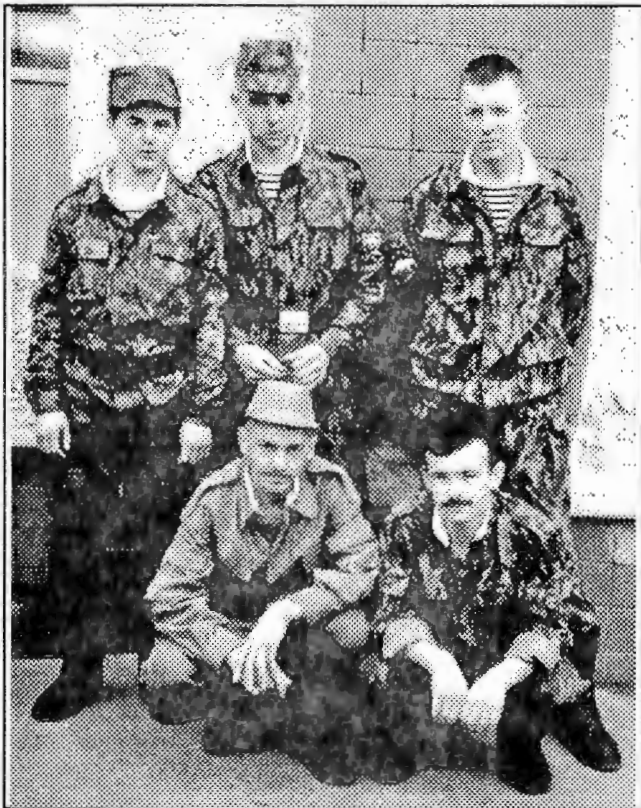
ФЕДОР:
“Боевики знали обо мне все, кроме почтового индекса”

Федор, как он сам признался, попал в плен по собственной глупости. В составе подразделения бригады оперативного назначения внутренних войск ефрейтор Петелин нес службу на блокпосту рядом со станцией Шелковской. Ночью 21 июля стоял на “вахте”. До смены оставалось всего ничего, и тут как на грех разболелся живот. Мутило так, что от боевой настороженности часового не осталось и следа. Долбила одна мысль: скорее бы сменили.

В это время у блока затормозила легковая машина. Вместо того чтобы дать тревожный сигнал командиру и взять автомат на изготовку, Федор беспечно подпустил к себе одного из приехавших.

— Поздно уже, проезд закрыт, — сказал он.

военную службу, знания пригодились: производил мелкий ремонт оружия, приводил его к нормальному бою. Когда местные, шелковские милиционеры, обрати-

Некоторые фамилии изменены.

лись с просьбой к командованию воинской части пристрелять их автоматы, это, естественно, поручили Петелину. В станице его знали, поэтому в ту ночь охотились именно на него...

Пришел в себя, когда на дворе уже было светло. Осмотрелся. Он лежал на полу, вместо солдатской формы, на нем была уже гражданская одежда. В помещении находились пятеро вооруженных боевиков.

На квартире его продержали пять дней. Один раз ему удалось выглянуть в окно и он понял, что находится все еще в Шелковской — рядом с домом проехало несколько бэтээров, как обычно, на местный хлебозавод.

На шестой день в сопровождении восьмерых боевиков его перевезли в другое село. Вечером Федор услышал, как один из чеченцев сказал по радиации: "Терек, я Седьмой, ждите груз". Ночью его доставили на берег реки и на лодке переправили через Терек. На другом берегу их ждала машина, как потом выяснилось, командира базы Абдул-Кадыра. Проехали два поселка, последний был Аллерой — и в горы.

Утром Федор узнал, что на базе находятся в плену еще пятеро солдат внутренних войск из Отдельной дивизии оперативного назначения. Ефрейтор Павел Иванов, рядовые Николай Камольский, Александр Холод, Андрей Кошкарев и Александр Скаченко. Этих ребят взяли в плен 31 мая на блокпосту у Шуани после четырехчасового боя, когда у них кончились боеприпасы. Держали солдат в яме. Вроде бы готовили к обмену.

База Абдул-Кадыра специализировалась на захвате российских солдат с последующим обменом или продажей, а также чеченских милиционеров.

В первый же день пребывания на базе Федя был очень удивлен неожиданной встречей со своим бывшим сослуживцем, с которым служили в одной роте. Звали его Борис. Вместе с Вовой Федоренко этот Борис дезертировал из части. Хотели добраться до дома, но попали в руки боевиков. Вовка пытался бежать и это стоило ему жизни, а Борис стал Бесолом. Принял мусульманство, боевики доверили ему оружие. Немного поговорив при первой встрече, Борис-Бесол в последующем покорились пленников, всем своим видом показывая, что они ему не ровня.

Дней пять Федор ничего не делал, только спал, кормили чеченцы его тем, что ели сами. Было странно, что за две недели его еще ни разу не допросили. Вскоре эта странность объяснилась очень просто. Петелина вызвал Абдул-Кадыр и... прочитал ему всю его биографию. Кто родители, где живет, место работы до службы. У полевого командира не оказалось только индекса места жительства. По словам Абдул-Кадыра, от Федора требовалось пристреливать оружие, помогать по хозяйству, взамен обещал жизнь. Говорил, мол, поживешь с нами, примешь мусульманство, станешь богатым человеком. Захочешь в родные края — пожалуйста, будешь учить своих родственников и друзей истинной вере. Иначе — в расход.

ИЛЬШАТ И СЕРТЕЙ:

***"Нас сытно накормили,
а потом взяли в плен"***

Их захватили в плен через четыре дня после пленения Федора. И тоже благодаря их собственной глупости. Одно из подразделений бригады дислоцировалось в Червленной. После боевого дежурства сержант Ильшат Кабулов и ефрейтор Сергей Шинов решили сходить к местным за продуктами. Тушенка уже в рот не лезла, захотелось домашней пищи. Естественно, никто из офицеров их бы не отпустил, поэтому ушли самовольно. Оружие решили не брать. Старик чеченец сытно накормил их, поэтому возвращались в роту в хорошем настроении. Но их уже ждали. Неожиданно появившиеся двое мужчин с автоматами приказали солдатам идти к машинам. Там сидели вооруженные боевики. Пленников захихнули в разные легковушки.

Ильшата сначала привезли в населенный пункт Щедрины, потом проехали еще несколько сел, названия которых он не помнит. В одном из сел переночевали, а утром следующего дня пристроились к толпе митингующих, чтобы под их прикрытием пробраться через российские блокпосты. Так добрались до Терека. Там их поджидали боевики и, что немного удивило Ильшата, турок. Чеченцы поставили его в пример: вот, мол, приехал к нам воевать за веру. А ты, татарин, мусульманин, воюешь против братьев. Будешь молиться с нами, станешь нашим братом. А пока поменьше общайся со своими, они неправильные люди. Ильшат решил, что

самое умное в его ситуации, помалкивать. На другом берегу ему завязали глаза и сняли повязку на базе Абдул-Кадыра.

Сергей был уже там. Его везли тем же путем, что и Ильшата. Передавали из рук в руки, в конце концов он оказался у командира группы Супьяна. Как только зашли в его дом, Сергей увидел обросшего мужчину с кровоподтеками на лице, прикованного к кровати. Как оказалось, это то ли полковник, то ли подполковник, взятый в плен в Грозном. Его зовут Анатолий, есть дочь Наташа. Это все, что удалось узнать Сереже. Один из боевиков спросил Супьяна, можно ли избить офицера, на что тот ответил: "Сегодня не надо".

С самого начала боевики на базе стали почему-то относиться к Сергею хуже, чем к остальным пленникам. Не нравилось, как он смотрел на них, как выполнял работу по хозяйству. Особенно лютовали Шамид и Беслан. Они заставляли ребят избивать друг друга, всячески оскорбляли их. Один раз Шамид приставил автомат ко лбу Сергея и нажал спусковой крючок... Благо патрона в стволе не оказалось.

ПОБЕГ:

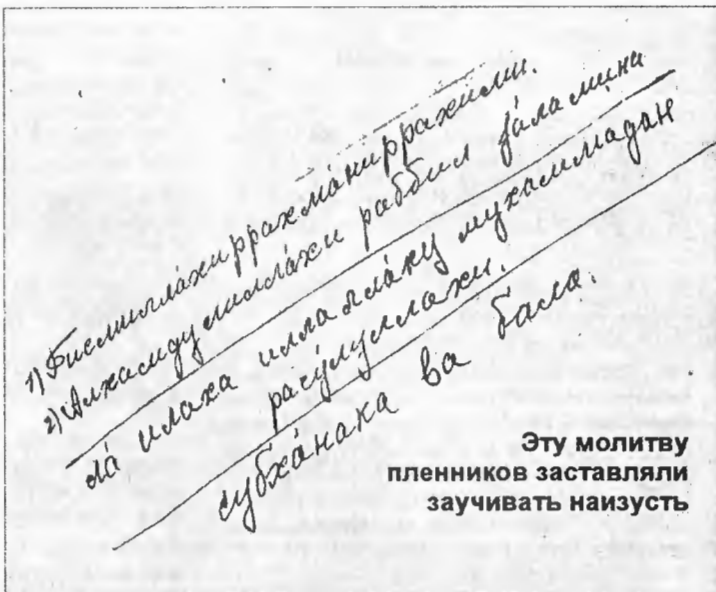
сработал вариант №3

Когда в августе начались бои в Грозном, Абдул-Кадыр, взяв с собой несколько человек, уехал воевать. На базе осталось одиннадцать боевиков, в том числе женщина, которая занималась хозяйством. 25 августа командир вернулся, но ненадолго. Настроение у него было отличное, сказал, что Грозный взят и базу нужно переводить туда, уже и место удобное есть. С этим и уехал.

— Я зашел в блиндаж, где находились ребята из ОДОНа. Яма, в которой их раньше держали, обвалилась, поэтому парней перевели в блиндаж, — вспоминает Федор. — Подошел к Андрюхе Кошкареву. А он грустный такой. Говорит: "Уже не верю, что нас когда-нибудь обменяют.

Войска сейчас выведут, а про нас вообще забудут. Будем здесь рабами...". Ну я ему и отвечаю: "Давай сами подумаем о своей свободе. Уйти отсюда можно, нужно только сообща действовать".

Стали думать. Один из вариантов — уйти ночью. Боевики дежурили обычно по

Эту молитву пленников заставляли заучивать наизусть

двое, но иногда охранял пленников один чеченец. Он брал с собой на пост кого-то из солдат, чаще всего Федора, и заводил с ним душевительные беседы об исламе. План побега и строился на том, что в одно из таких дежурств Феде удастся убрать своего охранника. Рассчитывали, что можно незаметно стащить из столовой нож. После недолгих расчетов ребята от этого плана отказались — слишком рискованный, много должно быть удачных совпадений.

Другой вариант — попробовать добраться до оружия, когда боевики обедали. Пленники давно подметили, что их охрана беспечно относилась к своему оружию. Автоматы иногда оставляли в блиндаже, вешали на дерево. Только один из охранников, Альви, постоянно напоминал своим: "Будьте осторожнее, в этих пленниках может проснуться русский медведь". На эти замечания остальные боевики только посмеивались: куда они денутся, везде на дорогах и в селах наши люди. Второй вариант тоже забраковали: боевики никогда не садились за стол все вместе.

В конце концов солдаты сошлись на том, что самый реальный способ — перебить охранников во время молитвы.

Вечером, когда чеченцы вышли на свой четвертый намаз, Ильшат и Федя находились рядом с кухней. Первый чистил картошку, осторожно поглядывая на дерево, где висел ручной пулемет. Чеченка повариха Мадина приказала Федору сходить в погреб за чесноком. Погребок находился рядом с палаткой. Солдат незаметно пробрался в нее и нашел то, что искал, — автомат с патронами. Нужно было бесшумно передернуть затворную раму, чтобы подготовить оружие к бою. Сделать это, когда нервы на пределе, оказалось непросто. Федор замешкался, а когда Мадина окрикнула: "Ну, где ты там потерялся?" — отложил автомат в сторону и вернулся к столу. Мельком посмотрел на Ильшата, у того на лице выступили капельки пота. Наступил момент, когда нужно делать выбор: все или ничего. Солдат переборол страх.

— Ты в суп мало лука положила, давай я принесу, — как можно дружелюбнее предложил он Мадине.

— Ну возьми еще три луковицы, — согласилась повариха.

Федор, не чувствуя под собой ног, снова пробрался в палатку и, уже не таясь, быстро перезарядил автомат. Назад пути не было. Он выскочил из палатки и в упор дал очередь по молящимся. Семь боевиков, стоявших в ряд, падали как подкошенные. Все пули нашли цель.

Еще четверо чеченцев, находившихся около кухни, бросились врассыпную. Ильшат, схватив пулемет, стал стрелять по одному из них. Тот бежал, петляя. Пришлось выпустить по нему весь рожок. Троиц чеченцам удалось-таки скрыться в кустах.

Пока Ильшат и Федор разбирались с охраной, их товарищи ждали развязки в блиндаже. Когда стрельба прекратилась, стали собирать трофеи: три автомата, ручной пулемет, гранатомет, несколько гранат, снимали с убитых разгрузки.

— Каждый из нас взял по гранате, — вспоминает ефрейтор Сергей Шинюв. — Мы договорились, что еще раз в плен не сдадимся. Лучше взорвать друг друга, чем снова после такого расстрела попасть в лапы "духов". Только Саня Скаченко запаниковал, обозвал нас дураками и побежал в горы. Больше мы его не видели.

Они шли всю ночь, несколько раз им казалось, что их преследуют. Были слышны автоматные выстрелы: кто-то прочесывал лес. Господь Бог, в этом ребята после всего пережитого не сомневаются, в ту ночь смиловившись над ними, направляя в обход чеченских постов и баз, мимо минных полей и селений. Утром солдатам-одоновцам места показались знакомыми. Когда-то в составе своей воинской части они несли здесь службу. Это был уже Дагестан. Беглецы решили не ждать ночи, а попытаться выйти к своим. Соблюдая все меры предосторожности — даже в Дагестане можно было нарваться на группы чеченских боевиков. Так они дошли до села Тухчар. Зашли в первый дом, дагестанцы накормили их и предупредили, что по чеченскому телевидению они объявлены в розыск. Показали дорогу, которая должна была вывести на российский блокпост.

Они только тогда поверили, что плен для них закончился, когда на блокпосту их крепко, по-мужски обняли российские омоновцы.

ПОСЛЕСЛОВИЕ: вопрос жизни и смерти

Историю своего побега ребята рассказали мне, находясь на территории Отдельной дивизии оперативного назначения. Пятеро из них согласились сфотографироваться на память, двое отказались. И это неспроста. Самое большое желание бывших пленников — побыстрее уволиться и уехать домой. Очень боятся за свои семьи, потому как уверены: чеченцы будут мстить. Тем более, что все их адреса известны. Солдаты не верят, что государство сможет их защитить. Слишком много мальчишек полегло в Чечне, чтобы вспомнить всего лишь о жизни семи простых парней. Они больше надеются на собственные силы, помощь друзей, родственников, земляков.

Очень хотелось бы верить, что ребята ошибаются, что правоохранительные органы смогут надежно защитить жизни российских граждан.

**Старший лейтенант А. РОДНОВ.
Фото автора.**

УЛЕТЕТЬ из Ханкалы в этот день было непросто. На раскаленном от солнца аэродроме скопилось уже больше сотни военных в потрепанных и выцветших камуфляжах. «Как на войну — так со всеми удобствами, а домой — извини, брат...» — ругались в сердцах заросшие двухнедельной щетиной мужики и костерили на чем свет стоит все и вся. В ожидании «вертушек» они говорили о чем угодно, только не о недавней мясорубке, в которой волею судьбы им пришлось оказаться. То ли перегорели, то ли не было желания вспоминать. Мы тоже улетали с войны с тяжелым сердцем — накануне не вернулся с операции наш общий знакомый боец отряда спецназа младший сержант Андрей Василенко. Их группа пыталась прорваться с продуктами, медикаментами к блокированному на железнодорожном вокзале бойцам, но попала в засаду.

Хрупкий мир, установившийся после приезда в Чечню секретаря Совета безопасности Александра Лебеда, не прекратил, к сожалению, скорбный счет безвоз-

вратных потерь. Заканчивалась вторая неделя кровавого противостояния в чеченской столице. По-прежнему гибли люди, лилась кровь...

Дни мужества и боли

Июльское наступление федеральных сил на южном направлении несколько ослабило силы боевиков. Они лишились многих своих укрепленных баз, потеряли технику и вооружение. Нужно было что-то срочно предпринимать, чтобы отвлечь силы федералов от южных районов. Ранним утром 6 августа боевики попытались захватить чеченскую столицу. Операцией, условно именуемой «Нулевой вариант», руководил Шамиль Басаев.

Сегодня все события августа 96-го в Грозном воспринимаются несколько иначе. Появилось немало публикаций на эту тему, в которых авторы пытаются докопаться до причин, породивших бойню. Можно относиться к подобным изысканиям по-разному, очевидно одно: эти дни, дни мужества и боли, стали серьезным

испытанием для военнослужащих, втянутых волею политиков в кровавый беспредел. И они это испытание не смотря ни на что выдержали. Вот лишь некоторые эпизоды первых дней грозненского противостояния.

...Всю ночь с 8 на 9 августа Ханкала жила ожиданием возможного штурма. Этот лакомый кусочек, где разместилось командование Объединенной группировки, видимо, еще долго будет в центре внимания боевиков. Один раз они сюда уже сунулись, но были вынуждены отойти. Тогда в перестрелке на железнодорожной станции были подожжены две цистерны с мазутом. Вот уже который день Ханкала окутана густым черным дымом. Из радиоперехватов известно, что бандиты не теряют надежды попытаться взять базу военных еще раз. Минувшим днем в районе Ханкалы вертолетная разведка обнаружила в лесном массиве около 40 вооруженных людей. Ударами с воздуха банда была уничтожена.

В городе обстановка резко осложнилась. Стало известно о подходе новых сил сепаратистов, в частности, со стороны Гудермеса, где боевики в ответ на появив-

шуюся информацию о том, что в этом населенном пункте 150 человек сдали оружие, захватили здание городского отдела милиции, сожгли его, а теперь по 5-7 человек выдвигаются к чеченской столице.

Передвижение по Грозному затруднено. Бандиты заминировали основные магистрали города, выставили засады на перекрестках, в разрушенных зданиях вдоль дорог. Иногда бойцам все-таки удается вырваться из окружения. В районе площади Минутка был обстрелян из гранатомета бронетранспортер внутренних войск, выдвигавшийся для поддержки попавших в засаду военнослужащих. Когда стало ясно, что прорваться не удастся, к тому же в самом БТРе появились раненые, водитель сумел совершить среди покореженной техники отвлекающий маневр и уйти в направлении КП Ханкала.

По-прежнему в тяжелой ситуации находятся подразделения, блокированные боевиками в центральной части города, в Доме правительства, гостинице территориального управления, здании МВД, Координационном центре. Из переговоров по радиации стало известно, что среди обороня-

ющихся есть раненые, но прийти на помощь к ним пока, к сожалению, нет возможности. Огонь в центре настолько плотный, что любая попытка обернется новыми жертвами. Затруднено применение авиации и артиллерии, так как это может привести к потерям среди военнослужащих. Удалось разблокировать и вывезти раненых с одного из объектов в Черноречье. Здесь здорово помогли бойцы чеченского ОМОНа.

В штабе группировки напряженно. Для координации действий в Грозный прибыл командующий внутренними войсками генерал-полковник Анатолий Шкирко. Нагнетанию обстановки способствуют некоторые сообщения информационных агентств. Программа "Вести", например, растрезвонила о том, что блокированные

в городе военнослужащие внутренних войск складывают оружие и сдаются в плен. И хотя в повторном выпуске диктор извинился за "трагическую оговорку", все это тем не менее вызывает недоумение и раздражение среди солдат и офицеров, так как факты говорят об обратном.

Четвертый день удерживают КПП-13 военнослужащие бригады оперативного

назначения внутренних войск и бойцы ярославского ОМОНа. Они блокированы, но не сломлены, несмотря на то, что две трети обороняющихся ранены или контужены. К сожалению, маневренные группы пока так и не смогли разблокировать КПП. Со стороны боевиков уже несколько раз прозвучал призыв сложить оружие и сдаться, но "духов" просто-напросто послали подальше.

Несколько суток ведут оборонительные бои в районе площади Минутка солдаты и офицеры бригады Приволжского округа внутренних войск. Там тоже есть раненые и, возможно, погибшие, так как связь с подразделением не всегда устойчивая. У них не хватает продовольствия, воды, но никто не струсил, не оставил своих позиций.

Стоит сказать добрые слова об умелых действиях командования и военнослужащих одного из соединений Северо-Кавказского округа внутренних войск, отправивших маневренные группы на разблокирование объекта в Черноречье. Они четко сориентировались в обстановке и сумели

...Когда на девятый день обороны КПП одному из военнослужащих, раненному в руку, стало совсем худо — появились опасения, что начинается гангрена, а надеяться, что к ним все-таки сумеют пробиться, не приходилось, сослуживцы добыли где-то чудом сохранившуюся водку, напоили его до бесмятства и отрубили руку. Парень остался жив...

выполнить поставленную задачу с минимальными потерями.

“Труз-200” из Ханкалы отправляется, как правило, в аэропорт “Северный”, а от туда — в Ростов-на-Дону или Владикавказ. На вертолете Ми-8, который еще несколько дней назад попал под шквальный огонь боевиков, я лечу вместе с этим скорбным грузом в “Северный”. Здесь, помимо армейцев, несут службу омововцы и воины внутренних войск из Северо-Западного округа. Видно, что многие из них на взводе. Причина тому — опять же непроверенная информация журналистов о взятии боевиками “Северного”.

— А мы тогда где? Дома сейчас смотрят этот долбаный телевизор и сидят как на иголках. Как можно давать ложную информацию в эфир на всю страну? — в один голос спрашивают офицеры.

Кстати, накануне именно из-за этого чуть не пострадал журналист из Иркутска Алексей Просекин и Юрий Удоденко, которые, по сути, стали первыми гражданскими журналистами, прибывшими в эти дни в “Северный”. Именно им пришлось отвечать за промахи своих московских коллег. К счастью, все закончилось благополучно. Ребята сумели сами убедить, что в “Северном” хоть и тревожно, но никто и не помышляет уступить объект боевикам.

Да, в “Северном” трудно. Аэропорт постоянно обстреливается засевшими вокруг него боевиками. На моих глазах поднявшаяся в воздух “вертушка” была подбита. К счастью, летчикам удалось посадить чудом не загоревшуюся в воздухе машину (был пробит топливный бак, керосин хлестал из него мощной струей). Один из летчиков при обстреле получил ранение. Его сразу же доставили с летного поля в местный госпиталь.

В госпитале все время кипит работа. Нескончаемым потоком идут раненые. Они поступают сюда с ближайших блокпостов и КПП на бронемашинах, по воздуху. Несколько бригад врачей едва держатся на ногах, успевая оперировать и перевязывать раненых. На улице моросит нудный дождь, из-за этого в комнате, где работают медики, еще мрачнее, к тому же отсутст-

вует электричество, врачи делают свое дело при свете ламп.

В это же время другие медики занимаются эвакуацией раненых на “большую” землю. “Тяжелых” — в первую очередь. На взлетке в готовности транспортный вертолет Ми-26, прозванный в народе, видимо, за свою вместимость “коровой”. А места сейчас нужно действительно много. То и дело подвозят раненых на носилках, только на моих глазах — пятнадцать.

Что касается “двухсотых”, то “черный тюльпан” до Ростова ожидается лишь во второй половине дня. Медики стараются как можно скорее сформировать борт, так как в госпитале нет даже холодильника.

От “Северного” через Ханкалу и до Владикавказа я лечу теперь вместе с ранеными. Здесь немало солдат и офицеров из внутренних войск. С перевязанной головой Юра из бригады,

дислоцированной в Грозном. Он один из тех раненых, кому несколько часов назад удалось вырваться из блокированного объекта в Черноречье. На мой вопрос, что происходит там сейчас, Юрий отвечает кратко: “Все нормально. Парни воюют. Некоторые раненые еще есть, но все они отказались от эвакуации добровольно, так как ранены легко”.

Ми-26 тяжело отрывается от взлетной полосы. Нам лететь до Ханкалы, где

должна произойти дозагрузка раненых. Едва удаляемся от взлетки, по дюралевой обшивке — резкий стук. Люди у блистеров на мгновение отпрянули. По вертолету из “зеленки” боевики дали автоматную очередь. К счастью, все обошлось. Тем не менее, через минуту мы вновь приземляемся в “Северном”. В Ханкале нет погоды — еще один час ожидания.

Через час мы на взлетке. Снова кровь, стоны. Тридцать “тяжелых”, еще больше сорока могут потихоньку передвигаться сами. Один прямо из реанимации, пока без сознания, но, по мнению врачей, у него есть шансы выжить, его нужно срочно эвакуировать.

Погоды по-прежнему нет. В салоне — душно. Кому-то становится плохо. Летчики в очередной раз вызывают диспетчера. После некоторого раздумья принимается решение — лететь. До Владикавказа — полчаса лету в сплошном “молоке”. Док-

Только в течение 10 и 11 августа бандиты трижды с белым флагом подошли к постам взводного опорного пункта на площади Минутка и предлагали военнослужащим коридор для выхода из окружения, но каждый раз слышали в ответ: “У нас приказ. И мы его выполним!”. Несколько раз на связь с обороняющимися выходили полевые командиры, но ответ был один. Озверев от стойкости военнослужащих, боевики стали закидывать ВОП бутылками с зажигательной смесью...

тор Арсен, сопровождающий раненых, удивляется: "А еще говорят, что "Экипаж" — надуманный фильм. Такого и в кино не увидишь!"

Летчики немногословны. Если не сумеют посадить вертолет в Беслане, то вынуждены будут взять курс на Моздок.

К счастью, все обходится благополучно. Едва винты прекращают движение, к вертолету устремляются "таблетки". "Тяжелых" — в первую очередь. Курс — во владикавказский госпиталь...

Мы снова летим в Ханкалу. За ранеными...

Воине конец?

Военных в очередной раз подставили. Телевизионные кадры ликования сепаратистов по случаю пятой годовщины независимости Ичкерии — тому подтверждение. "Ради чего положили столько парней?" — этот вопрос доводилось слышать не раз — и в Москве, и в Чечне. Не слышал другого — ответа.

Первого августа я побывал на торжествах (если, конечно, можно так называть это мероприятие в условиях войны) по случаю второй годовщины отряда спецназа внутренних войск "Русь". Солдатам, многие из которых провоевали в Чечне по 10-14 месяцев, вручали подарки. Всем без исключения. Заслужили. Командиры постарались, чтоб никого не забыть. Как им это удалось — лучше не вспоминать. Но праздник праздником, а служба службой. В этот же день одна из групп отряда вместе с генерал-полковником П. Голубцом уехала в Координационный центр (КЦ). И застряла там аж на три недели. Бойцы обороняли здание КЦ, отбивали бесчисленные атаки боевиков. И выстояли. Несколько человек, в том числе и командир группы капитан И., взявший в трудные минуты руководство обороной КЦ на себя, были ранены. После деблоки-

В ходе августовского нападения на Грозный погибло 220 военнослужащих внутренних войск, более 900 человек получили ранения. Еще несколько человек считаются пропавшими без вести. Горькая статистика грозненского противостояния.

рования центра и возвращения в пункт временной дислокации, они уезжали в московский госпиталь с чувством выполненного долга — охраняемый объект боевики так и не сумели взять штурмом. Теперь, встречаясь с парнями отряда, в их глазах читаю вопрос — ради чего все это было?

Ради чего и по чьей прихоти погибли в эти страшные дни сотни военнослужащих (только из внутренних войск — около двухсот)? Увы, ответа нет.

"Войне конец. Хватит, навоевались!" — возможно, исторические слова А. Лебеда. Правда, мы уже слышали это. В октябре прошлого года, а потом было покушение на генерала Анатолия Романова. В мае нынешнего — перед выборами Президента. У меня в руках текст обращения, поступившего недавно в администрацию Приморского края. Командир разведывательно-диверсионного отряда вооруженных сил республики Ичкерия, как он сам себя

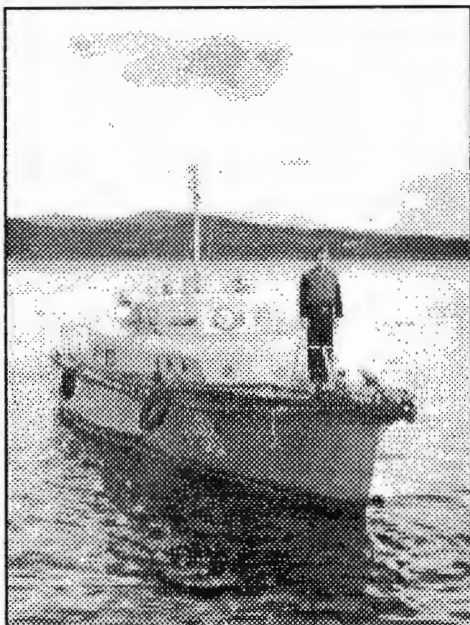
именует, Каншон Задаев сообщает, что командование поручило ему провести боевую спецоперацию во Владивостоке. "Вы все подохнете, как шакалы... Я со своим отрядом сожгу ваш город..." — говорится в послании. Датировано оно 20 августа 1996 года. Это уже после того, как вовсю шли переговоры

секретаря Совета безопасности с лидерами чеченских сепаратистов, как постепенно стихала стрельба в Грозном. Так кончится ли эта война? И что будет после того, когда она кончится? Не останется ли за спиной последнего выходящего из Чечни генерала хоть один российский военнослужащий из числа тех, кто сегодня находится в плену? Не забудут ли о них? Вопросы, вопросы...

Капитан С. КОЛЕСНИКОВ.
Фото автора и Р. ИЛЮЩЕНКО.

Когда верстался номер...

Напряженной назвал ситуацию в Чечне на состоявшейся в Ханкале (пригород чеченской столицы) пресс-конференции командующий группировкой внутренних войск МВД России в Чеченской Республике Игорь Рыбаков. Он сообщил, что с 23 августа, то есть со дня подписания соглашения о прекращении огня, 12 военнослужащих внутренних войск убиты, 38 получили ранения различной тяжести, не прекращаются провокации и обстрелы. В самом Грозном, подчеркнул генерал, продолжают "под различными предлогами" концентрироваться боевики. В течение 30 минут сепаратисты могут поставить в городе под ружье более трех тысяч человек. Многие из ранее выведенных из Грозного боевиков уже вернулись на свои старые позиции, отметил он, подчеркнув, что федеральные силы, напротив, строго выполняют достигнутые договоренности.

Маленькие катера на страже больших ледоколов

*М*оре — сгущенное небо. Будто вся небесная синь стекла вниз, под горизонт, отстоялась, и возникло море, а небо осталось блекло-синим, как линялый матросский воротник.

Вспомнил этот образ из очерка известного военного писателя-мариниста, поднявшись на верхний мостик ледокола "Россия", откуда во всей красе открылась панорама Кольского залива. Выцветшая небесная ткань, отороченная на горизонте темным мехом облаков, свинцовый цвет воды, неяркая зелень прибрежных холмов — что еще, как не строгая, величественная природа Заполярья, может гармонировать с мощью атомоходов, застывших у пирса в ожидании навигации.

Впрочем, любоваться красотами северного лукоморья недосуг, когда впервые ступаешь на палубу атомного судна и капитан его, организовав для гостя экскурсию — от напичканного электроникой главного командного пункта до энергетического центра корабля, где дремлют реакторы, — рассказывает об уникальном рейсе к полюсу, о проводке караванов по Севморпути в критической ледовой обстановке. А еще (ну какой нынче разговор у военных и гражданских служивых людей не коснется тем государственной безопасности) о деловых встречах его, морского капитана, с войсковыми генералами и офицерами, перед которыми стояла ответственная задача: принять под охрану...

— Приняли и все, как положено, обеспечили. С тех пор у нас с внутренними войсками крепкая дружба, — улыбается ветеран атомфлота.

В былые времена капитан "России" Анатолий Алексеевич Ламехов, Герой соцтруда, кавалер ордена "За заслуги перед Отечеством", как и его коллеги, судоводители атомоходов, привыкший к победам над арктическими льдами, даже помыслить не мог о том, что атомный ледокол, раскалывающий северный панцирь планеты, словно ореховую скорлупу, может элементарно стать жертвой, заложником. Не природной стихии — злого умысла людского. Что от такой напасти не застрахова-

К БОЮ

но ремонтно-технологическое предприятие (РТП) "Атомфлот", занятое перегрузкой атомных реакторов, сбором и хранением ядерных отходов. Прикрывали объекты и суда караулы военизированной охраны — и этот щит казался вполне надежным средством от посягательств "агентов империализма". До поры. В разгар "холодной войны" компетентные лица сделали "поправку на ветер": вохровской стражи маловато будет, нужна серьезная охрана — войсковая. Политбюро, рассматрив, поручило, Совмин распорядился, министр внутренних дел своим приказом утвердил штаты — и в 1989 году внутренние войска МВД выросли на целый морской отряд. Ныне его возглавляет капитан первого ранга Александр Гайдадин.

Вчерашние меры предосторожности в связи с сегодняшней Чечней работают на будущее, как вложенный под хорошие проценты капитал. Команды атомоходов на акватории, производственный коллектив РТП могут спокойно работать, не тревожась за безопасность судов и предприятия — это забота морской воинской части.

Допиваем чай в гостеприимной каюте капитана "России". Пора на берег. Вернее, на пирс, от которого отчаливают сторожевые катера, охраняющие ледоколы и объекты "Атомфлота" со стороны залива.

Все по программе, предложенной заместителем командира отряда капитаном 2 ранга Виталием Поборчим: чтобы представить масштабы, важность порученных морякам задач, всю меру ответственности за качественное их выполнение, надо обя-

зательно побывать на одном из объектов (лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать), а уж потом исчерпывающая информация о службе и жизни, проблемах и бедах личного состава.

На фоне исполинов-ледоколов большой сторожевой катер "Фламинго", не говоря уже о крошке "Адмиралтейце" — как Гулливер у ног великанов. Но недаром подмечено: мал золотник, да дорог. Юркие суденышки с вооруженными экипажами способны быстро перекрыть дорогу нарушителю, проникшему в запретный район на лодке или скутере. Поступит сигнал о скрытном продвижении неизвестных ихтиандров, из-под воды супостата достанут

И ПОХОДУ ГОТОВЫ

Морской отряд на воде и на суше

— есть для этого необходимые силы и средства.

Глядя на четкие действия матросов дежурного звена во главе с мичманом Александром Подольским во время патрулирования охраняемой акватории, убедился: не зря капитан Ламехов был щедр на добрые слова в адрес моряков внутренних войск. Им не нужно лишний раз напоминать о бдительности и боеготовности. Каждый понимает: диверсия на ледоколе или РТП — катастрофа страшнее Чернобыльской. И полон решимости, не щадя живота своего, выполнить воинский долг. Это не громкая фраза.

...Группу пловцов, пытавшихся незаметно приблизиться к ледоколам, засекли с берегового поста наблюдения Северного флота. Получив сообщение о прорыве, дежурный по части вышел на связь с командиром дежурного звена старшим мичманом Валерием Егоровым: боевая тревога!

Сигнал к большой охоте не застал моряков врасплох. Схема действий отработана до мелочей. Заранее предусмотрены все варианты изменения обстановки в критических ситуациях. Главное теперь — обнаружить и обезвредить.

Спокоен и уверен в себе командир, занявший место в ходовой рубке.

— Корабль экстренно к бою и походу приготовить!

Голосисто затрещавший авральный колокол, созывая матросов на боевые посты. Миг — и ожил катер, дремавший у пирса. Положил руки на штурвал рулевой

сигнальщик, ловкими рыбками нырнули в машинное отделение мотористы, водолазы в своем отсеке, застегнув молнии "допсехов", надели акваланги и маски. Кок, согласно расписанию, подготовил к бою многоствольный реактивный гранатомет...

Последние распоряжения экипажу... Доклад на КП отряда... Решение... Приказ...

На острие прорыва катер вышел вовремя. Командир точно рассчитал сектор предполагаемого появления "диверсантов". И на завершающем этапе операции, обнаружив "противника", как по нотам выполнил с подчиненными боевую задачу. Профилактическое гранатометание и спуск водолазов с автоматами для подводной стрельбы — весомый аргумент победителей.

— При подведении итогов начальник штаба Северного флота выставил нам оценку "отлично", — говорит капитан второго ранга Поборчий. — Столь же удачно провели еще одно учение во взаимодействии с североморцами. Проявили себя офицеры штаба, не ударил в грязь лицом командир дежурного звена старший мичман Василий Гуляев — уверенно решил все вводные.

Вот так несет вахту дивизион сторожевых катеров — ядро морского отряда. Две пятерки да еще от "старшего брата", совместная работа с которым для моряков внутренних войск была серьезным экзаменом, — настоящий знак боевого качества. Случись по тревожному сигналу вести охоту на реальных диверсантов, экипажи

сторожевиков не прозевают вооруженных хищников (дай-то Бог, чтобы превентивные меры свели вероятность их появления до нуля). Короче говоря, к бою и походу готовы.

Двое в лодке, не считая... гранаты

А если злоумышленники, предположим, будут искать лазейки со стороны суши, кто поставит им заслон? Наивный вопрос. Систему охраны "Атомфлота" планировали и создавали не дилетанты. Есть в составе отряда войсковая комендатура, чья зона ответственности — берег. Там, где не смогут моряки на катерах достать нарушителя, прищучат его стерегущие периметр сухопутчики. Взятые на вооружение взвешные и морские тактические приемы здесь дополняют друг друга, как бойцы одной команды, выполняющие общую задачу.

Не знаю, завидуют ли береговики в бескозырках своим товарищам — морякам из дивизиона (что ни говори, на шкале престижа для флотского человека морская и береговая службы — величины несопоставимые), только прозаическая вышка и тропа наряды с глазастыми часовыми играют зачастую не менее важную роль, чем кораблики с грозными реактивными установками. В доказательство заместитель коменданта по работе с личным составом старший лейтенант Константин Иванов, не скрывая гордости за свое подразделение, приводит красноречивые примеры.

— Весной 93-го была "крутая" попытка проникновения на территорию РТП. Нарушитель ловко преодолел ограждение. И тут же пожалел об этом. Периметр охраны смелый и решительный парень — матрос Сергей Дергалев. Задержал не в

меру прыткого детину по всем правилам. Попадались рыбы позубастее. Тревожная группа, возглавляемая капитаном Дмитрием Малаховым, захватила надувную лодку с двумя неизвестными. При досмотре обнаружили у них... боевую гранату.

Немало задержаний и на счету комендатуры объекта, обеспечивающей пропускной режим на РТП. Так, благодаря бдительности прапорщиков Дмитрия Киреева и Лидии Корнеевой были пресечены попытки иностранных "туристов" вести фотосъемку предприятия.

Одним словом, моряки отряда не сидят без дела и хлеб свой едят не даром. Можно смело утверждать: такая уникальная воинская часть, оберегающая людей от апокалиптического джинна, которого могут выпустить на волю международные и доморощенные террористы, в любом цивилизованном государстве каталась бы как сыр в масле. У них тем, кто стоит на страже государственных интересов, и честь и социальные блага. У нас все наоборот. В чести нувориш, разжиревший на прихватизации народного достояния, паяц-шоумен, снимающий пенки с веселой тусовки во время кризисной "чумы". Им — рог изобилия, а защитники Отечества обречены выживать по закону полукриминального рынка: спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

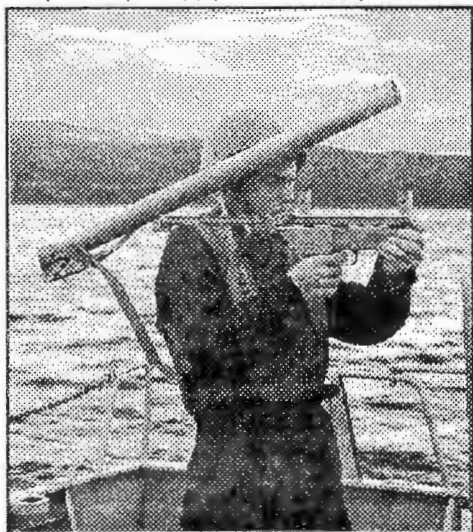
Не хлебом единым...

В один прекрасный день командиру отряда позвонил директор хлебозавода:

— Извините, Александр Иванович, прекращаю вам выделять хлеб, пока не рассчитаетесь с долгами. Поймите правильно: у меня рабочие сидят без зарплаты...

С пустыми кошельками и командир, и все его офицеры, мичманы. По два месяца не получают денежное довольствие, а цены в заполярном городе кусаются, как пираньи. Доктор бьет тревогу: впервые в своей медицинской практике поставил диагноз — голодный обморок. Это случилось с военнослужащим-контрактником. Драма отрядного масштаба, с какой стороны ни подойти. Но все же бывалого моряка, добровольно сделавшего жизненный выбор, еще как-то можно поддержать, обнадежить хотя бы обещаниями: не сегодня завтра деньги выглатят, потерпи, браток. А вот как матросов срочной службы, находящихся на полном государственном пансионе, поставить перед фактом: "Сегодня хлеба не будет. И завтра тоже"?! Как перед их родителями оправдываться за то, что парни, обделенные державной заботой, заступят на боевую вахту полуголодными?

Пусть кто-то наверху утешает свою совесть, ссылаясь на издержки переходного периода, а командир, призванный уставом

и совестью заботиться о подчиненных, не имеет права опускать руки. И вот капитан первого ранга идет по инстанциям, выбирает беспроцентные ссуды. Укрепляют контакты со спонсорами его заместители — только бы не оскудел матросский стол. Пока им это удается. Довольны служивые — выходя из столовой, пояса не затягивают. Родители, навестившие сыновей, довольны: далеко не в каждой части так сытно и вкусно кормят бойцов, низкий поклон командованию.

Однако не хлебом единым жив человек с ружьем. Его еще одеть, обуть надобно. Да так, чтобы солдату и матросу не приходилось краснеть за свой внешний вид. А средств на приобретение формы не хватает, личный состав донашивает застиранное-заштопанное, доставшееся в наследство от уволенных в запас моряков.

— За державу обидно, — говорят офицеры с горечью. — Многие матросы просят у родителей деньги и сами покупают себе обмундирование в военотгоре, дабы партизанским видом не позорить флотское звание.

Такая же история с наведением порядка в военном городке. Отряд размещен в казармах расформированного конвойного полка. Зданиям сорок лет, давно просят капремонта, а затраты только на косметический для казны части — все равно что торпедный удар. Спасибо директорам Мурманского морского пароходства и "Атомфлота" — помогают чем могут. А могут не много, потому что сами едва сводят концы с концами: эпидемия взаимных неплатежей, непосильное налоговое бремя загоняют в долговую яму даже могучие предприятия. Да и по большому счету не обязаны они решать все проблемы военных. Государевых людей должно финансировать, снабжать, обустроить государство — аксиома, ставшая нынче теоремой, которую руководители силовых структур безуспешно пытаются доказать чиновникам в высоких столичных кабинетах.

Но, невзирая на хроническое безденежье, жилищный кризис (30 процентов офицеров и мичманов не имеют квартир), дефицит материальных средств, отряд в борьбе за выживание не сдает позиции. Держится, как и все части войск, придавленные нуждой. Идет ремонт казарм, успешно решаются другие хозяйственные вопросы. Не самотеком, конечно. Благодаря высокому профессионализму, энергии и настойчивости замкомандира по тылу подполковника Валентина Антоненко. А главное, нет сбоев в службе и учебе — прямая заслуга капитана второго ранга Виталия Поборчого, заместителей начальника штаба майора Александра Артемьева и старшего лейтенанта Василия Ка-

зака, начальника группы боевой подготовки майора Сергея Добрякова, командира дивизиона сторожевых катеров капитана третьего ранга Андрея Рындина, его энша капитан-лейтенанта Геннадия Чумакова и заместителя по электромеханической части капитана третьего ранга Федора Неделько, начштаба войсковой комендатуры старшего лейтенанта Сергея Богомазова и других офицеров.

Ловлю себя на крамольной мысли: поставить бы рядом с такими беззаветными служаками государственных мужей, проектирующих бюджетные расходы на

нужды армии и войск правопорядка. В заполярный гарнизон вместе с семьями. С условием: пахать на износ, а зарплата — раз в квартал. Чтоб поучились у служивых честно долг исполнять. Глядишь, и нашлись бы резервы для поддержания войска. Но в наши дни, наверное, и государева палка уже не заставит облеченных властью чиновников порадеть военным. Там, в верхах, своя жестокая логика: раз защитники не покидают боевые посты, продолжают добросовестно служить, значит, есть еще порох в пороховницах.

Это правда — есть. Капитан второго ранга Поборчий показал мне видеозапись тактического занятия: три взвода комендатуры ведут "бой" по уничтожению "диверсионной группы", намеревавшейся захватить охраняемое предприятие с суши. Условия максимально приближены к реальным. Нападение из засады. "Потери" на "минном поле". Стремительный маневр в тыл...

Инициатива и творчество в организации боевой подготовки — достойный ответ моряков на вызов времени. А впереди новые рубежи. Учения во взаимодействии с силами ВМФ, подразделениями МВД и ФСБ. Инспекторская проверка — самый главный зачет перед днем 300-летия Российского флота.

Привычные будни...

Успехов вам, боевые друзья!

Полковник Ю.КИСЛЫЙ.
Фото автора.

К столетию со дня рождения Г.К. Жукова

Патриот земли русской

Сегодня, в канун 100-летия со дня рождения великого полководца России Георгия Константиновича Жукова, я снова и снова перечитываю его замечательную документальную исповедь "Воспоминания и размышления". Нет, я не оговорился: это не просто военные мемуары, овеянные живым дыханием памятных лет, какие в великом множестве знает наш читатель, а подлинная исповедь прославленного маршала-патриота, одного из вершителей нашей исторической Победы, пронизанная глубоко личностным восприятием России и ее великого народа.

Впервые без купюр знаменитая книга Г.К.Жукова вышла в 1989 году, спустя 20 лет после первого издания. С 1969 по 1992 год в нашей стране она выдержала 11 изданий тиражом более 10 миллионов. Распространяя окрест себя немеркнущее сияние исторической правды, она разошлась по всему свету, на прилавках не лежит, остается бестселлером.

Человек впечатляющего личного обаяния, необычайной скромности, блистательного полководческого интеллекта, маршал Г.К.Жуков меньше всего озабочен тем, чтобы повествовать о собственной персоне: на авансцене его книги находятся не фронты, армии, соединения и полки, а трудные человеческие судьбы, характе-

ры простых тружеников войны, ценою своей крови и неисчислимым жертв принесших долгожданную Победу.

Написание и особенно издание "Воспоминаний и размышлений" стоило Г.К.Жукову очень многих сил и душевной энергии. "Первая капитуляция непобедимого маршала" — так охарактеризовал выпуск этого труда в первом издании директор издательства АПН А.Пушков.

Конечно, в 1969 году мемуары вышли далеко не в том виде, в каком хотел сам автор. Но это не капитуляция, а вынужденный компромисс маршала с властью имущими партийными бонзами, жадно завидовавшими его сияющей славе. В рукописи вымарывались целые главы, абзацы, фразы, слова. Многочисленные куски оригинала перечеркнуты жирным карандашом с надпи-

сьями на полях в приказном тоне: "Руководствоваться синим карандашом". А рядом, как тяжелый стон, слова маршала: "Это же все было. Как же исключить такие важные данные?!" Но Г.К.Жуков понимал: для него наступила другая война, прорвать глухую оборону идеологических надсмотрщиков, переступить через остервенелую ненависть и озлобленную зависть чинуш, стоящих на вершине власти, невозможно. Такое время еще не пришло. И он, крепко стиснув зубы, жертвуя второстепенным во

имя сохранения главного, шел на компромисс, позволяя оппонентам резать рукопись по живому. Бывало, одна вычеркнутая фраза лишала текст смысла или искажала его.

Читатель, вероятно, помнит эту сцену. Первые, самые тяжкие месяцы войны. Враг неудержимо рвется к Москве. Многие тогда — чего греха таить — дрогнули, усомнились в нашей победе. В кремлевском кабинете Сталина идет заседание. Атмосфера очень тягостная, присутствующие подавлены и угрюмы. Верховный сдержан, но, видно, раздражен. Никто не осмеливается подать первым голос. Вдруг поднимается Г.К.Жуков и предлагает нагнестись по врагу контрудар.

— «Какие там еще контрудары, что за чепуха?» — возмутился Сталин.

— «Если вы считаете, что я как начальник Генерального штаба способен только чепуху молотить, тогда мне здесь делать нечего. Я прошу освободить меня от обязанностей начальника Генерального штаба и послать на фронт. Там я, видно, принесу больше пользы Родине.»

Опять наступила тягостная пауза.

— «Вы не горячитесь, — заметил И.В.Сталин. — А впрочем... Если вы так ставите вопрос, мы сможем без вас обойтись...»

Из этого эпизода досужая цензура вычеркнула только одно последнее предложение: «Мы без Ленина обошлись, а без вас тем более обойдемся...»

Каким в этой сцене предстает Г.К.Жуков?

Гордым, независимым в суждениях, бесстрашным: ну-ка самому Верховному

посметь возразить! Тонко чувствующим обстановку на фронте. Как единодушно свидетельствуют очевидцы, таким он был и в жизни: порой чрезмерно крутым, но быстро отходчивым, великодушным, одним из немногих, кто не опускал глаза под ножевым колюче-пронзительным взглядом Сталина.

Правдивы ли «Воспоминания и размышления» в их первом, изуродованном большими купюрами издании? Безусловно. Несмотря на вымаранные куски и навязанные пассажи (например, о Брежневе, Гречко) они сохранили главное — дух исторической правды. Сверка с рукописью это убедительно доказывает.

Что же изъяла партийная цензура в первую очередь?

Сведения о репрессиях против военных кадров в 1937—1939 годах. Полемику Г.К.Жукова с угодливо-льстивой статьей Ворошилова, в которой явно завышена роль Сталина в гражданской войне, в разгроме Деникина. Полководец сообщает о том, как порой безоглядно доверчив был Сталин к информации, поступающей ему от гитлеровского правительства. Вот один из таких первоначально не опубликованных кусков:

«В конце мая 1941 года меня и С.К.Тимошенко срочно вызвали в Политбюро. Мы считали, что, видимо, будет наконец дано разрешение на приведение приграничных военных округов в наивысшую боевую готовность. Но каково было наше удивление, когда И.В.Сталин нам сказал:

— «К нам обратился фон Шуленбург — посол Германии и передал просьбу германского правительства разрешить произвести им розыск могил солдат и офицеров, погибших в первую мировую войну в боях со старой русской армией. Для розыска могил немцы создали несколько групп, которые придут в пункты согласно вот этой погранкарте...»

Тщетно нарком обороны С.К.Тимошенко докладывал Сталину о том, что в последнее время немцы особенно обнаглели: ежедневно нарушают наше воздушное пространство, производят глубокие разведывательные облеты советской территории. А когда предложил сбивать немецкие самолеты, Сталин резко его оборвал:

— «Германский посол заверил нас от имени Гитлера, что у них сейчас в авиации очень много молодежи, которая профессионально слабо подготовлена. Молодые летчики плохо ориентируются в воздухе. Поэтому посол просил нас не обращать особого внимания на их блуждающие самолеты...»

Г.К.Жуков далее пишет: "Мы не согласились с этим доводом и продолжали доказывать, что самолеты умышленно летают над нашими важнейшими объектами и опускаются до невозможной высоты, явно, чтобы лучше их рассмотреть."

— Ну и что же, — вдруг согласился Сталин, — в таком случае надо срочно подготовить ноту по этому вопросу и потребовать от Гитлера, чтобы он прекратил самоуправство военных. Я не уверен, что Гитлер знает про эти полеты, — сказал он в заключение...".

"Воспоминания и размышления" Г.К. Жукова проникнуты любовью к Родине, солдату, народу. Но и народ — каким бы стойким и мужественным он ни был — не сломил бы хребет фашистскому зверю, не подари ему история таких выдающихся лидеров и организаторов, как полководец Г.К. Жуков и его соратники и единомышленники.

А каким был в жизни и быту Георгий Константинович Жуков? *Разным.* Его не надо идеализировать, но и обливать грязью — что тоже нынче водится — тем более недопустимо, несправедливо, пошло.

Прямолинейный, жестко нетерпимый ко лжи, лицемерию и всякой фальши, импульсивный, взрывной, подчас жестокий — с одной стороны, и великодушный, мягкий, нежный, даже сентиментальный — с другой. Таким был этот яркий многогранный человек, олицетворяющий собой подлинно русский национальный характер со всем необъятным диапазоном неповторимых черт и особенностей. Даже в ряду гениев таких людей называют штучными, уникальными.

Люто ненавидел и презирал Георгий Константинович лесть и угодничество перед властью имущими, ценил в людях прежде всего деловые качества и нравственную добродетель.

Нынешние политические трупоеды, ниспровергатели и хулители Г.К. Жукова задним числом обвиняют его в бессмысленной жестокости и даже издевательствах над сослуживцами. Да, жесткость с его стороны была, бывала и жестокость, говорить же об издевательствах — абсурд и клевета. "Первое, что стало известно, — пишет Голованов в неопубликованной части своих мемуаров, — это его (Жукова. — В.Ю.) деятельность под Ленинградом. Именно там проявились его воля и решительность. Это он с помощью Ставки и партийной организации Ленинграда оставил отход наших войск перед превосходящими силами противника. Проведенные им мероприятия требовали именно

решительности, именно воли для их осуществления. Война — это не игра, она нередко требует чрезвычайных действий, и не каждый способен на них пойти".

Был ли Г.К. Жуков грубым и вульгарным солдафоном, как витийствуют нынче его злопыхатели, умел ли он признавать собственные ошибки?

"Жуков — волевой, энергичный командир, — утверждает Голованов, — умеющий оценить обстановку и принять правильное решение. Не останавливался ни перед чем для достижения победы. Отношения со многими военачальниками у него были сложные. В свое время он служил под началом у Рокоссовского, был у него командиром полка, и тот дал ему аттестацию, в которой вместе с положительными указал ряд отрицательных качеств, в том числе грубое отношение к подчиненным. После победы под Сталинградом Жуков напомнил Рокоссовскому об этой аттестации.

— А разве я не прав? — спросил Рокоссовский. — Ты такой и есть.

— Верно, прав, — согласился Жуков.

Все-таки у Жукова это положительная черта: поймал за руку, не будет влиять, во всем признается честно.

Жуков горой стоял за рядового солдата. Яростно ненавидел мелочность, зазнайство, невежество, расхлябанность, амбициозное честолюбие, бюрократическую волокиту. Встречаясь с подобным в военной среде, мгновенно вскипал гневом, голос его звенел сталью. Известны случаи, когда за проявление разгильдяйства и трусости Жуков приказывал строго наказывать, вплоть до расстрела... "Жукову ничего не стоило после разговора с генерал-

лейтенантом сказать: "До свидания, полковник!" "...Уже в 50-е годы, когда Жуков стал министром обороны, во время инспекции войск к нему обратился полковник с жалобой: почему всем офицерам выдают плащи бесплатно, а с полковников вычитают полную стоимость. Жуков тут же распорядился: "Выдать подполковнику бесплатно!" — лишь нарвавшегося полковника одной звездочки".

Много лет тесно общавшийся с В. М. Молотовым Ф. Чуев приводит его мнение о Г. К. Жукове:

— Жуков — наиболее крупный наш военный, а в политике у него ничего бы не вышло, хоть он и рвался.

Думаю, что Молотов сказал так еще и потому, что Жуков во время выступления "антипартийной группы" в 1957 году поддерживал Хрущева, а не Молотова, что и определило победу Никиты Сергеевича в значительной мере. Однако когда через несколько месяцев Хрущев отправил в отставку и Жукова, Георгий Константинович не мог слышать его имени. А. Е. Голованов рассказывал:

"Когда Жуков прилетел в Москву, не зная, что уже снят Хрущевым, его встретила на аэродроме не обычная свита, а порученец, сообщивший об освобождении с поста министра обороны.

— А кого назначили? — спросил Жуков.

— Малиновского, товарищ маршал.

— Ну, это еще ничего, — сказал Жуков, — а то я подумал — Фурцеву..." (Тогдашний министр культуры. — В. Ю.).

Это тоже Жуков. Едко-ироничный, самолюбивый, остро ранимый, по-детски обидчивый, беспечно доверившийся — и кому?! Прохоженному политикану, знавшему каждый закоулок "мадридского двора" Хрущеву, не разглядев того, что последний цинично использовал его воинский авторитет, славу как рычаг на своем пути к кремлевскому олимпу власти... Доверчивый как ребенок Г. К. Жуков и мысли не допускал, что ему отплатит черной неблагодарностью тот, кого он спас от неминуемого падения в политическую бездну...

"Их пути-дорожки разошлись после XX съезда партии, — вспоминает Ефим Федорович Орехов, инструктор лечебной физкультуры, близко сошедший с маршалом в последние годы его жизни. Хрущев не предупредил Жукова, как и многих других в Политбюро, о чем будет выступать с докладом. Маршал его спросил: почему? Никита Сергеевич сорвался и начал кричать в лицо Георгию Константиновичу в присутствии многих людей, что он, Жуков, слишком молод его учить, что, когда он, Хрущев, в гражданскую войну полки в атаку водил, тот еще был простым

бойцом, сопливым комсомольцем... Жуков Хрущеву этого никогда не мог простить: и доклада на съезде, и личного оскорбления.

Ну а как маршала сняли с поста министра обороны, и так всем известно..." Офицеры, генералы, адмиралы, маршалы, по мнению Г. К. Жукова, должны неизменно — в войну ли, в мирное ли время — жить "с подтянутыми поясами", т. е. не погрязать в бытовизме, роскоши, сохранять крепкую физическую форму, блюсти аккуратность и твердую дисциплину, быть образцом для подражания и внешне, и духовно. Неумолимый к другим, маршал был столь же требователен к себе самому. Е. Ф. Орехов вспоминает: "Жил Жуков на даче "Сосновка", рядом с дачей Берии. Ему эту дачу подарил лично Сталин за победу под Москвой. Обслуги у него практически не было, хотя и полагалась по чину. Был офицер-порученец, завхоз и женщина-повар, которая получала очень маленькую зарплату, что-то меньше 60 рублей. Маршал сам ей доплачивал столько же из своей пенсии. Еще Жуков нанимал за свои деньги дворника — чистить дорожки в яблоневом саду. Яблони, около сорока деревьев, он сам посадил в 1942 году и очень ими гордился. Мы много с ним гуляли по этому саду, и уже через несколько месяцев Жуков разговоривал со мной на любые темы. Вообще ко мне хорошо относился. Называл только по имени-отчеству, хотя я тогда был молод. Ни разу не слышал я от него матерного слова, даже для связи выразивший, как это принято в русском разговорном языке сплошь и рядом. Хотя Георгий Константинович был сильной личностью: если любил, то любил, если ненавидел, то ненавидел".

Рядовые солдаты Жукова боготворили, соратники-маршалы и генералы глубоко и преданно любили, чтили его огромный стратегический талант, тонкое понимание военного искусства, великодушно прощая ему чудачества, вспыльчивость, несправедливые обиды.

"Когда его проводили на пенсию, — пишет Ф. Чуев, — Голованов первый приехал его навестить, чему тот очень удивился:

— Знал бы ты, Александр Евгеньевич, сколько я тебе зла сделал! За Берлинскую операцию из списка Героев вычеркнул... Прожил я жизнь до седых волос, а так и не научился разбираться в людях: кого возвышал, оказались подхалимами и ничтожеством, с кого взysкивал, — настоящими людьми. Не боишься, что тебя забудут? А то ко мне два дня никто не звонит, раньше на брюхе ползали..."

Маршалы-фронтовики вспоминали минувшие дни, доверяя друг другу сокровенное.

"Я был, пожалуй, единственный из маршалов, который посетил его сразу после освобождения от должности министра обороны, хотя сложившиеся отношения между нами, а более правильно, его отношение лично ко мне было не лучшим. Своим посещением я хотел показать, что мое уважение к его военному таланту, к его воле, твердости и решительности остаются у меня, несмотря на его личное положение, независимо от того, является ли он министром обороны или просто гражданином Советского Союза", — вспоминал А. Голованов.

"Жуков в последнее время заметно переменялся, — говорил мне (Ф. Чуеву. — В. Ю.) Голованов в 1968 году, — стал человечнее. Сейчас он очень болен. Узнал, что у жены рак, и его тут же, в больнице, хватил инсульт. Разговаривает с трудом, возят его в коляске. А когда был здоров, говорил: "Мы с Галиной Александровной думали, что у нас много денег, а оказалось, ничего нет. Подумать только — Жукову не на что было жить! Деньги появились, только когда вышла его книга "Воспоминания и размышления", но эти деньги уже уходили на врачей..."

Гордость и самолюбие не позволяли великому маршалу унижаться до просьб к ненавистным ему партийным бонзам об улучшении своего бедственного материального положения. "Однажды Георгий Константинович после диктовки очередной главы и наших лечебных занятий показал мне свой парадный китель. Он никогда не надевал его: тяжесть десятков орденов и медалей была ему уже не по силам. А потом, опираясь на палочку, среди казенной дачной обстановки маршал сказал, а я запомнил:

— Я лучше сдохну, но просить ни у кого ничего не буду! И не просил" — вспоминает Е. Ф. Орехов.

Новоявленных лжеисториков-пасквильянтов хлебом не корми — подай только сногшибательные сенсации да жареные факты для тенденциозных умозрительных кривотолков. Повелось с некоторых пор стalkerить Жукова и Сталина. Обратимся к истинным свидетелям-современникам.

"Нужно сказать, что И. В. Сталин высоко ценил военные способности Жукова, и я думаю, что нет такого второго человека, который получил бы столько наград и был так отмечен, как он, — пишет А. Е. Голованов. — Что касается отношений Верховного с Георгием Константиновичем, то эти отношения я бы назвал сложными. Имел Верховный претензии и по стилю работы

Жукова, которые, не стесняясь, ему и высказывал. Однако И. В. Сталин никогда не отождествлял личных отношений с деловыми, и это видно хотя бы по всем тем наградам и отличиям, которые получены Жуковым".

Е. Ф. Орехов свидетельствует: "Он (Жуков) его (Сталина) уважал. Считал одним из величайших людей в истории. Жуков считал, что победа в Великой Отечественной войне — во многом заслуга именно Сталина. В планирование и организацию военных операций Иосиф Виссарионович, по словам маршала, стал вмешиваться только начиная с Курской битвы. О культе личности Жуков говорил мало, не очень охотно, но однажды высказался так: "Может быть, в то время в нашей стране при существовавшем положении в мире он был необходим...". На него самого в 1937 году написали донос, в котором обвиняли в превышении власти и шпионаже в пользу сразу нескольких государств. Жукова предупредил о навете знакомый особист и посоветовал сразу, до исключения из партии и ареста, ехать в Москву и доказывать свою правоту. Георгий Константинович каким-то чудом — по званию и должности он был тогда все-таки невеликим чином — прорвался к личному секретарю Сталина Поскребышеву. Тот нашел минуту замолвить слово о будущем маршале Иосифу Виссарионовичу. Жукову было передано: "Спокойно уезжайте и занимайтесь своим делом".

... Дочь легендарного маршала Мария Георгиевна Жукова хранит записные книжки отца. В одной из них есть такие строки: "Охотники до нашей земли все еще есть и, думаю, не переведутся". Как же живо и актуально они нынче звучат!.. Далеко вперед смотрел великий русский полководец. Вот тебе и "не политик", "не дипломат", а только военный... Нет. Г. К. Жуков был не только гениальным военным стратегом, но и крупнейшим государственным деятелем, патриотом, далеко смотрящим вперед, в будущее Отечества. Как бы хотелось, чтобы мы, чтящие его светлую память потомки и благодарные потомки наших потомков, свято помнили это предостережение, зорко стерегли рубежи прекрасной Родины!..

В. ЮДИН,
доктор филологических наук,
профессор Тверского университета,
член Союза писателей России.

Фото из книги "Сын Отечества".
М.: Планета, 1995.

Белые пятна истории

Были ли попытки освободить из плена сына Сталина?

Этому узнику фашисты готовили страшную казнь: уменьшенной силой тока обрубить поочередно фаланги пальцев на одной руке, на другой, затем на ногах... И так — пока не наступит смерть. Для экзекуции приехали в концлагерь важные персоны СС. Было решено жуткий процесс заснять на пленку и отослать самому Сталину. Пусть, мол, полюбуется, как поступили с его непокорным сыном, попереживает.

Но обреченный на гибель, как свидетельствует очевидец трагедии поляк Леон Высецкий, не дал возможности фашистам насладиться муками советского воина. Когда все было готово для казни и съёмок, он так неожиданно и отважно бросился в сторону ожидавших кровавого зрелища гитлеровцев, что тем ничего не оставалось, как расстрелять его в упор.

Так погиб один из многих солдат Великой Отечественной и родной сын "отца народов" старший лейтенант Яков Джугашвили.

Мог Сталин, вершитель миллионов человеческих судеб, Генсек и Верховный Главнокомандующий, спасти родную свою кровиночку? Да, мог. Но он отверг предложение противника об обмене сына на Паулюса. Знаменитое "Я солдата на маршала не меняю", как известно, обошло весь мир. Бесспорно, нелегкое для Сталина-отца решение, в то суровое время носившее глубокий политический смысл, явилось, по сути, смертным приговором Якову Джугашвили.

И все-таки с трудом верилось, что Иосиф Виссарионович, этот всемогущий монстр, так просто смирился с потерей сына. Ходили слухи в определенных кругах, дескать, Сталин благословлял-таки попытки освобождения Якова из

плена. Велик был соблазн найти документальные свидетельства таких предположений. Тем более — выйти на участников тех, сверхзасекреченных операций...

И вот однажды в командировке в одном из городов юга России мне довелось услышать легенду, будто в этих краях проживает фронтовик, пользующийся особым покровительством важных правительственных особ, которого якобы в свое время с группой специально подготовленных людей забрасывали в тыл фашистам для выполнения особого задания, санкционированного на самом верху власти. Рассказывали даже о том, что после возвращения участников рейда оставшихся в живых принимал Сталин. И вручал им награды. Тогда же в моем журналистском блокноте появились и другие интересные факты, которые вдохновили на поиск.

Вполне понятен был интерес к трагической судьбе Якова Джугашвили. Жизнь его складывалась очень не просто. Был студентом Московского института железнодорожного транспорта. Получив квалификацию инженера-механика, работал на ТЭЧ автозавода в Москве. В тридцать

седьмом пережил первую трагедию. Родные брат и сестра его по матери Александр и Маро Сванидзе, с которыми прошло его детство, как и тысячи других безвинных, были репрессированы...

Обстановка в те годы становилась все более тревожной, приближалась война. По совету отца, Яков стал слушателем Артиллерийской академии. Окончил ее в мае сорок первого. Когда грянула война, сразу же попросился на фронт. Его, конечно же, могли пристроить где-нибудь в штабе, подальше от пуль и снарядов, но он был непреклонен — только на передовую!

Я. Джугашвили (справа)
и приемный сын Молотова
Г. Скрыбин в плену

Попал старший лейтенант Джугашвили, командир гаубичной батареи, под Витебск, в самое пекло, где танковая армада Гудериана сокрушала все на своем пути. Жене, Юлии, от мужа пришло одно-единственное фр.чтовое письмо. Больше от него так и не было никаких вестей.

Ситуация, однако, вскоре прояснилась, когда над траншеями наших войск немецкие самолеты стали сбрасывать не бомбы, как обычно, а листовки. В них было помещено фото офицера, а в тексте на русском языке сообщалось: "Старший сын Иосифа Сталина Яков Джугашвили, плененный в июле 1941 года под Витебском немецкой армией, перешел на нашу сторону. Русские солдаты, следуйте его примеру, сдавайтесь!"

"Пленен" и "перешел"... Тут была явная нестыковка одного с другим. Однако на эту трагическую весть, ставшую известной всему миру, сразу же последовала жесткая реакция Сталина: жена сына — Юлия Джугашвили была арестована и помещена в одиночную камеру. В тюрьме она находилась до осени 1943 года. Дочь ее и Якова воспитывалась в семье самого Сталина.

Думается, уже тогда Верховный Главнокомандующий и те, кто был к нему приближен, решали архисложную задачу: как спасти пленника? Высокие должностные лица разрабатывали возможные варианты рискованных операций, выходили со своими предложениями на самого.

Эти операции как раз и интересовали нас. Ниточка за ниточкой удалось-таки выйти на "человека из легенды". С ним не терпелось встретиться. Ехали к нему с коллегой и не верили, что нам повезло и мы узнаем ответы на волнующие вопросы: была ли предпринята хоть одна попытка выволить сына Сталина Якова, в силу роковых обстоятельств оказавшегося в плену у фашистов, или это молва, слухи, догадки? Как готовилась столь сложная и опасная операция, почему не удалось осуществить ее? Кто участвовал в ней, жертвуя собой ради другого человека?

Разговор предстоял необычный, волнующий. Только наш герой, с которым готовились долго беседовать, хотя и принял нас доброжелательно, даже тепло, узнав о цели визита, к великому огорчению, как ни упрашивали мы его, не изъявил желания раскрыть свою фамилию в печати "из-за различных объективных причин", как он подчеркнул. Не решился он и посвятить нас во все тайны незабываемого броска в тыл врага, рассказать о своих боевых товарищах — участниках операции. Можно его укорять, можно негодовать, но полнее от этого наши сведения

не становились. И все-таки некоторые интересные детали появились...

Итак, была ли попытка освободить из лагеря Якова Джугашвили? Ответ на этот вопрос получен однозначный: да, была!

Иван Леонтьевич, так назовем ветерана, среднего роста, спортивного сложения, широкоплеч. Хотя и возраста уже почтенного, но полон сил и энергии, что позволяет ему поддерживать высокий тонус жизнедеятельности, занимать важную должность в одном из пансионатов южного города. Можно предстать, каким он был в годы молодости. Лицо волевое, задумчивое. Такое бывает у человека, много пережившего на своем веку. Немного словен.

— Знаете, очень тяжело вспоминать о том времени, о той операции, — вздохнув, признался Иван Леонтьевич с ноткой горечи в голосе. — К этому надо психологически подготовиться, все снова пережить, восстановить в памяти все подробности нелегкого дела. Забыть о нем и после прошедших десятилетий невозможно, ведь все пришлось самому прочувствовать, испытать. В свое время я написал обо всем этом. Думал, дочь прочтает когда-то, нуки. Но развернулись такие события, что я посчитал за благо рукопись сжечь... Хотя, скажу откровенно, очень жаль было уничтожать плод многих месяцев и даже лет.

— Вы боялись ареста, расправы?

— Все могло быть. Наша история полна неожиданностей. К тому же мы были связаны обетом молчания...

Время, несомненно, стерло в памяти Ивана Леонтьевича остроту тех давних событий. Но, отвечая на вопросы, он постоянно восстанавливал для себя все новые и новые факты, суммируя которые вполне можно представить, как все происходило в тот неимоверно трудный для нашей Родины сорок второй год, когда повсюду шли ожесточенные бои с фашистами.

Операция готовилась не день и не два. Откуда исходил приказ на ее проведение, от какого лица в частности, Иван Леонтьевич не знал. Тогда никого из них не посвящали в эту тайну, хранившуюся за семью печатями. А за проявление излишнего любопытства, разумеется, по головке бы не погладили. Здесь главным критерием была благонадежность. При отборе людей для выполнения столь необычной задачи учитывались такие качества, как способность не только решительно и смело действовать в экстремальной обстановке, проявлять находчивость и смекалку, но и физически выдерживать неимоверные нагрузки, устоять перед смертельной опасностью, если потребуется, пожертвовать своей жизнью.

Прыгать с парашютом, быстро и безошибочно ориентироваться на незнакомой местности днем и ночью, в любых погодных условиях, в совершенстве владеть приемами самозащиты, без промаха стрелять из личного оружия — все это умел каждый. Но и тренировались, как говорится, до седьмого пота, учились поражать цели по звуку, по вспышкам, стрелять правой и левой рукой, из любого положения. На специально построенной макете одиннадцать лучших разведчиков изучали расположение объектов концлагеря, в котором, по докладом разведки, содержался пленник, особенности его охраны. С ними отработывались все возможные действия: бесшумное снятие часовых, проникновение на территорию лагеря. Не упускать из виду даже самые малейшие, на первый взгляд, детали. Уточнялись пароли, явки, способы обеспечения связи с группой...

Для чего все это — понятно. Даже незначительная оплошность, неосторожность одного могли стоить жизни всей группе, привести к срыву всей операции.

Из разговора с Иваном Леонтьевичем, правда, не удалось выяснить, как разведчики должны были освободить Якова: или внедриться в лагерь через кого-то и выкрасть Джугашвили, поднять восстание пленных, или каким-либо другим путем.

— Мы должны были действовать, исходя из конкретных обстоятельств, — сказал он. — Поэтому разрабатывались разные варианты, а какой из них возможен, решать предстояло на месте.

— А вы перед спецзаданием знали, кто вами будет руководить?

— Догадывались, но точно не ведали. Даже при посадке в самолет не знали, в каком он звании. Это держалось в секрете от нас.

— Принимать после операции вас будет сам, — сообщили им по секрету перед вылетом. — Учтите это. Надо сделать все возможное, чтобы порадовать его.

— Значит, не без согласования со Сталиным готовили высокие военачальники такую дерзкую операцию?

— Конечно, сомнений тут быть не должно. Ни один маршал не взял бы на себя такую ответственность, зная нрав Сталина, его беспощадность. По-видимому, инициатива исходила от какого-то крупного руководителя из партийной элиты, а возможно, и от самого Верховного, а выполняли спецзадание военные.

Вылетела на задание спецгруппа в полночь. Знали об этом лишь единицы, те, кто по ходу действий должен быть в курсе происходящего. Группу успешно выбросили с самолета в тылу гитлеровцев в заданном районе. Приземлились, упрятали

парашюты, замели все следы. С рассветом установили связь друг с другом. До концлагеря было еще десятка два километров. Но напряженная боевая работа началась. Тщательно продумывалось, что и как делать, какие маршруты использовать для передвижения к своему объекту, снова уточнялись пароли, происходили встречи с людьми, которые могли чем-то помочь. Разведали обстановку, а вскоре сумели добыть и сведения о пленнике. Оказалось, что к тому времени Якова в концлагере уже не было. Его перевели в другое место. Видимо, фашисты предчувствовали, что советское командование предпримет попытку освободить сына Сталина, и поспешили с переводом в другой лагерь. Возможно, была и иная цель, кто знает.

При сложившихся обстоятельствах группа не имела права предпринимать какие-то действия самостоятельно по освобождению узника и стала готовиться к возвращению по разработанному заранее варианту.

— А вы действовали под своими именами?

— Ну что вы! Нет, конечно. У каждого из нас была своя особая легенда, довольно правдивая, которую мы знали как свои пять пальцев, и другое имя. Дело в том, что к тому времени значительная часть советской территории оказалась оккупированной немцами, — уточнил Иван Леонтьевич. — Если кто-то из нас попал бы в лапы живым, что, правда, теоретически исключалось, реакция последовала бы незамедлительно — уничтожили бы не только самих, но и родных, у кого они находились в оккупации.

— Все ли вернулись с задания?

— К сожалению, без потерь не обошлось. Возвращаться оказалось намного труднее, чем попасть в тыл фашистам.

— А у вас спрашивали согласие на участие в выполнении спецзадания?

— Каждый из нас гордился тем доверием, которое оказали нам. Что касается согласия, о нем речь вообще не шла. Все мы понимали свою роль и ответственность за порученное, потому были готовы идти на все. И не ради славы.

Любопытно было знать, принимал ли Сталин возвратившихся с задания членов группы, беседовал с кем-либо из них.

— Нет, нет, такой встречи не было, это я точно знаю. Да мы такой надежды и не питали. Однако у меня, в частности, спросили соответствующие начальники: какую награду я желаю получить за участие в операции. Товарищу Сталину, мол, будет доложено об этом. Я сказал, — вспоминал Иван Леонтьевич после короткого раздумья, — если останусь жив, чтобы после

войны мне дали квартиру там, где останусь на житье. И за подписью Сталина мне вручили специальную "грамоту", которая обязывала местные органы власти обеспечить меня жильем, где пожелаю.

— Удалось ли воспользоваться этим документом?

— Приходилось. Имел он силу. Вот и последнюю квартиру здесь, на юге, получил по нему...

— А кроме вас остался кто-то в живых из той группы? Вы ведете с ними переписку?

— До недавнего времени с двоими переписывался. Теперь в живых остался один. Время не щадит никого.

Мы просили Ивана Леонтьевича помочь нам встретиться с тем из оставшихся в живых его боевым товарищем. Подумав, он ответил:

— Без согласования с ним самим пойти на это не могу. Да и стоит ли ворошить старое, уже пережитое.

Сам Иван Леонтьевич прошел через многие испытания Отечественной войны, участвовал в освобождении Тито и его штаба, попавших в окружение фашистов. Его боевые подвиги отмечены орденами Красного Знамени и Красной Звезды, Отечественной войны, другими наградами. Он является почетным гражданином Югославии и Польши. В свое время его бросали на борьбу с "лесными братьями"... В общем, судьба преподнесла ему непростые испытания. Все трудности преодолел этот сильный духом и крепкий физически человек с истинно русским характером. Ныне он полковник в отставке, авторитетен и уважаем в округе. Так и живет. А свое, быть может, самое яркое из боевой биографии носит "засекреченным" от окружающих. "Чтобы лишний раз не приставали с расспросами", как он выражается.

Может, и прав бывший разведчик.

Беседа с Иваном Леонтьевичем и книга Д. Волкогонова "Триумф и трагедия" наводят на мысль: а одна ли попытка была предпринята для того, чтобы освободить сына Сталина Якова Джугашвили? Вот Д. Волкогонов пишет: "...В воспоминаниях Долорес Ибаррури, вышедших отдельной книгой в Барселоне в 1985 г., приводится малоизвестный факт, но не получивший затем ни подтверждения, ни опровержения. Она пишет, что в сорок втором году за линию фронта была заброшена спецгруппа с задачей выволить Якова Джугашвили, находившегося в то время в Заксенхаузене. В составе спецгруппы был и испанец Хосе Паро Майсо с документами на имя офицера франкистской "Голубой дивизии". Но операция закончилась неудачей и гибелью группы".

Похоже, попытка освободить сына Якова предпринималась дважды. Первый раз, когда узник томился в концлагере, что был расположен близ города Любек, о чем свидетельствует рассказ Ивана Леонтьевича. Второй — когда Яков находился в застенках Заксенхаузена, о чем сообщает Ибаррури.

Своей смертью Яков Джугашвили сорвал тщательно разработанный фашистами спектакль с далеко идущими планами. Удивительно, но даже спустя десятилетия после войны одна за другой появлялись утки, заголовки которых кричали: Яков Джугашвили жив!.. Под чужим именем живет в Европе!.. Скрывается от советского правосудия в Латинской Америке!.. Такая вот грязь.

Старший лейтенант Яков Джугашвили провел многие кошмарные месяцы в фашистском плену, в котором оказался по независимым от него самого обстоятельствам, сложившимся в жестоком бою. Но как стало известно из немецких документов, захваченных американцами и переданных нашей стороне (Дело № Т-176), не уронил солдатской чести, верил в победу, вел себя мужественно, проявил редкую стойкость во время пыток. Сохранились протоколы допроса советского офицера. Вот строки первого из них. Допрос военнопленного вел тогда майор германской армейской разведки Холтерс в штабе фельдмаршала фон Клюге. Это было 18 июля 1941 года.

— Вы сдались добровольно или вас захватили силой? — спрашивал майор Холтерс.

— Нет, не добровольно... 16 июля наша часть была окружена. Наши бойцы отбивались до последней возможности. Потом возле меня никого не осталось. И я решил найти командира дивизии, но командира не оказалось возле его автомобиля. Вокруг машины собрались красноармейцы из вспомогательных подразделений. Они обратились ко мне: "Командир, веди нас в атаку". Я повел их в атаку. Началась сильная бомбежка. Затем — ураганный артобстрел. Я снова очутился один. Собираюсь пробиться к своим и уйти вместе с ними. Но тут ваши окружили меня вдруг со всех сторон... Откровенно говоря, я бы застрелился, если б своевременно обнаружил, что полностью изолирован от своих.

— Считаете плен позором? — уточнял майор.

— Да, считаю позором...

— С отцом о чем-либо говорили в самый канун войны?

— Да, последний раз 22 июня.

— Что сказал вам отец при расставании 22 июня?

— Сказал: "Иди и сражайся".

— Считаете ли вы, что ваши войска имеют шанс поворота в этой войне?

— Считаю лично, что война будет продолжаться.

— А что произойдет, если мы вскоре возьмем Москву, обратим в бегство вашу власть и возьмем все под свое управление?

— Не могу себе такого представить".

Понимая свою участь, в фашистском застенке старший лейтенант Джугашвили не сдавался, продолжал свой бой без оружия в окружении, которое длилось многие месяцы.

Интересен также допрос, который вел капитан Решеле.

— Каким образом выяснилось, что вы сын Сталина, если у вас не обнаружили никаких документов?

— Меня выдали военнотружущие части...

— Каквы ваши отношения с отцом?

— Не такие хорошие. Я не разделяю его политические взгляды, и видел его лишь изредка".

Потом был допрос в штаб-квартире фельдмаршала фон Бока. Его вел кадровый гитлеровский разведчик капитан Штрик-Штрикфельт. Ему явно повезло. Его миновали пули и снаряды той войны. Спустя много лет после ее окончания он издал свои воспоминания, в которых не забыл рассказать и о допросе Джугашвили. Поведал, в частности, как пытался убедить пленного советского офицера в расовом превосходстве немцев. На что услышал в ответ:

— Вы смотрите на нас словно на примитивных островитян южных морей, но я, находясь в ваших руках, не обнаружил ни единой причины смотреть на нас так.

И все же капитан Штрик-Штрикфельт счел нужным уточнить:

— Вы заявляете, что не верите в победу Германии?

— Нет, не верю, — таков был ответ.

То, что не удалось военным, попытались осуществить люди Геббельса. По их требованию пленный был доставлен в Берлин и под надзором гестапо помещен в один из лучших отелей. Тут и внимание к нему было иное, и отношение. А еда изобиловала многими лакомствами. И все же, как и следовало ожидать, нацисты ничего не добились от узника. Постояльцем столичного отеля Яков пробыл недолго. Любезности на том и закончились. В начале 1942 года Джугашвили бросили в офицерский концлагерь Хаммельбург XIII с ужасными условиями содержания. В одиночной камере барака пленник не мог ни читать, ни писать. Ему предоставлялась возможность иметь лишь две короткие прогулки в день под усиленной охраной.

В апреле 1942 года гитлеровцы перевезли пленника в концлагерь X-C близ города Любек, где содержались пленные разных стран, в том числе 1.800 польских офицеров.

Джугашвили пытали и здесь, стремились с помощью всяческих посулов о "красивой жизни" склонить к сотрудничеству с фашистами: то помещали его в один из лучших "номеров", то изолировали и устанавливали строжайший надзор, побуждали к агрессивным действиям. Надзиратель над необычным узником — Рене Блюм в одном из интервью французскому журналисту говорил о нем: "В течение полугода я встречался с Яковом Джугашвили чаще одного раза в неделю. Он твердо верил в победу своей страны и так схватывался с нацистами, не делал им никаких уступок, что в наказание за это находился в карцере больше времени, чем в бараке. Карцер же был сырой, без света, с жестоким обращением с провинившимся".

Фашисты не сломали и не купили советского офицера, который до последней возможности сражался с ними. Считается, что погиб Яков Джугашвили в апреле 1943 года. Об этом личной депешей 22 апреля Гиммлер уведомил Риббентропа.

Жива память о добром воине. В 1977 году он был посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени. А на скромном обелиске во дворе института, в котором учился Яков, среди фамилий тех, кто не вернулся с войны, вписана такая строчка: "Джугашвили Я. И. Бывший студент МИИТа. Старший сын Сталина".

Дочь Якова, Галина Джугашвили, вместе с другими уважаемыми людьми продолжает поиск всего, что касается судьбы ее отца. Об этом знают не только у нас, но и в других странах. Друзья из-за рубежа шлют то, что удастся добыть нового. Собранное во многом дополняет уже известные факты.

Хочется верить, что со временем нам станут известны все подробности и тех рискованных рейдов в тыл врага, о людях, жертвовавших собой в то роковое время ради спасения узника фашистских концлагерей офицера Советской Армии старшего лейтенанта Якова Джугашвили. Ведь, наверное, еще остались в живых организаторы столь важной операции, сохранились и какие-то документы, с помощью которых можно будет стереть еще одно белое пятно в нашей истории.

Подполковник в отставке
Л. МАЗЫРИН.

Говорят, что история учит лишь тому, что ничему не учит. Чечня — исторические грабли России, и долгое эхо Кавказской войны, сливаясь с нарастающим грохотом современных орудий, не сулит детям Кавказа ничего, кроме непредрасказуемых последствий. Мы обратимся к страницам прошлого и, вчитываясь в строки документов и литературных произведений, найдем в них немало схожего с суровой реальностью наших дней.

ТРАГЕДИЯ КИЗЛЯРА

Речь пойдет о событиях полутора-вековой давности. Кизляр называли тогда Парижем левого фланга Кавказской линии, и население его составляла "разноязычная толпа": грузины, армяне, кумыки, ногайцы, черкесы, татары, персы, русские. На базарах появлялись и чеченцы. Издавна здесь проходил торговый путь, по которому товары шли в Баку, Тифлис, Персию и даже Индию. В городе было три рынка: русский, армянский и татарский. Вспомним, что лермонтовский Печорин, пытаясь добиться расположения Бэлы, "отправил нарочного в Кизляр за разными покупками..."

Однажды война нагрелась и сюда.

С начала 30-х годов прошлого века в русских военных сводках на Кавказе стало появляться имя Кази-Муллы, отряды которого предпринимали дерзкие вылазки из глубины гор, и эти неожиданные удары часто оканчивались успехом.

В августе 1831 года силами до пятнадцати тысяч человек Кази-Мулла попытался взять Дербент, и хотя был отбит и после ряда неудач ушел в горы, стало ясно, что теперь русским противостоит грозный и неукротимый соперник.

Той же осенью крупный отряд генерала Панкратьева провел экспедицию в Дагестане. Генерал Вельяминов после кровопролитного штурма взял хорошо укрепленный аул Чир-Юрт. Но потесненный войсками Кази-Муллы с поразительной легкостью нанес русским внезапный и болезненный ответный удар. С тысячью отборных мюридов он переправился через Терек и захватил Кизляр. Город давно носил статус крепости, имел гарнизон, земляные валы и бастионы с пушками, что, впрочем, нисколько не смутило нападавших. На Востоке говорят: кто думает о последствиях, тот никогда не проявит храбрости...

Вот что рассказывает об этих событиях хроника Кавказской войны, составленная в 1909 году подполковником военно-исторического отдела штаба Кавказской армии Семеном Эсадзе: "Между тем Кази-Мулла, пользуясь отвлечением сил с Линии, предпринял смелый набег на Кумыкскую плоскость. Явившись в Гудермес, имам призывал жителей к всеобщему восстанию. Переезжая из аула в аул и проповедуя газават, он имел громадный успех. Кази-Мулла направился на совершенно незащищенный город Кизляр. Оторо-

целое население, не зная что делать, металось из стороны в сторону; раздававшийся на колокольнях трезвон еще более усиливал переполох и суматоху. Ворвавшиеся в город горцы рубили кого попало, врываются в дома и магазины. Захватив громадную и богатую добычу, Кази-Мулла направился обратно в Дагестан".

Приведем также отрывок из официального рапорта генерал-лейтенанта Вельяминова от 5 ноября 1831 года, повествующий о событиях во время захвата Кизляра: "В городе сделалась тревога и открыт был из орудий огонь, коим неприятель принужден был скрыться за домами. В одно время с сею партией другая толпа мятежников переправлялась в город в Топольской роще, около часовни святого Георгия, а третья против части города, называемой Окочинскою. По совершении переправы одна толпа бросилась на слободку, грабя дома и забирая пленных, а другие две партии произвели то же в городе в частях Армянской и Татарской по правую сторону Тополки, но по приближении к Тезицкой хищники встречены были ружейным огнем жителями оной, которые, заслоня улицы арбами, отражали нападение и наносили неприятелю большой вред: из слободки же он был выбит солдатами Линейного батальона №8 и грузинами с помощью пушечных выстрелов. Наконец, в 3-м часу все неприятельские толпы с добычей и пленными переправились обратно за Терек..."

Александр Дюма, побывавший в городе двадцать лет спустя, слышал отголоски разыгравшейся трагедии: "Заметно было, что мы вступали в землю, где каждый опасался повстречать врага и, не рассчитывая на помощь власти, сам думал о собственной безопасности."

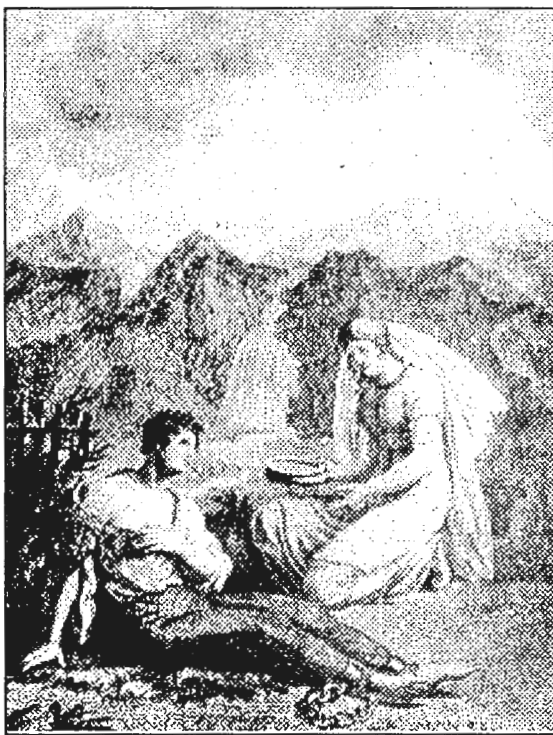
И действительно, мы приближались к тому самому Кизляру, который в 1831 году был взят и разграблен Кази-Муллою — учителем Шамиля. Многие еще вспоминают о потере или родственника, или друга, или дома, или имущества во время этого ужасного происшествия...". Бич христиан Кази-Мулла успешно применял извечную тактику горцев — неотразимый набег, как потом это делал и сам "владыка гор" Шамиль, и явившиеся сегодня его "внуки", "одинокие волки" (предпочитающие действовать, однако, многочисленной стаей), тактику, к которой в свое время получила высокую оценку классика марксизма. Фридрих Энгельс писал, что "сила кавказских горцев заключалась в их непрерывных вылазках из своих гор на равни-

ны, во внезапных нападениях на русские позиции и аванпосты, в быстрых набегах в глубокий тыл русских передовых линий, в засадах на пути русских колонн. Иначе говоря, горцы были легче и подвижнее, нежели русские, и они полностью использовали это преимущество. Фактически, во всех случаях даже временно успешных восстаний горцев эти успехи, таким образом, были результатом наступательной тактики".

Сила соломой ломит. Русские достали Кази-Муллу ровно через год — взяли приступом его родной аул Гимры. Сам Кази-Мулла погиб, а израненный Шамиль чудом избежал пленения или смерти. Война от этого не прекратилась, и жаркое пламя газавата бушевало еще три долгих десятилетия. Многие ее трагические сцены запечатлены в русской литературе.

"В ГЛУХИХ УЩЕЛЬЯХ КАВКАЗА"

Справедливости ради отметим, что литературную моду на кавказских пленников открыл для русской читающей публики французский писатель. Звали его Ксавье де Местр. Уроженец Савойи, с присоеди-

"Кавказский пленник"
Гравюра С. Галактионова 1824 г.

нением последней к Франции Наполеоном он эмигрировал в Пьемонт, откуда в 1800 году попал в Россию вместе с армией А.В.Суворова, возвращавшейся из итальянского похода. Стал офицером русской службы, участвовал в кампании 1812 года. Несколько лет воевал и на Кавказе, где познакомился с комендантом Владикавказа генералом Дельпоццо. В 1802 году тот был похищен чеченцами и провел у них в плену более года. Эта драматическая история, широко известная на Кавказе, и легла в основу повести де Местра "Пленники Кавказа", опубликованной на французском языке в 1815 году. Известно, что чеченцы уважали находившегося у них в плену офицера (в повести он выведен под именем майора Каскамбо) и даже обращались к нему для разрешения своих споров. Чеченки относились к нему сочувственно, но своим освобождением Дельпоццо обязан не сентиментальной горянке (как потом в русской классике), а собственной находчивости и жестокости своего денщика-солдата, зарубившего топором старика и старуху чеченцев, стороживших пленников.

Сюжетной формулой, подсказанной разгоравшейся на Кавказе войной (русский в плену у горцев), воспользовался в своем "Кавказском пленнике" и Пушкин. Местом действия поэмы стал район Пятигорья, где он побывал в 1820 году с семьей генерала Раевского. Основные события войны разворачивались все же в некотором удалении от Кавказских вод, и, понимая это, поэт признавался в письме к Н.И.Гнедичу, что "сцена моей поэмы должна бы находиться на берегах шумного Терека, на границах Грузии, в глухих ущельях Кавказа..."

Отголоски истории Дельпоццо или какой-то другой, услышанной на Кавказе, заметны и в письме Пушкина к брату: "Хотя черкесы нынче довольно смиренны, но нельзя на них положиться: в надежде большого выкупа они готовы напасть на известного русского генерала. И там, где бедный офицер безопасно скачет на перекладных, там высокопревосходительный легко может попасться на аркан какого-нибудь чеченца".

Реальным источником для "Кавказского пленника" мог стать и рассказ о злоключениях майора Павла Швецова, взятого в плен чеченцами 6 февраля 1816 года. Случай этот получил особую известность благодаря тем решительным мерам, которые предпринял генерал А.П.Ермолов для освобождения своего офицера, считавшегося одним из лучших в Кавказском корпусе.

Швецов служил в Грузинском гренадерском полку и еще под знаменами Котля-

ревского участвовал в тяжелых сражениях с персами под Асландузом и Ленкоранью.

Получив отпуск, он отправился из Шемахи в Кизляр, чтобы повидаться с родными. Надеясь выгадать время, Швецов избрал не кружной путь по Военно-Грузинской дороге, а поехал через Дербент и некоторое время спустя достиг укрепления Казюрт в Северном Дагестане, откуда до желанной цели оставалось уже не более одного дня пути. Тут благоразумнее было бы дожидаться оказии, но Швецов поступил иначе. Поскольку по заведенному тогда порядку за безопасность проезда отвечали местные владетели, он обратился с просьбой о конвое к кумыкскому князю Шефи-беку. Из попутчиков и княжеских узденей составилась отряд в двадцать человек, отважившийся пуститься в последний и, как оказалось, роковой переход.

Когда до Кизляра оставалось несколько верст, из придорожных кустов грянул ружейный залп и следом вылетела партия конных чеченцев. Итог короткой и отчаянной схватки оказался печальным: большинство путников было убито и ранено, лишь трое смогли прорваться к Кизляру. Сам Швецов потерял лошадь и, оставаясь на поле боя, изрубил шашкою троих врагов, но был повержен неожиданным ударом сзади по голове.

В городе подняли тревогу. Брат Швецова, служивший в Кизляре полицмейстером, кинулся с людьми в погоню и, взяв верный след, к ночи настиг нападавших. Но освободить пленника силой не удалось.

Вот как рисует этот эпизод военный историк В.А.Потто, посвятивший Швецову отдельную главу во втором томе своей "Кавказской войны": "Хищники, в свою очередь увидев, что им не уйти без боя, остановились. С их стороны выехал парламентар, и между тем они вывели наперед пленного Швецова, по бокам которого стали двое чеченцев с обнаженными кинжалами. Парламентар объявил, что, если чеченцев не пропустят, они будут драться до последнего человека, но что первой жертвой неминуемо сделается пленный..."

Швецов покорился своей участи и просил брата прекратить преследование. Не встречая больше помех на своем пути, чеченцы ушли в горы и увели пленников, Швецова и его денщика, в аул Большие Атаги. Там их заковали в кандалы и посадили на цепь, а вскоре назначили и цену выкупа — десять арб серебряной монеты.

Попытки разыскать пленника в горах успеха не имели, а только ухудшили его положение: Швецова, скованного по рукам и ногам, посадили в глубокую яму, укрытую сверху толстыми досками.

Письмо о цене выкупа денщик майора доставил на Кавказскую линию, которой командовал тогда Дельпоццо.

Сумму удалось сбить до двухсот пятидесяти тысяч рублей, но и эти огромные деньги взять было негде. Знаменитый генерал Котляревский и адмирал Головин, лично знавшие Швецова, открыли подписку для сбора средств на его выкуп. Среди прочих на их призыв откликнулись солдаты нашего корпуса, оставшегося во Франции после разгрома Наполеона. Они отчисляли в пользу Швецова часть своего жалованья, но набрать необходимую сумму все же не удавалось.

Дело могло затянуться, если бы не вмешался назначенный на Кавказ Ермолов. В письме к матери пленника он честно поклялся, что участь ее несчастного сына не останется без внимания. Как повествует Потто, Ермолов "приказал генералу Дельпоццо вызвать всех кумыкских князей и владельцев, через земли которых проведён был Швецов, заключить их в Кизлярскую крепость и объявить, что если через десять дней они не изыщут средства к освобождению Швецова, то все, в числе восемнадцати человек, будут повешены на крепостном бастионе".

Средства нашлись. Сумму выкупа удалось снизить до десяти тысяч, и Ермолов, не желая платить их от имени правительства, сделал так, чтобы внес их аварский хан.

Пленника освободили, когда его душевные и физические силы были на исходе. Оковы на всю жизнь оставили следы на его теле. Он продолжал служить на Кавказе и получил в командование Куринский полк. Умер от лихорадки в 1822 году и был похоронен в Дербенте.

Судьба преследовала Швецова и в могиле. Молодой горец Амалат-Бек был влюблен в дочь аварского хана Солтанету. Хан потребовал за нее голову своего врага — русского полковника Верховского. Слепленный страстью Амалат совершил предательское убийство и скрылся в горах. Когда полковника похоронили, Амалат ночью проник на кладбище, однако по ошибке разрыл могилу Швецова. Отрубив у трупа голову и руку, он отвез их хану, но застал того на смертном одре...

Хотя в "Кавказском пленнике" Пушкин и упоминает гремящие цепи и ноги узника, закованные в "железы", передать средствами романтической поэмы весь ужас долгого плена было невозможно, к тому же автор имел в виду совсем другие художественные цели.

Известно также, что Пушкин составлял планы кавказского романа, где нападение черкесов и похищение играли в развитии сюжета не последнюю роль.

"СМОТРЕТЬ НА ИСТИНУ ПРЯМЫМИ ГЛАЗАМИ"

В 1840 году наиб Шамиля Ахвердил Мухаммед, совершив стремительный рейд по русским тылам, нагрянул в Моздок. Среди прочих пленных он привел оттуда дочь богатого купца армянина Анну Улуханову. Девушку, поразившую горцев своей красотой, доставили в Дарго к Шамилю. Она вскоре перешла в ислам, получила имя Шуанат и стала женой Шамиля.

Как сообщает дагестанский краевед Булач Гаджиев, "несколько сот солдат, не выдержав армейской жизни, в разное время перешли на сторону Шамиля".

Наиболее желанной боевой добычей для горцев были русские офицеры. В стихотворении "Валерик" Лермонтов приводит предсмертный бред раненого капитана ("Спасите, братцы! Тащат в горы..."), передающий, видимо, вполне реальный боевой эпизод.

Иногда за голову узника назначался выкуп. Иногда производили и обмен пленных. Известен случай, когда чеченцы удерживали захваченного ими штабс-капитана Клингера два с половиной года, обменяв потом на семерых своих.

В путевых записках о поездке на Кавказ в 1858-1859 годах Александр Дюма рассказал о встрече с русским офицером, который провел в плену у горцев пять месяцев.

"Взятый в плен около Кубы, — пишет Дюма, — он был уведен в горы и доставлен к Шамилю.

Сначала за него требовали двенадцать тысяч рублей, а потом сумму выкупа снизили до семи тысяч. Семейство и друзья офицера собрали три с половиной тысячи рублей, а граф Воронцов — тогдашний кавказский наместник — добавил остальное".

Иногда участь пленников оказывалась плачевной. Мухаммед Тахир аль-Карахи в своей известной хронике "Три имама" передает, что "в 1845 году Шамиль получил достоверные сведения, что русские готовятся к серьезным операциям против него. Он тотчас же приказал казнить всех офицеров, взятых им одновременно в плен. Их особенно много было захвачено при очищении русскими Нагорного Дагестана в 1843 году".

Сведения о том, какой была казнь у чеченцев, есть в упомянутой книге Потто. Томась в плену, майор Швецов готовился к худшему: "Конец был известен. По обычаю страны его привяжут к дереву, и каждый из присутствующих на этом суде будет наносить обреченной жертве не смертельные, но мучительные удары

ножом пока наконец не потухнет последняя искра жизни в несчастном мученике".

В апреле 1849 года ночной налет на Темир-Хан-Шуру (ныне город Буйнакск) совершил отряд знаменитого Хаджи-Мурата. Едва ли он рассчитывал захватить эту крепость с многочисленным гарнизоном, но переполох поднял большой. Заметавшись на незнакомых улицах, мюриды кинулись к освещенному зданию, приняв госпиталь за дом командира Апшеронского полка князя Орбелиани. На выручку раненым подоспели поднятые по тревоге солдаты. Хаджи-Мурат ушел, против обычая оставив на поле боя тела своих убитых.

Самым громким и страшным по опустошительным последствиям был набег, совершенный в Кахетию в 1854 году сыном и наследником Шамиля Кази-Мухаммедом. Названный в память Кази-Муллы, он с молодых лет отличался редким хладнокровием, отвагой и более всех других сыновей Шамиля был отмечен талантом военачальника (впоследствии получил чин маршала турецкой армии).

Во главе семитысячного отряда конницы Кази-Мухаммед разорил и сжег 18 грузинских селений и разграбил имение князя Чавчавадзе — Цинандали. Среди многочисленных пленников (по сведениям аль-Карахи — 884 человека) оказались княгини Чавчавадзе и Орбелиани с детьми и прислугой, захват которых, как стало ясно, являлся главной целью всей операции.

Суловый плен длился восемь месяцев, подробности его стали известны по нашумевшей в свое время книге Е. Вердеревского "Кавказские пленницы, или Плен у Шамиля".

Несколько глав посвятил этой истории в своих записках и Дюма. Он услышал рассказ в Тифлисе из уст самих пленниц. В конце концов Шамиль обменял их на своего старшего сына Джемалэддина, об изломанной судьбе которого тоже следует сказать несколько слов.

При осаде Ахульго в 1839 году, понимая безвыходность своего положения, Шамиль пошел на переговоры с русскими и в качестве аманата (заложника) вынужден был выдать восьмилетнего Джемалэддина. Переговоры успеха не имели, Ахульго был взят, Шамиль сумел уйти, а мальчик остался в русском плену. Его отвезли в Петербург, и царь Николай велел определить его в кадетский корпус.

В двадцать лет он был уже поручиком уланского полка. Вернувшись в горы, он убеждал отца прекратить борьбу, понимая многократное превосходство сил России, но напрасно. Шамиль женил сына и отправил в высокогорный аул Карата.

Через несколько лет Джемалэддин умер от туберкулеза.

О других горцах в русском плену известно меньше. О некоторых из них, заключенных омского острога, рассказал в "Записках из мертвого дома" Ф. М. Достоевский: "Их было: два лезгина, один чеченец и трое дагестанских татар. Чеченец был мрачный и угрюмое существо: почти ни с кем не говорил и постоянно смотрел вокруг себя с ненавистью, исподлобья и с отравленной, злобно-насмешливой улыбкой".

Лезгин же Нурра произвел на писателя самое отрадное впечатление: "Это был человек еще нестарый, росту невысокого, сложенный, как геркулес... Все тело его было изрублено, изранено штыками и пулями. На Кавказе он был мирной, но постоянно уезжал потихоньку к немирным горцам и оттуда вместе с ними делал набеги на русских. В каторге его все любили. Он был всегда весел, приветлив ко всем, работал безропотно, спокоен и ясен... Он совершенно был уверен, что по окончании определенного срока в каторге его воротят домой на Кавказ, и жил только этой надеждой".

Вслед за Пушкиным своих "Кавказских пленников" написали Лермонтов и Толстой. Оба они, участники бесконечной кавказской драмы, изображали войну такой, какой видели сами, — "в крови, в страданиях, в смерти". Оценивая стихотворение "Валерик", запечатлевшее сцены тяжелого сражения в Чечне, Белинский писал, что отличительный характер поэзии Лермонтова заключается "в его мощной способности смотреть прямыми глазами на всякую истину".

В "Хаджи-Мурате" Толстого есть горькие и честные строки о ненависти чеченцев к русским. Отметим, однако, и другое: в нашей классике русский пленник всегда обязан своей вновь обретенной свободой горянке. Реальность непримиримой войны была намного страшнее, но, даже понимая это, авторы "Пленников" переписывали исход жестокого сюжета по-своему, так, как им подсказывало сердце: где злость и насилие разделили народы, там путь к спасению лежит через сострадание и любовь.

Н. МАРКЕЛОВ,
главный хранитель
Государственного музея-заповедника
М.Ю. Лермонтова.

Пятигорск.

Евгений ЕРХОВ

Стихи Евгения ЕРХОВА не могут не задевать сокровенных струн читательских сердец, поскольку они просты в своей лирической основе, а потому понятны каждому. В них живут печаль и радость, горечь и боль за будущее Родины. Ерхов — член Союза писателей, автор многих поэтических книг, но он и полковник запаса, большую часть жизни посвятивший службе во внутренних войсках, в том числе и в нашем журнале. В нынешнем октябре ему исполняется 60 лет. Евгений Иванович и сегодня не стоит в стороне от наших общих дел и забот, являясь членом редколлегии журнала, его постоянным автором.

ВСЕ МЫСЛИ — О ТЕБЕ...

ЗОВ

Все чаще на родину тянет,
с годами сильней и сильней,
к щемящей духмяности шанег,
к морозному лету саней.

Нет, нет, я не против прогресса,
с которым сроднился уже,
но все ж на лошадке вдоль леса —
какое блаженство душе!

Остался и хлеб незабытым.
И ныне пекут хорошо,
но с этим, случилось, был сытым,
а с тем — и счастливым еще.

Безоблачным детства не помню,
но что были за облака! —
то танк краснозвездный, то конник
победно летит на врага.

Дареную сдвинув пилотку,
лежи и гляди хоть до звезд,
лопатками чуя щекотку
травы, набирающей рост.

И копится в теле силенка,
как колос на вырост гоня, —
крылом ледяным похоронка
еще не достала меня...

На родину тянет — в те травы
упасть и забыться на миг!

Но раны, но раны, но раны —
уже я не мыслим без них.

И грезятся травы другие,
стоящие в плотном строю
вокруг безымянной могилы
в неизвестном мною краю.

МУЗА

В городке, что затерялся
в заполярном далеке,
я с тревогой уживался,
был знаком накоротке.

Ледяной зимою вьюжной,
летом кратким, как рассвет,
я оказывался нужным
как солдат и как поэт.

Не казалась служба грузом,
и ручаюсь головой,
что не мне, а местным музам
был не в радость вестовой!

И одна из них к порогу
не порхнула в свой черед,
и с тех пор мою тревогу
как свою в себе несет...

***

На берегу,
у самого прибоя —
валун по пояс в гальке и песке.
На тыщу лет

он старше нас с тобою
любой своей прожилкой на виске.

Подумаешь —
и сердце захолодет:
вот так же, может быть, далеко там
на каменном челе свели ладони
заблудших двое —
Ева и Адам...

***

Ни к каким не приверженный школам,
я компаний больших не водил,
и единственно с Васей Тишковым
в объяснение сути входил.

Невозможным снедаем романом
о загадочной русской душе,
сам себя утешал он обманом,
что проник в ее тайны уже.

Над лампадкой коптилась иконка —
примиренье тюрьмы и сумы,
и дымилась его самогонка,
просветлявшая наши умы.

Что хотели от жизни — не помню,
что мы в ней отвергали — забыл,
но зато победили истому
ту, что каждый в себе накопил.

Нагляделись: и в славе и в сраме
нам являлись такие мужи!
И уже не довлеет над нами
неразгаданность русской души.

***

Оказался в Магадане
не по прихоти суда —
с вольным паспортом в кармане
сам пожаловал сюда.

Захотелось потереться
там, где жизнь всего лютей,
и душою опереться
на несломленных людей.

Но не шла удача в руки —
узнавал не на словах:
больше все-таки ворюги
рыли золото в горах.

И лишены в иждивенцы
не реались в глухие дни,
но — сгорели как поленца
в толке времени они.

Ну а те, которых разум
с власть имущими развел?
С теми все решали разом —
к стенке, и в затылок ствол...

Говорю живым: "Старейте!
Продолжайте жить и жить,
ради вас ведь каждый третий
без суда в земле лежит".

***

На осенний непохожий
дождь над городом витал,
палых листьев не тревожил —
до земли не долетал.

Морось легкая кружилась,
наши лица холода.
Ты сказала, что влюбилась
в отражение дождя.

Вспоминаю — так и было,
до сих пор впадаю в дрожь:
к лету мальчика родила —
капля в каплю этот дождь.

Одиночеством гонимый,
я, услышав, помертвел:
— Ты в судьбе моей, любимый,
дождиком прошелестел...

СМУТА

Все мысли — о тебе,
и о тебе все сны.
Как ты живешь теперь,
чем дни твои красны?
Числом в календаре?
Печалью обо мне?
Синицей, на заре
лепечущей в окне?..

А у меня — одно
и то же каждый день:
черно мое окно,
повернутое в тень.
Как солнышко ушло,
так и сдустилась мгла,
нахмурясь тяжело
из каждого угла.

Обвыкнись или нет? —
вопрос меня знобит.
Иду искать ответ
на капище обид.
Там, на решенье скор,
найду изъян в судьбе,
но не тебе в укор,
а самому себе.

"Жив?" — спросит воробей.
"Жив!" — подтвержу кивком.
Усядется, злодей,
на древе родовом.
И держится, как брат,
не помня никого.
А я ему и рад —
как жил бы без него!

"Жив?" — принесет привет,
и жизнь вспорхнет во мне...
В России света нет —
откуда быть в окне.

Иван МУЧАК

5

"Правду говорят, — думал Сомов, щурясь от яркого полуденного солнца, — от тюрьмы и сумы не зарекайся". После мрачной камеры солнечный свет больно резал глаза. Сомов только сейчас начал анализировать ситуацию и сопоставлять факты.

Глухов, угнанная машина, убийство — все это перемешалось в голове. Вспомнилась жена. И сын, не его кровинка, но уже частица его. Ржаная, белобрысая макушка и хлебный запах мягких волос еще не однажды вернут желание жить.

В жизни все перевернулось с ног на голову. На работе Сомова словно не замечали, появились какие-то качки, тенью ходившие за его шефом — директором "Аттракциона". Никто не задавал никаких вопросов, шеф сдержанно поздоровался с ним и равнодушно бросил: "Отдыхай пока". Чувствовалось, что в услугах Сомова здесь больше не нуждались. "Свято место пусто не бывает", — подумал Евгений. Почти то же сказал и шеф, когда наконец пригласил к себе. Посетовав, что пришлось нанять других телохранителей, он долго и в подробностях расспрашивал о допросах, о поведении Глухова. На том все и кончилось, если не считать, что шеф великодушно пообещал без дела не оставить и в обед, взяв Сомова с собой в ресторан, продолжил разговор:

— Я понимаю, у тебя сейчас сложности, — говорил он. — С машиной расставаться не хочется. Я помогу расплатиться. Есть работенка непьющая. Нужно доставить партию груза на Кавказ. С милицией все согласовано. Получишь гонорар, за машину рассчитаешься, еще и на жизнь хватит на первых порах. Я тебя познакомлю с человеком, который все это организует.

Сомова передали из рук в руки, как эстафетную палочку. К столику подсел высокий худощавый парень в джинсовой варенке. Под курткой виднелась тельняшка, и торчащая из ее широкого ворота шея казалась длинной и тонкой — будто голова на кол насажена. Парень протянул руку Женке и сказал:

— Зови меня — Миля.

— Сомов, — представился Женка.

— Значит, будешь Сом, — Миля растянул губы в улыбке, обшаривая прищуренными глазенками стол.

Шеф разлил шампанское по фужерам.

— Миля объяснит сам, что от тебя требуется. Я в эти дела не вмешиваюсь, — на всякий случай подстраховался он.

— А если я не соглашусь? — подумав спросил Сомов.

Шеф недоуменно посмотрел на него. Похоже, он возражений не ожидал.

— Силком тебя никто не тащит. Возвращай тачку и мотай на все четыре стороны.

— Да дело-то прибыльное! Жену с сыном кормить надо, а машину такую где еще возьмешь? Приходи завтра сюда, потолкуем.

— Может, прямо сейчас и обсудим? — предложил Сомов.

— Сегодня не могу, — глотнул из фужера Миля. — Делишки есть кое-какие. А завтра в самый раз.

Шеф уехал, этот длинный гусь следом.

И на кой хрен сдался мне этот Миля? Может, отказаться, плюнуть на все и к Стасу, пока не поздно? Зайти и рассказать обо всем, посоветоваться. Как-никак друг, из одной площадки щи хлебали. Хотя считает ли Стас другом его — фирмача, "нэпмана", как он однажды выразился?

***

Майору Муромцев хотя и был занят, но Сомову обрадовался.

— Ты просто так зашел или по делу? — поинтересовался Стас, протягивая руку.

— А как бы тебе хотелось? — вопросом на вопрос ответил Женка.

— Если по делу — выкладывай, посидим здесь, а нет — я сейчас все сворачиваю и махнем ко мне. Мои утром уехали к родным, так что я холостякую.

— Тогда сначала о деле. На работу к себе возьмешь? — без предисловия спросил Женка.

Стас, пряча улыбку, посмотрел на Сомова.

— На работу? — переспросил. — А не пожалеешь? У меня хлеб без масла. Ну поговорили тогда, влип в историю. Пройдут неприятности, все станет на место.

— Я не тороплюсь. Это меня торопят. Из "Аттракциона" практически уволен. Уже давно вместо меня и Глухова работают другие. А мне шеф навязывает в компаньоны какого-то Милю.

— Что еще за Миля?

— Да бес его знает! Ты же сам говорил: не задавай лишних вопросов. Вот я и не задаю.

— А что ты должен делать?

— Пока не знаю. С милиционером сопровождать какой-то груз. Завтра встре-

тимся, узнаю конкретно. Вот думаю: идти на эту встречу или бросить все к чертовой матери — и эту машину, и всю эту коммерцию?..

Муромцев раздумывал, сказать Сомову о показаниях Глухова и его смерти или смолчать? Но лишь спросил:

— О работе ты серьезно?

— Вполне.

— Как быть с Милей — решай сам. А насчет работы переговорю с начальством. Через неделю-полторы позвоню. Будут сложности, пока не закончится дело по такси. Ну ладно, — засобирался Муромцев, — теперь поехали ко мне.

— Нет, сейчас не могу, извини, старик. У сына день рождения. Надо подарок купить.

— Как знаешь, — не настаивал Муромцев.

В конце длинного коридора на Сомова чуть не налетел капитан Тарасов, которому передали дело по угону такси. Узнав Сомова, он прихватил его за локоть и пошел рядом.

— Как у вас дела, Сомов? — участливо поинтересовался следователь.

— Нормально, — улыбнулся Женька. Разговор с Муромцевым поднял настроение. — А о каких делах вы спрашиваете?

— Да так, вообще.

— Ну если вообще, то неважно.

— Кроме занесенного в протокол, по угону такси больше ничего не вспомнили?

— Нет, не вспомнил. А почему вы спрашиваете? Не верите моим показаниям или Муромцеву не доверяете? — попытался сослаться Сомов на авторитет друга.

— Муромцеву я доверяю. Жаль, что вам больше нечего добавить. Таксист-то поправляется, скоро заговорит, может многое проясниться, — продолжил Тарасов, глядя в глаза Сомову. — Муромцеву я доверяю, но я доверяю и Глухову.

— Слава Богу, — вздохнул Сомов. — Пусть выздоравливает. Наконец-то вы во всем разберетесь. От своих показаний я не отказываюсь, мне выдумывать и добавлять нечего.

— Зря вы так, Сомов.

— Как? Если вы меня допрашиваете, то составляйте протокол и задавайте конкретные вопросы.

— А если нет? — спросил Тарасов.

— Тогда до свидания. Я очень тороплюсь.

— Понимаю, понимаю, — неопределенно заметил следователь. — Можете идти. Завтра-послезавтра мы с вами непременно

во встретимся. Вот только интересно, почему вас Муромцев отпустил? Он что и опознание не проводил?

— На каком основании? — озадаченно спросил Сомов.

— Как, на каком? Ваш друг не говорил вам о показаниях Глухова? Интересно. Вы ведь с Глуховым и Ангелом расстреляли осетин во дворе школы.

Как расстался с Тарасовым — Женька не помнил. Хотел было вернуться к Муромцеву, но не решился. Стас знает, как поступить, остается только верить ему.

***

Отделение милиции совместно с сотрудником МУРа не прекращали поиски Ангела. С поста во дворе дома шесть по улице Воробьева поступило сообщение, что Надежда Хмарук уже несколько дней не появляется в своей квартире. Как удалось выяснить в магазине, она взяла на неделю отпуск за свой счет и уехала на дачу.

— Какая дача? — недоумевал Яшин. — У нее и огорода нет.

— А у Зайцева и Марфы Горбань есть?

— У Зайцева есть домик. Но сейчас он пустует, проверяли.

— Что, если Хмарук заметила наблюдение?

— Не думаешь же ты, что она решила смыться? Не она же убивала! Предположить что угодно можно, — нервничал Яшин.

— Но если она засекала слежку, то об этом станет известно Ангелу.

— Подождем до понедельника. С работы она не увольнялась. Должна вернуться.

И в самом деле, через неделю Зайцев привез ее домой на своей "Ниве", а на следующее утро она проделала знакомый путь от подъезда до автобусной остановки.

— Зря мы убрали Говорухина с этого поста, — пошутил Муромцев. — Познакомился бы с Надеждой, тогда знали бы каждый ее шаг.

— Женщины — народ коварный. Расколосся бы твой Витька перед ней, как орех. Но поближе с ней познакомиться надо, — закончил серьезно Яшин. — Ангел больше месяца в городе не появляется. Надежда наверняка у него была. Я получил санкцию на прослушивание телефона. Подключайся и слушай, кто ей звонит.

***

После отъезда жены с детьми к родственникам, квартира Муромцева опустела. Стас домой не торопился, приходил к вечерним новостям. Наслаждался временным холостячеством, глядя на экран, потягивал пиво, заглывал бутерброды. Естественно, не пропускал и хронику происшествий. Обычно ее смотрят как детектив, а у Муромцева свой взгляд, профессиональный: как бы сам поступил в той или иной ситуации.

Диктор привел несколько фактов беспредела, ввернул не совсем уместную шутку, от которой сам же скривил губы, изображая улыбку, и далее серьезно возвестил:

— Девяносто девятым отделением милиции разыскивается без вести пропавший Сомов Евгений Сергеевич...

На цветном экране всплыла черно-белая фотография. Муромцев приподнялся в кресле, убеждаясь, что это действительно Женька. Он узнал снимок. На фотографии они были запечатлены с Сомовым в горах Карабаха. А сейчас усеченная наполовину фотография высвечивалась на экране.

— Его приметы, — продолжал диктор. — На вид около тридцати лет, атлетического телосложения. Был одет в светло-голубые джинсы, высокие кроссовки, темно-коричневую тенниску. Тринадцатого июля Сомов около девяти часов утра вышел из дома и на работе не появлялся...

Досмотрев до конца ролик с информацией, Стас бросился к телефону.

Что могло произойти? Тринадцатого, значит, прошло уже десять дней. Десять дней. Когда они виделись в последний раз? Жену он проводил двенадцатого утром, в этот же день после обеда заходил Женька. О чём они говорили? О работе, Женька не согласился ехать к нему домой, день рождения у сына, не все ладится в "Аттракционе", познакомился с Милей. Милей! Он говорил, что на следующий день должен был встретиться с ним, то есть тринадцатого. Ну и денек выбрал — чертова дюжина.

Наконец Муромцев нашел в записной книжке номер домашнего телефона Сомова. Но решил сначала позвонить в девяносто девятое отделение. Трубку поднял дежурный. Стас попросил уточнить, когда и от кого поступило заявление об исчезновении Сомова.

— От жены, — ответил бас на том конце провода. — Она уже нас "достала". Звонит и звонит.

— Какая-нибудь информация есть, что говорят на работе, вы с кем-нибудь встречались?

— Вот этого сказать не могу. Позвоните с утра операм, они занимаются розыском.

Стас позвонил Женьке домой. Представил, как, словно из пламени, выхватывает телефонную трубку отчаявшаяся жена Сомова, и вот она уже на одном выдохе кричит в микрофон: "Алло, алло!" — замирает, боясь пропустить хоть слово.

Муромцев поздоровался, назвал себя.

— К сожалению, мы не знакомы, хотя с Женей я служил в одном полку... — и после небольшой паузы спросил: — Что произошло, вы мне можете объяснить?

— Я думала вы из милиции, — сникла женщина. — Мне сейчас никто не звонит.

— Я работаю в милиции, но в другом отделении.

— Может, вы можете? Господи, я уже не знаю, что думать....

— Да вы успокойтесь. Я сделаю все, что смогу. Скажите, он не говорил, может, куда в командировку собирался?

— В том-то и дело, что никуда не собирался. Если неожиданно куда-то уезжал, то звонил хотя бы. Нет, я чувствую, здесь что-то не то.

— Двенадцатого числа он домой поздно пришел?

— Да нет. Еще цветы принес, подарок Ванечке ко дню рождения. Посидели, выпили немного. Ничего особенного...

— Женя вам ничего не рассказывал, не жаловался, может, у него неприятности какие-нибудь?

— Говорил, что все нормально. Да он и не пожалуется никогда. Но я же видела, он чем-то озабочен. Что-то скрывал от меня. — В дрожащем голосе прозвучала обиженная нотка. — Особенно после последней командировки. Старался шутить, быть таким, как всегда. Но я же видела, что он чем-то расстроен... — В трубке послышались какие-то шорохи, голос задрожал и оборвался.

Муромцев-то знал, чем был расстроен Сомов и что это была за командировка.

— Вы ему на работу звонили?

— Звонила. Там тоже ничего не знают.

— Ладно, с его работой разберемся. Вы запишите телефон, если будет какая информация, обязательно звоните мне.

— Хорошо, — устало ответила Татьяна. В трубке послышались короткие гудки, но Муромцев все продолжал ее держать. Нужно было действовать, но что предпринять?

Утром Муромцев первым делом заглянул к капитану Тарасову, ведущему дело по угону такси. Капитан тоже смотрел хронику и разговор начал с упрека:

— Я был уверен, что зря освободили Сомова. И версия о его невинности — твоя.

— Подожди, милый мой. Я, что ли, освобождал его? Ты ведешь дело, тебе и карты в руки. "Версия"... — хмыкнул Стас.

— Но первый-то протокол твой. От него все и пошло. Я уже стоял перед фактом: его нужно отпустить. А по твоей писанине прокурор меру пресечения не изменит.

— Я этот протокол не сочинил. Мог бы допросить Сомова повторно. Право у тебя есть.

— Просто не успел, — досадовал Тарасов. — Сам посуди. Двое угоняют такси и вместо того, чтобы смыться, останавливаются, сажая Сомова. Для чего, с какой целью?

— Вот это и нужно было выяснить. Это и была бы ниточка к изобличению кого-либо из них. Сомов все обвинения в свой адрес отрицает. Кстати, что по Глухову, нашли убийцу?

— Нет, боюсь, как бы и здесь не был замешан Сомов. Глухов давал последние показания против него. А ты не соизволил провести опознание.

— Да нет, тут другое, — отмахнулся Муромцев. — Поддался ты все-таки на удочку. Хотя у организаторов убийства Глухова были другие цели: увести следствие в сторону. Думаю, ты не станешь отрицать, что убийство организовано.

— Ну допустим.

— Убийство — лишь способ заткнуть ему рот. Глухова нет. Протокол остался. Все. Ниточка обрывается.

— Тогда как ты объяснишь такой факт? — Тарасов достал дело. — Вот показания коммерческого директора "Аттракциона": "...Сомов тщеславен. Жадный к деньгам, он взял в кредит у предприятия машину "Вольво" и теперь не знает, как расплатиться..." Что ты на это скажешь?

— Ничего не скажу. Есть протоколы допросов свидетелей, он не соучастник угона.

— И более того, — не слушал Тарасов. — Вот заключение экспертизы. Я не успел передать, это по твоему делу. На кроссовках, которые, по словам директора, принадлежат Сомову, следы земли и кровь со двора школы, где убили осетин. Такая вот арифметика.

— Откуда кроссовки? — спокойно спросил Муромцев.

— Обнаружил в подсобке "Аттракциона".

— А если Сомов откажется от них, тогда что? Если они там долго валялись, в этой подсобке, надеть их мог кто угодно, тот же Глухов.

— Ты не догадываешься, почему он деру дал? Я с ним говорил двенадцатого...

— Как двенадцатого? — перебил Муромцев.

— А вот так. Встретил в коридоре, когда он к тебе приходил.

— О чем вы разговаривали?

— Я просто хотел его поддеть и сказал, что таксист поправляется и скоро даст показания, что Глухов во всем сознался, и ты должен провести опознание. Это было двенадцатого, а на следующий день, поняв, что под ногами земля горит, он смазал пятки.

— Это же провокация! — возмутился Муромцев. — Ты же знаешь, что водитель убит.

— Я просто хотел посмотреть на его реакцию. Разговор-то был неофициальный. Он виду не подал. А потом, выходит, дал деру.

Было похоже, что Тарасов выговорился, выложил все свои доказательства. Стас понял, что продолжать разговор бессмысленно.

— Давай сюда бумаги. Завтра же Яшин вынесет постановление об объединении этих двух дел.

— Как знаешь, — Тарасов равнодушно бросил папку на стол. Мне все равно в отпуск идти.

***

За неделю Ангел несколько раз звонил Надежде по междугородке. Пообещал прислать машину за припасами. Откуда, говорил, засечь не удалось.

Муромцев несколько раз прокрутил пленку Яшина с записью разговора.

Яшин на всякий случай усомнился:

— Это хоть действительно Ангел?

— Да, и все вроде сходится, — пожал плечами Муромцев. — Упоминает Быка. И все время: "мы", "у нас". Значит, он там не один.

— С кем-то из дружков. Может, второй сообщник с ним. Ладно. — Яшин встал и прошелся по кабинету. — Главное, что в ближайшее время будут гости. Кто-то придет за продуктами и водкой. Вдруг сам Ангел пожалует? Ты вот что, Стас, не отходи от аппарата. Выяснить бы день приезда...

6

“Уазик” с надписью “милиция” на дверке зарулил во двор дома номер шесть в пятницу ближе к полудню. На машине приехал высокий худощавый парень в затрепанной тельняшке. Не застав Хмарук, он развалился на скамейке у подъезда и сидел, пока не появилась Надежда.

Муромцев позвонил Яшину и доложил обстановку.

— Значит так. — Аркадий не скрывал озабоченности. — Я сейчас пришлю фотографа, сделай несколько снимков этого типа. Если удастся выяснить его личность, будет совсем хорошо. И учти: он наверняка будет колесить по магазинам. Сиди у него на хвосте. Может случиться, что он уедет из города, не заезжая больше к Хмарук.

— Что будем с ним делать, задерживать?

— Ни в коем случае. Я прокачаю его снимок по картотеке, тогда и обсудим конкретно. Есть задумка проводить его до лова, а там всех и накрыть.

Вопреки надеждам Яшина фотография Длинного, как они называли между собой посланника Ангела, ничего не прояснила. В картотеке его снимка не оказалось, по уголовным делам он не проходил.

— Не допросив Хмарук, Зайцева или Горбань, выяснить его личность невозможно, — размышлял вслух Муромцев.

— Хорошо, что не советуешь спросить у самого Ангела, — улыбнулся Яшин.

Когда Длинный с Зайцевым на машине, набитой продуктами, подъехали к дому Хмарук, их уже поджидала Марфа Горбань.

— Для полного комплекта только Ангела и не достает, — сожалел Яшин.

— Не рискованно их выпускать? — засомневался Муромцев.

— Какой риск. Всех, кроме Длинного, возьмем в любой момент. Так что дыши ровнее. — Яшин успокаивал не только Муромцева, но и себя. — Они только свидетели, им-то чего дергаться. Оперативная машина есть?

— Да, “уазик”, но он на Воробьева дежурит.

— Отправляй ему на смену милицкий, пусть подстрахует на всякий случай. А этот давай сюда. На нем и поедем.

— Может, прощупать их на посту ГАИ? Документы у водителя проверить?

— Нет необходимости. Бумаги если и есть, то наверняка липовые. Да и спугнем.

Нет, тихонечко сядем на хвост и проводим к месту. А там все и решится.

***

Не успел прибыть “уазик” с улицы Воробьева, как с поста у дома сообщили, что Длинный тронулся в путь.

— Все не слава Богу. Сколько им сюда ехать? — Яшин посмотрел на часы.

— Минут пятнадцать, не меньше.

— Если не завернет куда-нибудь, — нервничал Аркадий. — Опергруппу давай сюда. Машина прибывает, сразу едем. На пост наблюдения передай, пусть следуют за ними. Догоним, вернутся обратно.

— А вот и машина. — Муромцев метнулся к дежурному передать распоряжение, а двое вооруженных милиционеров запрыгнули в салон. Полетаев доложил, что Длинный уехал один. Его ведет майор Калинин. Бык с женщинами остался на квартире Хмарук.

— Чудненько! — обрадовался Аркадий. — Меньше народу больше кислорода. При задержании Ангела Бык нам не очень-то нужен.

Калинку удалось догнать только на Горьковском шоссе. И как раз вовремя. Машин на трассе было мало, и Длинный притопил педаль газа. Обгоняя милицкий “уазик”, Муромцев взял микрофон:

— Спасибо за помощь, можете возвращаться.

Машина стала отставать, развернулась и укатила обратно.

Длинный вел машину, как опытный дальнбойщик, что позволяло преследователям держать дистанцию. Переехали Клязьму, углубились в лес, как вдруг мотор зачихал, заглох, и машина, медленно теряя скорость, вырулила на обочину. Яшин с досадой смотрел то на водителя, то на удаляющуюся машину с “гуманитарной помощью” для Ангела.

— Что случилось? — наконец спросил он.

Водитель переключил тумблер топливных баков и в сердцах сплюнул.

— Под ноль вчера заправил, — оправдывался он. — Видно, пока на Воробьева дежурили, весь бензин сожгли.

— Бензина нет!? Слыхал, Стас? Да вас за это подвесить за одно место мало.

Яшин тщетно пытался вызвать по радию какую-нибудь из патрульных машин. Водитель достал канистру и сел на нее среди пустого шоссе в надежде стрелкнуть бензин у первой же машины.

Злость на водителя перегорела. На обратном пути Яшин не проронил ни слова,

придя в себя только в кабинете Муромцева.

— Стас, утром отправляй человека на пост, в понедельник вызывай на допрос Хмарук. Приступим ко второму варианту.

— Полетаев и не уходил с поста. Ты же знаешь, мы там комнату ему сняли.

— Тем лучше. Приготовь кассету с телефонным разговором. Будем брать свидетельские показания. Хватит в жмурки играть.

— Что делать с Зайцевым и Горбань? Узнают, что потревожили Надежду, попытаются сообщить Ангелу.

— За ними присмотрим. А Надежду предупреди, чтобы не болтала лишнего.

Старшина Полетаев в качестве прилежного абитуриента с периферии снял комнату у уехавших на дачу жильцов. Окна комнаты выходили прямо на подъезды интересующего милиции дома.

На следующий день в околообеденное время Зайцев и Горбань с пятилетней дочкой зашли к Хмарук. Такое сообщение от Полетаева Муромцева не встревожило. Они довольно часто навещали подругу. Но когда старшина позвонил второй раз и сообщил, что вся компания вышла из дома, Муромцев дал команду следовать за ними. Его предположение, что в субботу они всей командой могут отправиться к Ангелу, оправдалось. А когда Полетаев позвонил с вокзала, Стас, доложив Яшину, вооружился и вместе с Говорухиным поехал на вокзал.

***

События разворачивались не по плану. Полетаев растерялся, нужно было самому принимать решение. А если опергруппа не успеет подъехать? Что делать, если милая тройца сейчас сядет в электричку? Неотступно следуя за Зайцевым с женщинами, Полетаев подумал, что нелишне связаться с вокзальным отделением милиции. Но как это сделать, не упустив из виду подопечных?

Билеты отъезжающие купили заранее. В зале ожидания Полетаев присел рядом. Надеялся, может, хоть в разговоре обмолвятся, сколько минут осталось до отправления. Совершенно неожиданно на помощь пришел вокзальный диктор. Номер поезда и куда он следует, старшина прослушал. Но когда, подхватив свой скудный багаж, путники поспешили на перрон, стало ясно: это их поезд. Полетаев поднялся следом. На перроне было немногочисленно, а возле пятнадцатого вагона и вовсе никого. Зайцев, пропустив вперед

своих спутниц, зашел в вагон. Полетаев подбежал к проводнику, показал удостоверение и спросил:

— Скажите, пожалуйста, у этих людей с ребенком, которые только что сели, до какой станции билеты?

Женщина подозрительно посмотрела на него. То ли голос оказался уж больно робким, или, может, слишком молодо выглядел, что проводник не признала в нем милиционера.

— До Коврова они едут, милок. А почему вы спрашиваете? Они что, преступники?

— Да нет, не преступники, — засуетился старшина, — только вы им обо мне не говорите, ладно? Я вам все потом объясню.

Полетаев на секунду замолчал, наблюдая, как женщина проверяет билеты у новых пассажиров, а затем спросил:

— Во сколько отправляетесь?

— Минут через двадцать пять и поедем, — ответила она, глянув на большие вокзальные часы в начале перрона.

Полетаев метнулся на вокзал. За двадцать пять минут Муромцев должен успеть.

В отделении милиции Полетаеву сообщили, что никто им не интересовался. Старшина нервно посматривая на часы, решил: если оперативная группа к отправлению поезда не поспеет, то он поедет сам. У дежурного он взял лист бумаги. Написал записку Муромцеву и отправился на посадку.

Муромцев с Говорухиным и Яшин прибыли в отделение милиции вокзала почти одновременно. Молча пробежали глазами оставленную записку и, не сговариваясь, посмотрели на часы.

— До отправления десять минут. Подождите, я попытаюсь дозвониться до Коврова, в местное угро. — Яшин взял телефонную трубку. — Сейчас что-нибудь придумаем.

— А что тут думать? Ты телефон будешь искать полчаса. Дежурный вон и позвонит. Нам нужно или садиться в поезд, или остановить Полетаева. Что он один там делает? — возразил Говорухин.

— Оружие у всех? — спросил Аркадий и, не дожидаясь ответа, скомандовал: — Тогда вперед! Садитесь в десятый вагон и ждите меня, я к бригадиру.

Муромцев подошел к проводнику у десятого вагона. Женщина равнодушно посмотрела удостоверение майора милиции и пропустила в вагон.

— С бригадиром мы все согласуем, — заметил Муромцев на всякий случай.

Говорухин зашел следом.

В соседнем, одиннадцатом вагоне бригадир определил свободное купе, которое и заняли оперативники.

Когда поезд плавно тронулся, Муромцев позвал томившегося в тамбуре пятнадцатого вагона Полетаева и вскоре все были в сборе.

Потеснив Говорухина к окну, Яшин сел у столика.

— Давайте обмозгуем ситуацию. Зайцев с женщинами едут до Коврова, я видел билеты. Не исключаю, что это неконечный пункт. По словам проводника, в ту сторону дачников обычно нет. Так что, куда лежит дальнейший путь, приходится гадать.

— Милый мой, сейчас в любой деревне близ Коврова можно домик купить. Уже треть Москвы живет на таких дачах.

— Не исключено, — согласился Яшин. — В угро Коврова я не дозвонился. Если дежурному удастся связаться с ними, то на вокзале нас встретят. В Ковров поезд прибывает в ноль двадцать семь. Впереди еще шесть остановок. По очереди, чтоб не примелькаться, будем навещать наших подопечных, чтобы не сошли раньше времени.

Яшин посмотрел на Говорухина.

— А ты сиди и не высывайся. Надежда тебя сразу узнает.

Неторопливый ход поезда, мерный перестук колес располагали к покою. Перенервничавшего Полетаева потянуло на сон. Он забрался на вторую полку и с чувством выполненного долга уснул. Спокойно отдыхали и пассажиры пятнадцатого вагона. От сонного ворочания Быка верхняя полка жалобно скрипела.

Не доехав километров пятнадцать до Коврова, поезд остановился в лесу. На столбах вдоль засыпанной гравием узкой посадочной площадки кое-где горели лампочки, собирая под колпаком света тучи насекомых. Впереди километрах в полутора угадывался железнодорожный переезд.

Оперативники еще и не поднимались с жестких, любезно приютивших на ночь вагонных диванов. Яшин подошел к проводнице уточнить, что за остановка.

— Это полустанок Ключи. Здесь редко кто выходит. Если только леспромхозовские, но обычно они так поздно не ездят. А мы стоим десять минут, встречный из Иванова пропускаем, — пояснила она.

— Леспромхоз — это лесозаготовка? — поинтересовался Яшин. — Далеко отсюда?

— Где-то там, — неопределенно махнула рукой женщина. — Они обычно идут до переезда. А куда дальше, не знаю.

— Интересно. Я думал, что лес валят только наши клиенты, на Колыме и в Сибири.

Яшин растолкал Полетаева:

— Выйди. Присмотри на всякий случай за пятнадцатым вагоном.

Ночь была прохладной. Через редкие облака пробивался холодный свет луны. После уютного купе было зябко.

Отворилась дверь и пятнадцатого вагона. Из нее выглянуло озабоченное лицо знакомой женщины-проводника. Она посмотрела по сторонам, будто убеждаясь, что вокруг все тихо и скрылась. Звякнула металлическая плита над ступеньками, затем, опасаясь в полумраке оступиться, на гравий спустился Бык. Следом вышли женщины, передали Зайцеву сонного ребенка. Немного постояв, они пошли вдоль состава. Полетаев метнулся в вагон.

— Станислав Петрович, — рванул он дверь купе. — Они уходят к переезду.

— С чего это? — недовольно пробормотал со сна Говорухин.

Оперативники собрались и быстро покинули вагон, окунувшись в отдающую сыростью темень.

— Почему они вышли здесь? — недоумевал Муромцев. — До Коврова еще минут двадцать.

— Может, их кто спугнул? — предположил Говорухин.

— А не могла проводница проболтать-ся? — фантазировал Полетаев.

— Ничего подобного, — развеял их догадки Яшин. — Сдается мне, они ехали именно сюда.

Не рискуя выходить к железнодорожным путям, шли стороной, шепотом чертыхались, натываясь на пни, спотыкаясь о коряги и кочки. Не дойдя несколько десятков метров до освещенного участка переезда, на который уже вышли "путешественники", остановились за деревьями. Чуть в стороне темнел Уз-фургон. Через несколько секунд все сели в машину и укатили в темноту. Звякнув сцепками, поезд медленно покотился через переезд перекрыв оперативникам путь. Когда, отступав, вагоны ушли, стало тихо и пусто, и лишь опергруппа растерянно топталась на переезде.

— Что будем делать? — спросил у Яшина Муромцев.

— Кто их встретил у переезда? — вместо ответа спросил Яшин. — Я подозреваю, что Ангел.

— Нам-то от этого не легче. Мы-то как? — спросил Говорухин.

— Пойдем к леспромхозу, — решил Яшин. — Там, если удастся, покомарим до утра, потом начнем поиски "фазенды". Спокойствие Аркадия передалось и остальным.

***

Леспромхоз был рядом. Нужно было пройти по дороге вслед укатившей машине, потом свернуть на проселок и еще километра три по грунтовке. По тамошним меркам — рядом. А для избалованных москвичей, привыкших и пятьсот метров ехать на трамвае, это был переход через Альпы. Когда среди темного леса они наткнулись на огромную поляну, заваленную бревнами, на небосводе оставалась мерцать одна, последняя и самая яркая, звезда. Чуть в сторонке, ближе к лесу, стояло несколько барakov. В том, что поопрятнее, сквозь окошко пробивался свет. Барак смахивал на контору, Муромцев и Яшин вошли без стука, плавно отворив дверь.

На низенькой скамейке сидел старик и плел корзину из ивовых прутьев. Его загорелую плешину стыдливо прикрывал засаленный клочок седых волос. Средних лет мужчина, с недельной щетиной на лице, примостился на корточках у печки-буржуйки, досасывал козью ножку, обильно заполняя комнатуху удушливым дымом. Увидев вошедших, оба сначала замерли, потом старик схватил лежавшую рядом кепку, нахлобучил на голову и, словно разбуженный на посту часовой, резко поднялся.

Не замечая их замешательства Муромцев поздоровался, подав каждому руку. Его примеру последовал и Яшин.

Мужики успокоились и тогда Муромцев показал им свое удостоверение. Старик засуетился, достал чайник:

— Может, чайку с дороги? Аккурат вскипел, — предложил он. — И сахарок имеется. Только вот кружки две. Придется по очереди.

— И на том спасибо, — поблагодарил Яшин. — Нам бы до утра перекантоваться, а то зябко на улице.

— На Ильин день и камень зябнет. Посидите. Рабочие только к девяти начнут собираться, — закивал мужчина с козьей ножкой.

Муромцев глянул на свои "Командирские" с треснутым стеклом, полученные в

награду в Фергане. Часика три-четыре можно вздремнуть. Он хитровато глянул на самокрутку, достал пачку "Кэмел" и протянул мужику:

— Попробуй, отец, какие сигареты за бугром курят.

Если бы мужичонку побрить, то Стас никогда бы к нему так не обратился. Поэтому слова его прозвучали как-то не к месту. Тот сначала удивленно стрельнул глазами на Муромцева, потом добродушно улыбнулся и, поплевав на желтые, заскорузные пальцы, затушил догоравшую самокрутку. Муромцев щелкнул зажигалкой.

— Так, значит, вы из милиции, из самой Москвы? — уточнил старик.

— Ага, из Москвы, — подтвердил Яшин, обхватив двумя руками горячую кружку. Полетаев на топчане, накрытом замусоленным и потерявшим цвет покрывалом, прислонился к стене, и прикемарил. Не дождаввшись своей очереди попить чайку, заснул и Говорухин.

— Тропили, значит, кого, или как здесь оказались? — допытывался старик.

— Что значит "тропили"? — не понял Яшин.

— Ну, значит, по следу шли, как мы зайца ходим тропить по первому снегу.

Муромцев с Яшиным улыбнулись.

— Нет, не тропили. — Стас поставил кружку на стол. — Спасибо за чаек, усталость как рукой снял.

— На здоровьице. Только это травка, а не чай усталость снимает.

— Мы тут одного человека ищем. Живет где-то в ваших краях.

— Ищете и не знаете, где живет? — с деланным удивлением произнес дед.

— Потому и ищем, что не знаем, где живет. — Муромцев раскрыл папку. — Взгляните на фотографию, может, встречали?

Старик взял фото, но тут же отдал напарнику:

— Не вижу, глаза слезятся.

— Так это же Петрович, — тут же удивленно отозвался мужик.

— Да-а? — оживился дед. — Петровича мы знаем. Писатель, из Москвы. Частенько сюда захаживал. Такие страсти рассказывал про уголовников, аж жуть. Он тут недалеко живет, на заимке.

Муромцев с Яшиным переглянулись.

— Писатель он неплохой, — подавил улыбку Муромцев. — У нас в отделе несколько томов его лежат. А как себя величал по имени? Фамилию называл?

— Бог его знает. Все Петрович да Петрович.

— Зачем он к вам приезжал? — спросил Яшин.

— Иногда в Москву звонил, — кивнул мужичок на старенький телефонный аппарат.

— От вас можно связаться с Москвой? — удивился Муромцев.

— Петрович все может. У него в Коврове телефонистка знакомая, соединит хоть с Америкой. Он, бывало, к поезду на переезд приедет, в вагоне-ресторане коньяк купит. Нас угощал.

— Далеко его заимка? — спросил Муромцев.

— Если через лес, напрямик, километра три. Могу показать. А по дороге крюк порядочный, — рассуждал старик.

— Транспорт туда не ходит? — по привычке поинтересовался Яшин.

— Транспорт? — удивился старик. — Я же говорю — заимка. Сторожка лесника. Там и дорог-то нет.

— А этого случайно не встречали? — Муромцев показал фотографию Длинного.

— Как же, дружок Петровича. Иногда привозил его на милицейской машине. А вот имя никак запомнить не могу, — дед наморщил лоб.

— Миля его звать, — пришел на помощь напарник. — Что тут не запомнить: по морскому километр так зовется.

— Как вы сказали? — переспросил Муромцев.

— Миля. А что?

Муромцев сосредоточенно посмотрел на Яшина.

— Эту кличку я слышал. В день, когда исчез Сомов, он должен был встретиться с каким-то Милей. Их познакомил директор "Аттракциона". — Стас сделал паузу. — Это что, совпадение?

7

Состоявшийся накануне разговор с бывшим шефом и Милей Сомова ни к чему не обязывал. Он мог и не приходиться на встречу. И неизвестно, как бы отреагировал на это шеф. С машиной пришлось бы расстаться — это однозначно. Сомов догадывался о причине опалы. Для шефа его привод в милицию, задержание Глухова — подмоченная репутация фирмы, возможный канал утечки информации. Что там наболтали его бывшие телохранители?

Хотя Муромцев и обещал узнать насчет работы в органах, Сомов не очень-то верил в эту затею. Тем более что родилась она не от желания, а от безысходности.

Как бы там ни было, "Аттракциона" не видать, как собственных ушей. А найдет Муромцев место или нет — еще вилами по воде писано.

Эти мысли и привели Сомова в ресторан на встречу с Милей. "А почему бы и не подрядиться к этому долговязому? Может, удастся подзаработать, расплатиться за машину?"

То, что Миля — парень самоуверенный и наглый, Женька понял сразу. Но ведь он и сам не промах, знает, как вести себя с подобной братией. Только вот непонятно, в какой стае обитает этот гадкий утенок.

Миля опоздал на полчаса. Его появление, как и вчера, напоминало до тонкостей отрететированный выход артиста. Небрежная вихляющая походка, надменная ухмылка и ощупывающий взгляд, устремленный на стол, на этот раз совсем пустой, если не считать бутылки с минеральной.

— Ты, Сом, что-то загрустил, — не здороваясь, начал Миля. — Ничего не ешь, не пьешь, видать, и правда, у тебя дела — дрянь.

— Не кривляйся, садись, — спокойно сказал Сомов. — Я сюда не ешь пришел.

— Непочтительно, непочтительно, — не смутившись, продолжил Миля и сел за стол. — И кормить, и поить тебя на халяву, разумеется, никто не будет. Сам должен крутиться. А вот помочь можно.

— Никак и ты в шефы метишь? — усмехнулся Сомов.

— Зачем же? Шеф у тебя уже есть. Или поменять хочешь?

Глядя на этого жлоба, Сомов не мог взять в толк: неужели он, Сомов, глупее этого сукиного сына? Неужели он не в состоянии, как этот Миля, организовать какое-нибудь дело, так же нанимать работников?

— Ты, кажется, собирался рассказать о деле? — продолжил Женька, не обращая внимания на то, как Миля, по-хозяйски, не глядя, щелкнул пальцами, подзывая официанта.

— "О деле"... Говоришь, как уголовник какой. То, что я предлагаю, никакое не дело, а работа. Работа, которую тебе поручает твой шеф. Понятно? Заруби это себе на носу.

Подошел официант. В другое время его вид позабавил бы Сомова. Черные волосы, разделенные посреди головы лакей-

ским пробормом, пустые глаза, растянутые улыбкой губы...

— То, что сказал шеф, еще ничего не значит. Главное, соглашусь ли я, — заметил Сомов. — А мне пока не известно, чего ты от меня хочешь. "Дело", "работа"... Давай конкретно.

— А ты дотошный. Только въедливость свою для ментов побереги. Кстати, как тебе сошел с рук угон такси? Неужто дружок-следователь помог?

Женька, растерявшись, молчал. А Миля внутренне торжествовал. У него были солидные козыри, чтобы загнать в угол этого оловянного солдатика и заставить делать что прикажут. И пускать их в ход он решил без суеты, постепенно.

— Это не твое дело, — огрызнулся Сомов. — Машину я не угонял. И вообще, к нашему разговору это не имеет отношения.

— Имеет, имеет, и самое непосредственное! Ведь именно после того угона Ангел надумал дать тебе работу.

Оба, как сговорившись, уставились друг на друга. Миля оттого, что нечаянно упомянул имя патрона, Сомов потому, что вспомнил: эту кличку называл Муромцев.

— Так это я Ангелу заботой обязан? — Женька доброжелательно улыбнулся. — Помню, помню его лошадиную рожу, — соврал он, припомнив фотографию, показанную Стасом. — Видел его с шефом.

Ничего он, разумеется, не помнил. Сказал так, чтобы успокоить Милю: мол, все нормально, не бойсь, знаем такого.

— Ангел давно хотел поговорить с тобой, — сразу разоткровенничался тот. — Юрка подвел. Обещал тебя доставить к нему, да так и не успел. Хорошо, у тебя дружан в ментовке...

— Заладил, как попка — дружан, дружан! Не угонял я никакой машины, понял? — не выдержал Сомов.

— В милиции лежит протокол допроса Глухова, где черным по белому записано, что угонял он машину с тобой.

— Откуда знаешь, что записано в протоколе?

— Приснилось. Тебя устраивает?

— Юрка что, знаком с Ангелом?

— Э, да ты не сечешь здесь? — удивился Миля.

Сомов начал понимать, что невольно врубается в дело, которое ведет Муромцев. "Юрка — с ним понятно, его приперли к стене опознанием. Ангела видел на фотографии. А что это за тип? И Стас о нем не говорил. Нужно выжать как можно боль-

ше информации, авось пригодится Муромцеву".

— Интересно, зачем я Ангелу? — Женька подумал вслух, прерывая затянувшуюся паузу.

— Я же сказал, тебе хотят помочь. Вымазан ты по уши. Вот Юрку и заменишь.

"Значит, Ангелу нужен угонщик! — осеңило Сомова. — Понятно! Потому-то Миля распинается, убеждая, что я вместе с Юркой угнал такси. Ангел, значит, их перепродает или пускает на запчасти. — Сомов вспомнил разговор с Муромцевым. — Значит, такси угоняли для Ангела?"

Сомов пожалел, что их разговор не слышит Муромцев. Стасу многое стало бы ясно.

— Думаешь, я после этого бреда брошусь в пособия? Сам же говорил, что у меня дружан в милиции.

— А наш базар тебе ни о чем не говорит? Сам посуди, что сможет твой сват против фактов, показаний Глухова? — ухмыльнулся Миля.

— Все это чушь, — неуверенно возразил Сомов.

— Когда сам их у следователя прочтешь, будет поздно. Так что молись на Ангела. Иначе пойдешь по этапу.

— Пугаешь? Под статью подвели, и все для моего блага.

Слегка прищуренные глаза Мили выдавали улыбку.

— Да, — подняв рюмку, заметил он, — появляться в милиции тебе не стоит. Глухов заявил, что ты с ним и Ангелом замочил осетин.

— А про это откуда знаешь? — Сомов словно отдернул руку от горячего.

— Сорока на хвосте принесла. На очняке Леня Сватин сдаст тебя с потрохами.

Сомов сжал губы, на скулах заходили желваки, рука медленно потянулась к рюмке. Было желание выплеснуть коньяк в лицо этой сволочи. Миля как ни в чем не бывало легонько чокнулся с Женькой:

— Будем толстенькими — девиз кошелька и мой, — он сделал несколько глоточков.

Сомов выпил залпом и на несколько секунд застыл, словно пытаясь отрешиться от неприятного разговора и ощутить бодрящее, обжигающее действие коньяка.

— Пока ты с нами, тебе ничего не грозит, — продолжал Миля. — Ангела им не взять. А Глухова больше нет.

Сомов резко поднял глаза на Милю. На его немой вопрос тот невозмутимо ответил:

— Да, представь себе. Драка в камере, ну и... Так что не бойсь, он теперь лишнего не сболтнет.

Сомову стало не по себе. Вдруг почудилось, что Миля не один, совсем уж неожиданно захотелось ощутить на себе бронжилет, как когда-то в Карабахе.

— Что-то я не понял, — старался скрыть растерянность Сомов. — То говорил, что Ангел хочет со мной познакомиться. Теперь доказываешь, что вместе с ним я кого-то убил. Как-то не стыкуется.

— А это у следователя пусть все стыкуется, — зевнул Миля. — Я говорю, что на тебя у ментов есть, а дальше кумекай. Глухова нет, а показания остались. Так ты едешь со мной или пойдешь сдаваться? Может, дружок и поможет, оформит явку с повинной.

— Еду.

— Давно бы так, — похоже, Миля другого и не ждал.

— Но это единственное, на что я соглашаюсь.

Миля пристально посмотрел на Сомова.

— Думаешь, после того как я все выложил, тебя бы к легавому дружку отпустили? Нет! Переговоришь с Ангелом, а там — как знаешь.

— Силой повел бы? — оценивающе глянул Сомов на сутулого Милю.

— Не смейся, — сдержанно проронил тот. — Сам приползешь. Куда ты денешься? У тебя другого выхода нет. — Он встал, бросил на стол деньги. — Все, едем к Ангелу. Только прихватим по дороге одну тележку.

— Значит, в угонщики меня записали?

— Не дрейфь, только на стреме и постоишь.

По дороге Сомов решал, что делать дальше. Во-первых, необходимо выяснить, где прячется Ангел, во-вторых, узнать подробности по угону такси и убийству осетин. Ему это нужно не меньше, чем Муромцеву. Он вспомнил, как вместе с Глуховым парил нары, и словно снова в нос ударил тошнотворный спертый запах камеры. И вот ни за что ни про что можно опять оказаться за решеткой. И этот долговязый пытается захлестнуть его обратно на нары. Конечно, несколькими ударами этого Милю можно переломить пополам. Но зачем? Ведь только удачное окончание следствия Муромцевым позволит ему выбраться из дерьма, в которое попал. Сомов понимал: его обложили как волка, заставляют играть по своим волчьим правилам.

Возле сада, куда они прошли, стояла машина. "Уазик"-фургон поблескивал свежей краской в лучах послеполуденного солнца.

— Гля, уже здесь. Быстро сегодня. Обычно после обеда стоит, — пояснил Миля, огляделся по сторонам, по-хозяйски постучал ногой по переднему колесу. — С полчаса у нас есть, пока "руль" любовь крутит.

Сомов настороженно молчал. Он обошел фургон. Миля, звякнув ключами, сел за баранку, Сомов несколько помедлил, а когда повернулся, увидел, что от детсада к ним, что-то крича, бежит парень. Но шум работающего движка заглушает слова. Сомов не успел запрыгнуть в кабину, как тот вцепился ему в руку, оттаскивая от полуоткрытой дверки. Но силы были неравны. В зеркало заднего вида Миля заметил, что Сомов как от назойливой мухи отмахивался от наседавшего парня. Наконец ему это словно надоело: опомнившись, он несколькими заученными ударами сбил парня, с каким-то сожалением посмотрел на него и тяжело завалился на сиденье.

Машина, тихонько качнувшись, вырулила на дорогу.

— Чего это он так рано выполз? Месячные у нее, что ли? — Миля суетливо зыркал по сторонам.

— У кого? — подозрительно спросил Сомов.

— У поварихи, у кого же еще.

Миля напряженно всматривался в дорогу, но через несколько минут успокоился и одобрительно подмигнул Сомову:

— А ты молоток!

Женька молчал. Он только сейчас осознал, что стал соучастником преступления.

— Я думал, Глухов врал, а ты и вправду крутой, — восхитился Миля. — И кирпичи небось разбиваешь? Интересно, а головой можешь?

— Могу и головой, но только твоей, — уныло ответил Сомов.

— Нет, все равно ты молоток, зря шеф тебя выгнал. Это же надо, два удара — и вырубил мужика.

Женька пытался понять, подкалывает Миля или говорит серьезно.

Но тот радовался другому: "Клюнул-таки оловянный солдатик". Теперь он пристегнут этим угоном. Не отвертится. Все вышло, как Ангел говорил.

Миля повернул машину в сторону: Измайловского парка.

— Мы сегодня вернемся? — спросил Сомов, когда "уазик" остановился на безлюдной аллее.

— Вернемся? — переспросил Миля. — Мы еще никуда не уезжали.

Он выложил на сиденье из спортивной сумки два флакона краски, один бросил Женьке.

— Тряси, да поживее, не теряй времени.

— Мне нужно позвонить, — сказал Сомов и, заметив подозрительный взгляд, добавил: — Домой.

— Не дури. Сматываться нужно. Сейчас менты все дороги перекроют. Пособи. — Миля достал небольшой рулон какой-то бумаги, развернул ее и, прикладывая поочередно к дверкам машины, пустил голубую краску из баллона. Получилась яркая узкая полоса. Краска высохла моментально, свежей сыростью поблескивая на солнце. На другом куске ватмана был вырезан трафарет — "милиция".

"Хитер, подлец, — подумал Сомов. — Не подкопаешься".

Вскоре белые буквы легли поверх голубой полосы, и машину стало не узнать.

— Никуда ты звонить не будешь, понял? Ну давай, давай, садись, некогда, — поторавливал Миля, прикрепив липовые номера поверх настоящих. И вскоре милицкий "уазик", заняв место в сплошном потоке машин, нырнул под эстакаду на кольцевой и вышел на Горьковское шоссе.

— Черт его знает, может, Ангел прав. Может, и в самом деле ты везучий, — посмотрел Миля на Сомова.

Женька молчал, казня себя за то, что согласился ехать неизвестно куда и зачем. Водоворот событий захватил его, затягивая все дальше и дальше.

8

Несмотря на усталость, Сомов не смыкал глаз. Он чувствовал себя, словно в разведке. Засек показания спидометра. Запоминал названия встречных городов.

Машина свернула на проселок. По всему было видно, что здесь давно никто не ездил. Да и сама дорога была скорее просекой, скорость пришлось сбросить, и к затерявшейся в густом кустарнике избушке подрулили уже в сумерках. Темный лес казался мрачным и затаившимся. Прямо-таки кладбищенская тишина вызывала тревогу.

Ангел встретил их сдержанно. Он переводил взгляд с Сомова на Милю. По радостно возбужденному Миле, как по баро-

метру, определил, что грозы и бури не ожидается.

— Петрович, парень — клад! Водилу двумя ударами уложил: бац-бац — и у того копыта в сторону.

— У кого? — переспросил Ангел, оторвав взгляд от Сомова.

— Да у водителя. Малость не рассчитали, он вышел раньше. Вот и пришлось успокоить.

— Засветились, значит, — проронил Ангел, не меняясь в лице. Он подошел к Сомову, положил руку на плечо, приглашая в дом. Они оказались одинакового роста, правда, Сомов плотнее и коренастей, Ангел худощав, отчего казался выше. Женька старался держаться как человек, знающий себе цену. Подошли к домику. Сомов замер, остановился и Ангел.

— Что же ты, Петрович, гниешь в такой дыре, мошкату кормишь? Это с твоими-то возможностями? — начал Сомов, окидывая взглядом потемневшие бревенчатые стены.

— А ты, парень, с претензиями, — незло проронил Ангел.

— С гонором, — подтвердил Миля, копясь в машине. — Все ему не нравится, все не так.

— Просто он еще не знает, что есть места на земле и похуже. И комары там, что вертолеты. Да ты и сам не чалился. — Ангел махнул рукой на Милю. Затем легонько подтолкнул Сомова, и тот вошел в неказистый домик.

Ангел зажег керосиновую лампу, отчего по углам темнота сгустилась, и во всю стену распласталась тень севшего за стол хозяина этой берлоги. Женька остановил взгляд на его морщинистом вытянутом лице. Да, это тебе не Миля, это орешек покрепче.

— Ты должен мне помочь. Сурен за тебя поручился. — Ангел назвал бывшего шефа Сомова по имени. — Насколько мне известно, и моя помощь тебе нужна. Обещаю: за машину ты расплатишься. Могу прямо сейчас отстегнуть. Хочешь?

— Не люблю брать в долг у незнакомых, — отрезал Сомов.

— Как знаешь. Вот и Шамшов был упрям, а погиб глупо... — он замолчал на полуслове. И это молчание было не почти-тельно траурным, просто Ангелу хотелось увидеть реакцию Сомова. Он смахнул рукавом крошки хлеба со стола, не поворачивая головы, резко спросил:

— Как все произошло? Таксиста вы пришли или просто выбросили из машины?

— Я подсел в машину, когда там ехали Шамшов с Глуховым, — ответил Женька. — Что было раньше, знать не желаю.

Ангел зло усмехнулся:

— Не лепи горбатого! Глухой тебя в долю брал, потому как я приказал. Понятно?! Ты сказки менту своему рассказывай.

— Чем это я тебе приглянулся? — только и спросил Сомов.

Ангел поднялся и, наклонясь к лампе, в несколько затяжек прикурил папиросу.

— У тебя цвет кожи здоровый, и зубы на месте, хотя на тебе висит два угона.

— Каких два угона? — насторожился Сомов.

— Ну как же, как же! Первый — с Глуховым. А сегодня — второй, с Милей. Или уже забыл? Какого водилу ты там отметел?

Сомов резко встал из-за стола, но Ангел выбросил ногу на стоявшую рядом табуретку, загродив дорогу:

— Не кипятись, давай потолкуем без нервов.

Сомов сел на место, достал сигарету.

— А чтоб не дергался, впредь знай: Глухов на тебя всех дохлых собак навесил. И никто тебя теперь не отмажет. А меня зацепят — загнем вместе. Мне только подтвердить сказанное Глухим, и тогда для тебя дорожка на Колыму протоптана.

— Пугаешь, значит, не доверяешь. — Женька старался казаться спокойным. — А я, между прочим, по доброй воле в эти турлы приехал.

— Доверие — всегда риск. — Ангел откусил размякший мундштук папиросы. — Я рисковый, а ты везучий. Вот и будешь у меня навроде зонтика.

— Думаешь, загнал меня в угол? — попытался перехватить инициативу Сомов. — Чтобы упрятать меня за решетку, ваших басен мало, нужно доказать, что я совершил преступление.

— Ты еще скажи, что чистосердечное признание смягчает вину, — усмехнулся Ангел. — Задницу оно смягчает, а не вину, понял, пацан?

— Я пацан, но пойми и ты. Если я и соглашусь помочь, то только по доброй воле, да и деньжата мне сейчас действительно нужны. А на испуг не бери, это первое. А во-вторых, ты еще и словом не обмолвился, что от меня надо.

С шумом ввалился Миля.

— Темно-то как в вашей пещере! — гремя пустыми консервными банками, он полез в захламленный угол, достал канистру. В домике запахло бензином. — Удач-

но сработали. Мотор как часики. На ней хоть в Сочи.

— Кончай возиться, моторист, пора ужинать. Гостя надо встретить как полагается.

— Я сейчас, только канистру отнесу.

— Мне нужно позвонить домой, — сказал Женька, когда Миля исчез в дверном проеме.

— Позвони, — пожал плечами Ангел.

— Миля сказал, ты можешь помочь.

— Что, приспичило? Прямо сейчас?

Сомов промолчал. Ангел взглянул на него и насколько мог участливо, но не без иронии проговорил:

— Завтра позвонишь. Съездим куда надо и позвонишь.

Вошедший Миля принялся бросать на стол консервные банки, положил хлеб, поставил бутылку коньяку. Ужин длился долго и в бестолковой болтовне.

Перед сном Сомов вышел на улицу. В голове роились какие-то тревожные мысли, но тут же улетучивались, словно растворяясь в темноте. На раскладушке, которую Ангел поставил посреди комнаты, Женька проворочался час и никак не мог уснуть. Вспоминал груду пустых банок в углу и ему казалось, что они лежат в изголовье, источая зловоние. Слово на помойке спать положили. В полудреме пролежал с полчаса, не двигаясь, когда вдруг молчавший до этого Ангел спросил:

— Что, не спишь на новом месте?

Сомов не ответил.

— Это бывает, когда нервы слабые, — продолжил Ангел.

— У меня нервы в порядке, — не выдержал Женька. Хотел еще что-то сказать насчет помойки, но воздержался.

— Выйдем, покурим, — предложил Ангел и, не дожидаясь согласия, зашаркал по стонущим половицам. Женька, поколебавшись, вышел следом.

Где-то за лесом прогрохотал поезд, потом опять стало тихо. Со стороны, где, по предположениям Сомова, должна быть речка, тянуло прохладой.

— Километрах в пяти отсюда полуста-нок, — показал рукой Ангел, мелькая огоньком беломорины. — Это если напрямик, через лес. Но там болото. Не зная дороги, там и остаться можно, — будто читая мысли Сомова, предостерег он. Женька и вправду прикидывал, как станет выбираться отсюда, если удастся сорваться. А сорваться он собирался непременно.

"Видать, Ангел что-то подозревает", — подумал Сомов и вслух заметил:

— Я это болото месить не собираюсь.

— Ну-ну, — отозвался Ангел. — А вот меня больше интересует: это направление. — Он махнул рукой в противоположную от полустанка сторону.

— А там что?

— Там? — задумчиво переспросил Ангел. — Там небо светлее и звезды ярче. — И после небольшой паузы серьезно добавил: — Там полигон. Вот он-то мне и нужен. Точнее не сам полигон, — поправился он. — Там батальон стоит. Оружие мне и надо добыть.

Воцарившееся молчание нарушил филин, несколько раз ухнувший невдалеке. Ангел напряженно ждал ответа Сомова. Вместе с паузой нарастало напряжение. Ангел чувствовал, что Сомов не торопится отвечать. А Сомов молчал не потому, что решал, как поступить дальше. Нет. Конечно же, он пойдет с Ангелом. Но понимал он и другое: его молчание выводит Ангела из равновесия. Как дорого заплатил бы сейчас Муромцев за эту информацию!

— А у тебя аппетиты, — наконец ответил Сомов. Он демонстративно громко выдохнул невидимую струйку дыма. — Но знаешь ли ты, клоп барачный, в кого это оружие стреляет? — Сомов вплотную подошел к Ангелу, с силой ухватив его за ворот куртки. Сейчас он и сам не знал, чего в нем было больше: актерства или же искреннего негодования, связанного с воспоминаниями о спецкомандировках. Ведь там, если удавалось изъять хоть один ствол у преступников, то он, командир роты капитан Сомов, считал, что не зря ест казенный хлеб.

Ангел стоял спокойно, плотно сжав губы, даже не пытаясь сопротивляться. Только сейчас Женька почувствовал через футболку упершийся в живот ствол пистолета. Он не спеша отпустил куртку и, тяжело уронив руки, отошел.

— На то и оружие, чтобы стрелять. А в кого — меня волнует меньше всего. Ты не захотел, чтобы в тебя стреляли, ушел из армии и правильно сделал. На кой хрен Кавказу твои миротворцы? Вам что, Афгана мало? Пора кой-чему и научиться. Подожди, еще будут вам плевать вслед. — Ангел подошел и стал рядом. Женька промолчал. Он лишь подумал: до чего же и вправду род человеческий пестрый. Одна проблема, а смотрят на нее каждый со своей колокольни. Одни лезут под пули, лишь бы помочь людям. Другие... Если уж на то пошло, к черту политику! Там действительно сам леший не разберет, кто

прав, кто виноват. Но ведь на войне больше всего достается старикам и детям. В чем их вина и перед кем?

— Видел, звезда упала, — нарушил молчание Ангел. — Я загадал. Все будет, как задумано.

— Пойдем спать, — устало проронил Сомов.

Уснуть он не мог еще долго. Сказанное Ангелом занозой сидело в голове. Ангелу нужно оружие. Что требуется от него, Сомова? Шеф говорил, что ему предстоит сопровождать груз на юг. Значит, это и есть тот самый груз. Нужно обязательно связаться с Муромцевым.

На этой успокоительной ноте Сомов и провалился в сонное небытие.

Несмотря на то, что с самого утра вокруг мусорной кучи в углу роем кружились мухи, не обходя вниманием и Сомова, он проспал почти до обеда. Что-то, а поспать он любил.

— Вроде звонить хотел, а сам хрючишь, — пробурчал себе под нос Ангел.

В тени деревьев было прохладно и свежо. Уже отвыкший от такой спартанской жизни Сомов подумал, что неплохо бы привести себя в порядок. Руки окунуть в прохладную водицу, лицо оросить. Подбородок шершавится колючей щетиной.

— Мне бы побриться, помыться, — сказал он, разводя руки. — Где умывальник?

— Бриться тебе незачем, здесь баб нет. А умывальник в лощинке. По тропинке, выйдешь к оврагу, на дне — ручеек. Мойся, сколько душе угодно.

Когда Женька вернулся, увидел Ангела сидевшим на бревне. Он рассматривал узорчатую палку из орешины. Сомов подсел рядом. Обнаженное по пояс тело, взбодренное прохладой родниковой воды, излучало здоровье и силу. Ангел ревниво покосился и равнодушно отвел взгляд в сторону.

— Сколько стоит автомат на Кавказе? — спросил Сомов.

— Ты же был там. Что, абреки ни разу не просили продать "калашник"?

— Меня не просили. Они знают, у кого спрашивать, а у кого нет.

— Лучше поинтересуйся, сколько тебе перепадет с этого дела, — и, не дожидаясь вопроса, Ангел ответил: — Не бойся, не обижу. Получишь свой законный четвертак.

— А почему четвертную? — не понял Сомов. — Нас ведь трое.

— Потом поймешь, не все сразу.

Ангел, как и обещал, взялся "организовать телефончик". Втроем вырулили на знакомую просеку и вскоре уже мчались по шоссе. Не доехав до железнодорожного переезда, машина снова нырнула в лес. Панорама леспромхоза, заваленного горами бревен, открылась внезапно. В административном здании никого не было. Пока Ангел ходил на лесопилку, разнося рукопожатия знакомым, Сомов с Милей оставались возле машины. Наконец Ангел вернулся, по-хозяйски зашел в домик, позвонил. Минуты три любезничал с телефонисткой, потом назвал домашний номер Сомова и вышел, оставив Женьку ждать звонка. Телефонная трель раздалась нескоро. Сомов поднял трубку, и бархатный голос телефонистки равнодушно сообщил, что абонент в Москве не отвечает.

— Как не отвечает? — Сомов глянул на часы. — Попробуйте еще, может, вы неправильно набираете.

— Ошибка исключена, — сухо ответила телефонистка.

Через несколько секунд послышались длинные гудки. Вызов продолжался так долго, что Сомов был вынужден окликнуть девушку. Он покопался в памяти и, опасливо поглядывая на дверь, назвал номер телефона Муромцева.

— Попробуйте, может, этот ответит.

То, что жены дома нет, особой тревоги не вызывало. Главное — посоветоваться с Муромцевым. Сомов напряженно ждал, мысленно поторапливая телефонистку. Наконец что-то защелкало в трубке, и послышался голос.

— Алло, алло, — чуть не закричал Сомов. — Это ты, Стас? — Муромцев, наверное, плохо слышал, потому что "аллека" еще чаще Сомова. — Алло, Стас, это ты?

Сомов взглянул на дверь и обмер. Радость сползла с лица, он уже больше не вслушивался в настойчивое "алло, алло", а лишь молча смотрел на дверь, в проеме которой стоял Ангел. Не теряя самообладания, нажал на рычажок телефона.

— Ты куда звонил? — поинтересовался Ангел.

— Домой. Жены дома не оказалось, как назло.

— А Стас, это кто? — Ангел пристально посмотрел на Сомова, пытаясь поймать его взгляд.

— А-а. — Сомов натянуто улыбнулся. — Это у знакомых. Думал, может, Танюшка к подруге зашла. Стас муж ее. Они вместе в институте учились. — Это было правдой.

Действительно, была такая подруга у Татьяны. Поэтому Женька хоть и мельком, но посмотрел в глаза Ангелу.

Тот, не меняясь в лице, подошел к столу и, положив руку на аппарат, снисходительно спросил:

— Еще звонить будешь?

— Без толку. Все равно дома никого.

— Подожди в машине. — Ангел равнодушно посмотрел в окно.

Когда вернулись в лесную сторожку и расстроенный Сомов бродил, пиная ногой шишки, Ангел, улучив момент, перекинулся несколькими словами с Милей.

— Ты вот что, — предупредил он, — присмотри за ним.

— Случилось что? — поинтересовался Миля, настраивая приемник.

— Он пытался позвонить в ментовку. Его кореша как зовут, не Стас случаем?

Миля присвистнул растерянно.

— Не знаю, — прошептал одними губами. — Может, не стоит рисковать, пришить его — и концы в воду?

— Не торопись. Это человек Сурина, пусть он с ним и разбирается. Ему еще оружие везти к чуркам, кстати, с тобой.

— И без него управимся, Петрович.

— Ничего, — усмехнулся Ангел. — Ему тоже сидеть на нарах неохота.

Заметив подошедшего Сомова, он круто переменял тему:

— Ну что, все шишки перепинал?

— Нравится мне здесь, — невпопад отозвался тот.

— Во дает, москвич. Асфальт ему надоел! — вмешался Миля. — Турлы ему понравились. Может, ты раскольник какой, старOVER? Тогда двигай в тайгу, к Лыковым. Че тебе с нами?

— А ты прав. — Ангел приблизился к Сомову. — Прав, — повторил задумчиво. — Но ты еще не все прелести этого леса увидел. Сейчас съездим за грибами, вот где красота!

Когда подъехали к полигону, Сомов с Ангелом углубились в лес, тихий и приветливый. Сомов так увлекся грибами, что, казалось, не понял, зачем притащил его сюда Ангел. Когда вышли к палаточному городку мотострелкового батальона, никто не мог заподозрить, что они не грибники. Ведро было наполнено подберезовиками чуть ли не доверху, угольками рдели подосиновики, пузырились боровички.

От вида военного лагеря у Сомова защемило сердце. Ровные ряды палаток, grabлями обработанные полосы вокруг них,

словно следовая полоса на границе, на дорожках ни одного листочка. Захотелось отвернуть влажный полог и заглянуть в палатку, вдохнуть воздух, смешанный с неистребимым запахом пота, гуталина и ружейного масла.

В темных елях визжала пила. Пройдя несколько шагов вперед, Сомов увидел двух раздетых до пояса солдат, ловко орунующих ею. Двуручной, "дружба-два", как называют ее солдаты.

— Не угостите сигареткой? — послышался за спиной шелестящий баритон. Сомов оглянулся. Перед ним стоял сержант, еще совсем мальчишка, долговязый и худой, с легким пушком на верхней губе. Спросив, он важно подпернул на рукаве красную повязку дежурного.

Ангел протянул сержанту пачку "Кэмела".

— Бери, бери еще парочку, не стесняйся, — щедро угощал он. — До белых мух, поди, вам еще торчать здесь.

— Да нет, недельки через две по хатам. — Сержант взял несколько сигарет про запас и теперь аккуратно прятал их в карман. — Не май месяц, холодно ночью.

Невесть откуда, словно из засады, вышли еще два бойца. Ангел угостил и их.

— Сто лет таких не курил, — жмурился от дыма ефрейтор.

— Ты и курить-то начал в армии, салабон, — хмыкнул сержант и мечтательно продолжил: — Помню, с девчонками соберемся на тусовку, ребята друг перед дружкой сигареты им предлагают. Я достаю пачку "Кэмел", и ко мне так и тянутся все эти тоненькие пальчики с красными коготками...

— Гляди, сержант, у тебя часовой сбегал, — прервал его Ангел, показывая на пустующий грибок в конце городка.

— Да нет, — отгородился облачком дыма дежурный, — там только ночью часовой стоит. Днем что охранять? Да и посторонних здесь нет. Разве грибки забредут вроде вас...

Сомов не столько по заданию, сколько утоляя любопытство, чисто командирским взглядом осматривал палаточный городок. Часовой от места хранения оружия уходит, подходит к другим солдатам, разговаривает. "При такой службе затея Ангела наверняка пройдет", — с сожалением подумал Сомов. Из разговора с сержантом он произвольно выделял детали, которые наверняка уловил и Ангел: два часа по выходным крутят кино — городок будто вымирает. Каждый понедельник в

шесть утра — баня. Полтора часа в городке остается лишь караул...

9

Сомов понимал, что после похода по грибы Ангел обязательно поинтересуется его мнением. Поэтому он обдумывал, как ему поступить, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Возможны два варианта. Первый: изложить свои предложения Ангелу, вместе с ним разработать план захвата оружия, а потом обо всем сообщить Муромцеву. Это было бы идеально. Но есть одна сложность: как передать информацию? Первая попытка позвонить Стасу не увенчалась успехом. А будет ли другая?

Второй вариант был таков: связаться с офицерами батальона, при их участии устроить засаду или прибегнуть к помощи местной милиции.

Сомов заметил, что на обратном пути Ангел тоже погружен в раздумья. Немигающие глаза устремлены в одну точку, челюсти плотно сжаты, будто ухватил какую-то добычу и боится упустить ее. Женька не считал нужным начинать разговор первым. Подъехали к сторожке. Ангел вышел из машины и направился в тень, где лежало срезанное бревно. Это место служило курилкой, а заодно и местом совещаний. Миля называл его кают-компанией.

— Петрович, что с грибами делать? — спросил Миля, взвешивая ведро в руке.

— Выбрось в овраг, — отмахнулся Ангел.

Сомов подхватил ведро, выдернул из рук Миля и, ничего не говоря, подошел к Ангелу. Миля, махнув рукой, занялся машиной. Обычно в таких разговорах он участия не принимал, хотя, что поразительно, постоянно был в курсе всех дел.

Ангел достал беломорину и, не глядя на Сомова, спросил:

— Какие будут соображения, командир?

— Думаю, получится, — Женька подсел к нему, поставив ведро с грибами. — Ребята устали, слишком уж беспечны. Но учти... — почти умоляющим голосом проговорил Сомов: — Я прошу, только без мокрухи. Иначе я не согласен.

— Неужели я кажусь таким кровожадным? — слабо улыбнулся Ангел. — Думаю, все обойдется, не бойсь. Так я слушаю тебя.

Сомов говорил, а Ангел, казалось, и не слушал. Присел на корточки возле ведра

и начал по-детски, с любопытством перебирать грибы, любуясь симпатичными крепкими боровичками. Женьке даже показалось, что его глаза заблестели каким-то ребячьим блеском.

— Так ты говоришь, лучше всего в понедельник, — неожиданно перебил Ангел, — когда солдаты в бане? Логично, по-военному. — Он сел на бревно рядом с Сомовым. — Но есть одно обстоятельство, о котором ты не знаешь. Во вторник с утра здесь будут учения. Вот самый удобный момент! Если нам даже и придется стрелять, то не каждый поймет, что к чему.

— Не забывай: во вторник солдаты будут вооружены, — возразил Сомов.

— Вместе с оружием караула стволов тридцать останется в ружьярке. Плюс боеприпасы.

— Караул разоружать собираешься?

Ангел подозрительно взглянул на Сомова.

— Ты что, прикидываешься? Караул снимем в первую очередь. — И более спокойно добавил: — Да это проще пареной репы: в палатке с утрца всех возьмем тепленькими.

— Во вторник, так во вторник, — согласился Сомов. — Хотя лично я выбрал бы понедельник.

— Значитца, решено. Вторник. Набросай планчик городка, покумекаем, как лучше воевать. С грибами-то что собираешься делать? — Ангел кивнул на ведро.

— Супчик сварганю — пальчики оближешь, остальное пожарю, а то глаза уже не глядят на ваши консервы.

— Давай, командир, посмотрим, на что ты способен. Миля сейчас печку раскочегарит.

Сомов прикинул: до дня нападения оставалась неделя. Через пару дней станут известны детали и можно будет попытаться связаться с Муромцевым.

Несколько ночей кряду Сомов в одно и то же время поднимался, долго сидел на улице и курил, приучая Ангела к своему отсутствию. Наконец решил: этой ночью он пойдет к железной дороге. На полустанке наверняка есть телефон, можно будет связаться с милицией. Он расскажет все, и пусть те действуют, как знают. Ангела они уж наверняка не упустят, и его совесть будет чиста.

Ночь выдалась на удивление теплая и звездная. Тихая. Женька взглянул на небо, для ориентира выбрал самую яркую звезду и, шагнув в темень, сразу же получил веткой по лицу. Выставляя руки вперед и чертыхаясь, он уходил в темноту,

все дальше от сторожки. Если на фоне кое-где светлеющего неба силуэты деревьев были видны, то под ногами будто кто-то разлил мутную жижу. Ноги то и дело проваливались в колдобины, спотыкались о кочки и корни.

Миля коротал ночь в машине. Он проводил Сомова сонным взглядом, снова прикемарил. Через час встрепенулся, бросил взгляд на светящийся циферблат часов и с неохотой вылез из кабины. Разглядев в сторожке пустую раскладушку он сразу разбудил Ангела.

— У него один путь, в леспромхоз, — равнодушно зевнул Ангел. — Пусть поплескается в болоте, если ему так нравится. Часов в пять выедем и привезем его обратно.

— Петрович, здесь оставаться опасно, — трусливо залопотал Миля. — Много свободы мы дали этому солдафону. Может, он на полустанок пошел, решил совсем смыться? Или с ментами нагрянет?

— Не каркай. — Ангел повернулся на другой бок. — Здесь на сотни километров леса да болота. В пять выезжаем, не проспи.

— Да я уж совсем не усну, — под Милей протонали половицы, и он тихо прикрыл за собой дверь.

Не так уж сложно, думал Сомов, выйти через ночной лес на полустанок. Но он шел, а болото, которым пугал его Ангел, все не начиналось. В бледном небе, словно на полинявшей скатерти, растаял Большой ковш, а с ним и возможность определить, правильно ли идешь. Поезда грохотали где-то в стороне, Сомов двинулся на звук. Светало. Идти стало легче.

***

Ровно в пять Ангел с Милей отъехали от хижины. Ангел был спокоен, а Миля, как всегда, подозрителен и недоволен.

— Зря мы его выпускали из леса, — скулил он. — Ох зря, Петрович.

— Что же ты не остановил? Что же не прибежал ко мне? Ну погнались бы, а он сказал бы, что у него от твоего вчерашнего ужина живот крутит, как и у меня, кстати. Что обгадил все окрестные кусты. Поди проверь.

Миля молчал.

— А играть с ним в догонялки — много чести. Сам придет, приползет как миленький. И в милицию не сунется. Нет! Он у меня вот где. — Потряс кулаком Ангел.

— Твои бы слова да Богу в уши, — пробурчал Миля.

Подъехали к железнодорожной насыпи. Последние полтора часа поездов не было, это Ангел знал точно. Дежурившая на переезде женщина смотрела на нежданных гостей с опаской. Ангел как мог успокоил ее и спросил, не приходил ли кто позвонить. Оказалось, нет. Спустя полчаса Ангел вновь постучался к дежурной.

— Если придет моего роста мужчина, плотный такой, небритый, не говорите, что его искали. А когда он уйдет, позвоните вот по этому номеру, — и он назвал телефон леспромхоза. — Попросите писателя из Москвы, меня позовут. Поехали в леспромхоз, — бросил он Миле. — К проходящим поездам будем подъезжать сюда.

Ангел надеялся непременно встретиться здесь Сомова. Несмотря на неудачу, он все еще старался скрыть тревогу.

Дежурный в леспромхозе тоже ничего утешительного не сообщил. Сомов и здесь не появлялся.

***

Женька проснулся от полуденной духоты. Свалила все-таки усталость. А ведь хотел лишь покемарить пару минут. Вокруг на все лады щебетали птицы.

— Гляди, живой, — баритон показался Сомову знакомым. Он прорвал ладонью по лицу, прогоняя остатки сна, открыл глаза и прямо перед собой увидел двух солдат. В высоком сержанте сразу узнал дежурного по роте, которого Ангел в палаточном городке угощал фирменными сигаретами. Постепенно начал соображать: проплутав ночь по лесу, выходит, дал кругалю.

— Здорово, мужики, — наконец проговорил Женька и, не обращая внимания на то, что солдаты, словно сговорившись, прыснули от смеха, продолжил: — В гости к вам собрался, да вот заблудился малость.

— Малость, — улыбнулся сержант. — Ты уже километра три лишних отмахал.

— А вы что здесь делаете? — Сомов достал пачку сигарет и протянул сержанту.

— Дрова заготовливаем, разве не слышишь?

И действительно, где-то невдалеке визжала пила.

— Чего сюда-то занесло? Поблизости леса нет, что ли?

— Тут, брат, целая наука. Где отвели участок, там и руби. Остальное не трожь. Каждый пенек высматривают. Не дай Бог, свежий срез — на всю округу хай поднимут.

— Обратнo-то скоро? — поинтересовался Женька в надежде вместе выйти к палаточному городку.

— Часа через два, думаю, управимся, — ответил сержант. — Нам спешить некуда, за нами машина приедет.

Женька взглянул на часы и присвистнул:

— Нет, это слишком долго. Ты растолкуй, как к вашему городку выйти, и я уж своим ходом.

— Вот так прямиком выйдешь на дорогу. Здесь недалеко, метров пятьсот. Повернешь налево и чеши. Прямо к нам попадешь. Да не спеши так, табачку оставь малость.

Сомов вышел на дорогу. На душе стало как-то легко и спокойно. Он отдохнул после бессонной ночи, сбросил усталость. Солнце застряло на пиках высоких елей и не жгло. Удивительно длинная и тонкая тень от Женькиной атлетической фигуры бесшумно скользила впереди, то утыкалась в густой кустарник, то ползла вверх по стройному сосновому стволу.

Как быть дальше, Сомов пока еще не решил. На ум приходило одно: идти к офицерам батальона и все им рассказать. Понятно, что Ангел не сидит преспокойненько в своей избушке на курьих ножках. Наверняка они с Милей уже с ног сбились.

***

Ангел действительно издергался. После каждого рейса к переезду и в леспромхоз мрачнел все больше и больше. А Миля молчал, понимая, что лучше сейчас шефа не трогать.

— Все, поехали домой, — наконец не выдержал Ангел. — Скоро вечер, надо действовать.

— А как же Сом? — спросил Миля.

— Я его из-под земли достану... Мент поганый!

— Он знал, где у нас спрятано оружие? — спросил Миля, когда машина от леспромхоза вырулила на ровную, как стрела, асфальтовую полосу.

— Ты на что намекаешь? — злобно рявкнул Ангел.

— Да нет, — испугался своей мысли Миля. — Я просто подумал, что Сом мог вернуться, пока мы здесь его дождаемся. — И после небольшой паузы рассудительно добавил: — Смотря, куда ушел. А главное — зачем. Как думаешь, Петрович, может, он струхнул и решил смазать пятки?

— Это не меняет дела. Он ушел, и ему известны наши планы. Сегодня же ночью

берем оружие караула и сами делаем ноги.

— Вдвоем? — Удивился Миля.

Ангел промолчал.

Подъехали к домику. Несколько секунд посидели в машине. Не заметив ничего подозрительного, вышли. Ангел поднялся на чердак и увидев, что пулемет на месте, бережно взял его. Выходя из дома, прихватил дипломат, и, ни слова ни говоря, сложил все в машину.

— Петрович, объясни толком, что будем делать? — Миля вплотную подступил к Ангелу. — В этом кейсе ведь и моя доля есть.

Ангел заставил себя улыбнуться:

— Не распускай сопли. На, держи, — протянул он Миле пистолет. — Все претензии прокурору, в письменном виде.

Миля стоял, не двигаясь, с пистолетом в руке.

— Пушку спрячь. А свою долю получишь сполна, не волнуйся. Или, может, тоже решил удрать, как этот солдафон? Ну, что замолчал?

— Петрович, ты же знаешь, я с тобой до конца, — почти простонал Миля, засовывая пистолет за ремень. — Но я хоть что-то должен знать?

— Ладно, слушай. Здесь мы больше не задержимся, поедем к солдатам. Караульная палатка стоит у самого ограждения. Ход в проволоке проделали сами солдаты. Как стемнеет, с тыльной стороны поднимем полу палатки и пролезем внутрь. Тех, кто не спит, уложим вот из этой дыры, — он показал пистолет с глушителем. — Заберем оружие и таким же макаром обратно.

— А машину где оставим?

— В лесу. Десяток "калашниковых" и так дотащим.

— Выезжаем когда?

— Прямо сейчас, лучше там подождем темноты.

Через десять минут "уазик" катил по пустынной трассе. На перекрестке повернули направо, и Ангел заметил впереди одинокого путника. Размашистый шаг, четкий взмах руки. "Как на параде марширует", — зло подумал Ангел, узнав Сомова.

* * *

Как только Женька увидел Ангела, его сердце словно куда-то провалилось. Надо же так глупо вляпаться!

— В машину, — зло бросил Ангел.

Сомов послушно уселся впереди. Ангел сам сел за руль, резко рванул с места и, развернувшись, поехал обратно.

— Думал, доброе дело сделаю, да заблудился ночью, — на ходу сочинял Сомов. — Все бродил вокруг да около, пока не вырубился. Вроде и трезвый был... Хорошо хоть солдаты разбудили. Они там дрова пилят.

— И куда ты путь держал? Заложить нас хотел, курва!

— Да ты что, Петрович?! — Женька посмотрел на Ангела, длинное лицо которого, казалось, еще больше вытянулось, — И мысли такой не было. Ты доверил мне это дело, вот я и хотел понаблюдать за службой караула. — Сомов пытался разыграть испуг, но понял, что сейчас действительно боится этого человека. У таких, как Ангел, свои законы. Тут протоколы не пишут. Малейшее подозрение, и заполучи девять граммов промеж глаз.

— Я не знаю, где ты шляется ночью, но если замечу хвост, подохнешь первым. Пока будешь заложником, а там поглядим. Пусть тебе твой шеф приговор выносит.

— Мне оправдываться не в чем. Не доверяешь — можем расстаться.

— Ишь чего захотел... — засмеялся Ангел.

Подъехали к домику.

— Сиди, — коротко бросил Ангел, доставая из кейса наручники.

— Так-то надежнее. — Одно кольцо он сомкнул на запястье Сомова, второе — на металлической дужке сиденья. — Парочку дней посидишь, ничего с тобой не случится.

Сомов не сопротивлялся. Он еще надеялся убедить Ангела, что покинул сторожку без злого умысла. Время есть. До нападения на батальон, по подсчетам Сомова, еще три дня.

Он сидел в машине, как в камере. Пищу приносил Миля. Молча совал тарелку с едой и также молча уносил обратно в дом пустую. Миля все так же спал в машине. Однажды вечером он долго не приходил на ночлег. Наконец появился и сел за руль. Сзади в фургоне развалился Ангел.

— Куда это на ночь глядя? — спросил Сомов.

— На вокзал. — На языке Мили это означало полустанок на переезде. — Гостей встречать.

— Каких еще гостей?

— А ты-то что всполошился? — Миля мельком глянул на Сомова. — Друг к Петровичу приезжает с подругой. Золотой мужик, увидишь. И Петровичу телку везет.

У переезда машину загнали в лес. Миля с Ангелом нырнули в темноту, и Сомов остался один, все еще пристегнутый к машине, как каторжник к колодке. Впрочем ждать пришлось недолго. Слышно было, как на переезде остановился поезд. Минуты через две вернулся Миля, забросив в фургон несколько сумок. Следом подошли Ангел и здоровенный мужчина с двумя женщинами и ребенком. Переговариваясь, они разместились в фургоне, Миля сел за руль, и машина тронулась в обратный путь.

О том, что в эту ночь творилось в домишке, Сомов мог только догадываться. О нем забыли. Миля пришел лишь под утро, принес коньяку на дне бутылки и пару бутербродов.

10

Утреннее солнце щедро струило тепло на окруженную стеной густого ельника поляну. Бисеринки росы, тронутые лучами, превращались в легкое марево, поднимающее в воздух тягучий запах смолы и легкой, бодрящий — древесных стружек и опилок.

— Мы с Аркадием сейчас едем в Ковров, — обратился Муромцев к собравшимся в его комнате, — свяжемся с тамошним угро и после обеда вернемся с группой захвата. Вы вдвоем, — он обратился к Полетаеву и Говорухину, — ждете нас на переезде. В случае чего — действовать по обстановке.

— Хорошенькое дело, целый день без жратвы под солнцем! — возмутился Говорухин.

— Ничего, проходящие будут, что-нибудь перехватите в ресторане, — успокоил его Муромцев. А Яшин добавил:

— Я обяжусь привезти тебе две бутылки молока и батон. Свежий такой, мягкий с хрустящей корочкой, представляешь?!

Говорухин расцвел в улыбке.

***

Сомов проснулся от храпа. Хотя прошлые сутки он просидел пристегнутый к машине, состояние было таким, будто всю ночь бразничал. Миля храпел, широко открыв рот. Вытянутые руки он подложил под голову, куртка-варенка задралась, обнажив рукоятку пистолета за ремнем брюк. Сомов взглядом зацепился за нее, моментально созрело решение. Единственное и верное в такой ситуации — завладеть оружием. И вот пистолет в руках Сомова. А что дальше? Как использовать полученный шанс? Можно пристрелить Милю, открыть огонь по Ангелу и его гостю, когда они, услышав выстрелы, выбегут из сторожки. Но у них тоже оружие. Вряд ли удастся уцелеть, будучи прикованным к этой консервной банке. Можно припрятать пистолет до лучших времен, но эти шакалы, обнаружив пропажу, все перевернут вверх дном. И тогда ему несдобровать.

Сомов осторожно приподнялся и в открытое окошко дверки выглянул из машины. В нескольких метрах в стороне, будто на полотне художника, застыли мясистые лопухи. Они зеленой лужайкой спускались в овраг, терялись где-то возле ручейка. Вчера Миля несколько раз забежал туда по нужде. Не раздумывая, Сомов швырнул пистолет. Лопухи качнулись и снова сомкнулись, словно волны.

Женька лег на спину и глубоко вздохнул. Сердце входило в привычный ритм, душа ликовала, как в детстве, когда удавалось что-то сделать в отместку за нанесенную обиду.

Милю разбудил подошедший к машине Зайцев. Сомов теперь мог хорошенько разглядеть этого бугая. Литровая банка пива в его руке выглядела игрушечной. Бык, смакуя, небольшими глотками допил пиво, потом обошел машину. Открыл дверку и с каким-то озорством опрокинул банку над спящим Милей. Миля вздрогнул, мгновенно поднялся и тяжело выдохнул, будто свалил с себя какую-то тяжесть. Зайцев захохотал:

— Что, штормит, морячок? Говорил тебе, не жадничай, все равно всей водки не выпьешь.

Миля неопределенно крикнул, встал сначала на четвереньки, потом на колени. Сомов равнодушно наблюдал за происходящим, ему казалось, что "атлет" его в упор не видит. А про себя отметил, что гость наверняка добродушен, как и все великаны.

— Сейчас принесу пива, полечишь свою бестолковку, — сказал он Миле и вернулся в дом. Обрато вышел с двумя банками.

— Круто с тобой обошелся Петрович, — обратился он к Сомову. — Но ты не обижайся, это он сгоряча. Нервы.

Зайцев достал миниатюрный ключик, отомкнул дужки на запястье Сомова и тот вылез из машины.

Женька был озадачен: что это Ангел ни с того ни с сего подобрел? Впрочем, времени на решение загадок у Сомова не осталось: легок на помин, на пороге домика с беломориной в зубах появился Ангел. Спокойный и благодушный.

Женьке нужно было не просто прощение. Ему нужно было вернуть доверие Ангела. И Сомов направился к нему, не обращая внимания на банку пива, протянутую Зайцевым.

— Петрович, ты меня под подписку о невыезде освободил или как?

— Не лезь в душу, могу и передумать.

— Прости его, Петрович, — еще бухой Миля протиснулся мимо Ангела в домик.

— Что вчера было — забудь. Больше не глупи, и я тоже забуду. Завтракать пора!

Сомов, секунду постояв, повернулся и побрел к ручейку.

— Паси его, — прошептал Ангел Миле. — Чуть что не так, стреляй.

Миля, почувствовав, что за поясом пусто, на миг остолбенел и, как ошпаренный, сорвался с места. Он подбежал к машине, лихорадочно осмотрел салон и с какими-то жалкими причитаниями начал переворачивать все сначала.

Подошел Ангел:

— Что, вчерашний день ищешь?

— Петрович, это он все! Эта сука ментовская куда-то пушку дела, — показывая на приближающегося Сомова простонал Миля.

— Так, — протянул Ангел, поглядывая на обоих. Миля стоял, готовый вцепиться в Сомова. Сомов был спокоен: Миля ему не противник, даже разъяренный.

— Так, — повторил Ангел. — Ты не видел, куда Миля пушку заныкал? Иди сюда. — Ангел обыскал Сомова.

— Да он уже спрятал где-нибудь, — не унимался Миля.

— Жрать надо меньше, компаньоны, — с издевкой проронил Женька. — Чтоб не валить с больной головы на здоровую.

— Обыщите все вокруг! Узнаю, кто виновен, урою, — резко, но без злости закончил Ангел, с укором глядя на Милю.

Следующую ночь Сомов спал в машине, на том же месте, но без наручников. Он решил после полуночи связать Милю: засунуть ему кляп в рот и уехать на "уазике". И пусть потом дергаются: без техники никуда не денутся. И к военным не сунутся.

Ночь выдалась лунной. Сомов огляделся по сторонам, отошел к оврагу, прислушался. Из машины с монтировкой в руках выскочил Миля. Он бросился вслед за Сомовым, и чуть не налетел на него.

— Тебе что, баба Яга приснилась, летаешь, как лунатик, — Сомов сделал вид, что застегивает брюки. Миля в растерянности остановился.

— Да, показалось, что лесовичок бродит. Думаю, не опасно ли тебе одному, — нашелся Миля.

— Не хитри. Ангел приставил шпионить?

— Лучше верни пушку по-хорошему, — перевел разговор на другую тему Миля, угрожающе качнув монтировкой.

— Я же говорил: пить надо меньше, — Сомов стоял выжидаая, застыл в нерешительности и Миля.

Вдруг скрипнула дверь, из домика вышел Зайцев. В дверном проеме появился и Ангел. Темно, но Сомову казалось, что тот видит его глаза, видит его насквозь.

Ангел зашагал в "кают-кампанию", приглашая всех следом. Когда расселись, на бревне Сомову места не хватило. Он так и остался стоять, почувствовав, что его место в "кают-кампании" и вообще в отношениях с Ангелом занял Зайцев.

Бог с ним, это пережить можно. Тревогой отозвалось другое: что это затевает Ангел? А тот неторопливо зажег беломорину, осветив лица сидящих рядом огоньком, и уставился на Сомова. Сергей с Милей тоже повернулись к нему.

— Сегодня выступаем, командир, — сказал наконец Ангел. — Ты готов?

— Почему сегодня? Ведь на вторник планировали. — Женька остался доволен, что его голос не задрожал, звучал твердо.

— Я передумал. Мы с Сергеем посоветовались, ты оказался прав. Самый удобный момент — сегодня.

Сомов стоял, как первокурсник на экзамене, который выпалил первую часть теории, а вторую напрочь забыл. Ангел тем временем продолжал:

— Сейчас выезжаем, машину оставляем там же и пешком идем к городку. Когда солдаты уходят в баню, начинаем действовать. Сергей усыпляет часового у даль-

него грибка и забирает автомат. Только без шума.

— Усыпляет как? — не удержался Сомов.

— Не задавай глупых вопросов, — огрызнулся Ангел и спокойно продолжил: — Мы втроем в это время идем к караульной палатке. К этому времени смену проведут и все будут дрыхнуть. Берем начальника за хобот и требуем, чтобы вызвал в палатку часового. Здесь мы его разоружаем. Тех, кто не будет спать, связываем. Сергей становится на пост в готовности нас прикрыть, Миля — сразу за баранку. Командир со мной — выносим оружие караула и делаем ноги. С Тарасом встретитесь в Коврове и сразу в путь.

— С каким еще Тарасом? — не понял Сомов.

— С тем, что вел следствие по угону такси. Или забыл уже? — беззвучно засмеялся Ангел.

— Следователь, капитан Тарасов? — удивился Женька.

— Вспомнил! Ладно, хватит лясы точить. Собираемся.

Такой поворот Сомова озадачил. Он не знал, как, впрочем, не знал и Муромцев, что Тарасов уже больше года исправно получает жалованье от "Аттракциона". Но сейчас Сомову оставалось одно: отстать, затеряться в еще не растаявших сумерках, выйти к военному городку и предупредить караул.

***

Из Коврова Яшин прибыл с местной группой захвата на оперативной машине.

— В Коврове на вокзале Тарасова нашего встретил, — бросил он Муромцеву, — перепугался чего-то наш отпускник.

На просеке, о чем-то жалуясь, гудели провода высоковольтной линии. "К дождю", — заметил леспромхозовский старик, вызвавшийся провести их до сторожки Ангела.

Свернули в лес, Яшин, уточнив оставшийся путь, остановил машину.

— Дальше пойдем пешком. Вы оставайтесь, там может быть опасно, — сказал он старику.

Осторожно, перебегая от дерева к дереву, приблизились к домику. Казалось, сторожка пуста. И машины рядом не видно.

"Куда они дели машину?" — размышлял Муромцев.

— Аркадий, все готово. Ничего подозрительного, можно начинать, — заметил он Яшину.

— Боюсь, пустая затея. Никаких признаков жизни, — досадовал Яшин.

Вдвоем они с разных сторон подобрлись к домику и с пистолетами в руках остановились у двери, готовясь к решительному броску.

Дверь оказалась незапертой, отворилась, ударив стоявшую за ней раскладушку. В избушке было еще темнее, чем на дворе. Яшин в несколько прыжков очутился в дальнем углу, загремев консервными банками. Он водил пистолетом из угла в угол и, светя фонариком, рассматривал комнату. Муромцев присмотрелся к женщине, вскочившей к раскладушки. Ночная рубашка-халат водопадом спадала с огромного бюста, теряясь внизу пенившимися кружевами. Это была Надежда Хмарук. На кровати спала девочка, рядом с ней приподнялась на локте, прикрываясь одеялом, Марфа Горбань.

Если бы Стасу сейчас кто-нибудь сказал: "Эх ты, с бабами воюешь" — ему стало бы стыдно, настолько он чувствовал себя героем, вынося плечом дверь.

— Доброе утро, Надежда Даниловна. — Муромцев опустил пистолет. — Извините, что так рано побеспокоили. Ангел нас в гости пригласил, да вот дома мы его не застали. Не подскажите, где его искать?

Вместо ответа та отвернулась.

— Одевайтесь, Надежда Даниловна, и вы поднимайтесь, Марфа Ивановна. — Яшин выключил фонарик.

Когда женщины оделись, оперативники в поисках оружия осмотрели дом.

— Так где Ангел, Надежда Даниловна? И когда он должен вернуться со своими друзьями? — спросил Муромцев.

Надежда подошла к окошку.

— Должен вас предупредить, домик оцеплен. — Яшин старался держаться вежливо и не выдать ту поспешность, с которой они со Стасом пытаются выудить интересующую информацию.

— Вы имеете в виду Ивана Петровича? — Хмарук повернулась спиной к окну. — Ума не приложу. Засыпала в его объятиях, проснулась от вашего грохота. Сама удивляюсь, куда это он мог деваться.

— Зря юлите. Вы же понимаете, что мы здесь не случайно.

— Что вы от нас хотите? — вступила в разговор Марфа Горбань. — Врываются, поднимают ни свет ни заря... Надюша, до возвращения Ивана Петровича мы вообще ничего не скажем. Придут мужчины, пусть с ними и разговаривают.

— Ваш Иван Петрович махровый убийца. На него заведено дело. Вы обе прохо-

дите как свидетели. Пока, — начал открывать карты Муромцев. — Не исключено, что можете стать соучастниками, если скроете его очередное преступление.

— Какие соучастницы?! Думайте, что говорите! — выкрикнула Хмарук.

— Скажите, что это за рисунок? — подошел к ней Яшин. Он держал в руке схему палаточного городка, составленную Сомовым.

Глаза Надежды забегали.

— А чего это вас так взволновало? Или тут есть какая-то тайна? — спокойно спросил Аркадий.

На лице Хмарук не отразилось никакой растерянности. Вдруг, неожиданно для себя, для оперативников, для Марфы Горбань она выдохнула:

— Это палаточный городок военных. Там их всех ищите.

— Молчи, стерва, Ангел убьет тебя! — Марфа с кулаками бросилась на подругу. Яшин остановил ее, с силой усадив на кровать. Муромцев подступился к Хмарук.

— Где этот городок?

— Не-е знаю, — мотала головой Надежда.

— Аркадий, пошли! — Муромцев выскокил на улицу. — Дуй к деду. Он должен знать! А я пока поставлю задачу остающимся в засаде.

***

Сев в машину, Сомов впервые увидел в руках Ангела пулемет, о котором так много слышал.

— Хорошая у тебя игрушка, Петрович. Почему бы ее не толкнуть? Потянет за три-четыре "калашника". Дай-ка взглянуть. — Сомов взял пулемет.

— Не умничай, умник. У меня однажды спросили, работает ли он. Пришлось показать. Так что молчи.

Сомов, как бывало при осмотре оружия подчиненных, взглянул на номер. 2505! — сверкнуло молнией. А следом словно послышался голос Сошина: " Володьку убили!" Пулемет Володи Ткаченко! Как он здесь оказался? Неужели это Ангел убил Володьку?

— Посмотрел и будет. — Ангел забрал оружие. Он пошел впереди, за ним Миля. Сомов хотел следом пропустить и Зайцева, но тот дал понять, что пойдет последним. Женька слышал за спиной тяжелые шаги, затылком ощущал колючий взгляд. Казалось, будто на расстрел ведут.

Ангел остановился. Зайцев, держа руку в кармане, поравнялся с Сомовым.

Яркое солнце выплывало из-за горизонта, бросая кровавый отсвет на редкие облака, деревья, на ствол пулемета над головой Ангела.

— Давай, — шепотом бросил он Зайцеву.

Тот посмотрел на Сомова и, как бы нехотя, побрел вдоль колючей проволоки. Ангел, осторожно ступая, направился к проходу в проволочном ограждении.

Сомов посмотрел вслед Зайцеву, растворившемуся среди деревьев, оглянулся на оставшего Милю и в несколько прыжков настиг Ангела. Ухватив двумя руками оружие, рывком вывернул пулемет и резко ударил прикладом Ангела по голове. Тот, цепляясь рукой за ремень, рухнул на землю.

Сомов резко повернулся, думая что Миля нападет сзади. Но того уже и след простыл.

— Стой, шестерка! Стрелять буду! — закричал Сомов.

Обернувшись на прозвучавший выстрел, он увидел лишь, как чья-то тень метнулась за дерево.

Женька вспомнил о Зайцеве. Это он вернулся! Значит, не успел снять часового.

Снова грохнул выстрел, и пуля впилась в корабельную сосну. Сомов направил ствол в сторону Зайцева и нажал на спусковой крючок. Пулемет, огрызаясь, запыгал в руках. Пули рубили ветки, рвали древесину гигантской сосны...

У него в руках пулемет Володьки Ткаченко, перед ним — бандиты. И словно не было этих нескольких месяцев, разлучивших его с войсками. Вот он, капитан Сомов, ведет бой. Он не упустит преступников! В палатках — его солдаты, сейчас они помогут своему командиру, поддержат огнем.

Как только Женька прекратил стрелять, со стороны палаточного городка уверенно, монотонно забарабанила автоматная дробь. Сомова вдруг как обожгло. Потом он почувствовал какую-то легкость в теле, ясность в мыслях. Перед глазами появилось небо. Почему небо? Почему он смотрит на небо. Ведь где-то рядом Зайцев, он может сейчас стрелять. Верхушки сосен заходили хороводом. Из-за красной тучи словно из рваной раны вынырнул реактивный самолет, оставляя за собой широкую полосу, подкрашенную восходящим солнцем под цвет крови. И сам он был маленькой алой каплей в лучах восходящего солнца, которая стекала, оставляя горячий след.

Рассказ, который предлагаем вашему вниманию, вполне можно назвать и документальным очерком, и рассказом-былью. Это проба пера офицера ГУКВВ полковника Александра КЛИМОВА, за плечами которого немало боев и походов.

ПЕРВАЯ ПОТЕРЯ

Сержанту контрактной службы отряда спецназа "Витязь" Александру КИСЕЛЕНКО, павшему смертью храбрых 14 апреля 1995 года на чеченской войне, посвящается.

Перестраиваясь на ходу в единую колонну, три спецназовских отряда один за другим растворились в темноте. Под прикрытием ночи им предстоял рейд к предгорью, где, преодолев глубокое ущелье, одним надо было пробраться в тыл боевикам и до рассвета штурмом овладеть господствующей высотой восточнее Бамута, другим — выйти к старым ракетным шахтам, спуститься под землю и уничтожить базу бандитов. Спецназ обеспечивал проведение войсковой операции в Бамуте.

Благополучно обогнув слева село Чемульга, отряды глубокой ночью наконец-то вышли к предгорью и головным дозором уперлись в густые заросли, круто поднимавшиеся по склону. "Зеленка" встретила бойцов зловещей тишиной и запахом весенней сырости. В кромешной темноте идти приходилось медленно, буквально на ощупь, раздвигая цепляющиеся ветки. Ноги скользили по влажному сыпучему склону. Дальше — сплошняком поднимался высокий лес.

Где-то внизу, в ночной пелене тумана, наполовину втянувшись в узкое горло ущелья, прижатый крутыми берегами реки Фортанги к подножию горы, безмолвно лежал Бамут. Не встретив сопротивления, группа Артура в назначенный час заняла высоту. Остальные группы, миновав ущелье, начали поиск.

Хотя боевиков на высоте не оказалось, по всему было видно, что они еще недавно были здесь, что тревожило, заставляло не

выпускать из рук оружие, вслушиваться в каждый шорох.

Закончив разведку и осмотр вершины и выставив посты охранения, Артур приказал готовить укрытия для круговой обороны. Было по-прежнему темно. Неприветливый сырой и угрюмый лес давил тишиной. Бесшумно ступая по толстому и упругому слою прелой прошлогодней листвы, Артур с двумя бойцами первого взвода обошел посты охранения.

Стало светать, наступало долгожданное утро. Откуда-то с равнины донесся нарастающий рокот моторов. Колонна шла к Бамуту, и Артур заспешил наверх, на свой наблюдательный пункт. Начиналась войсковая операция.

До наблюдательного пункта оставалось совсем немного, когда командир дальнего поста сержант Киселенко доложил по радиации открытым текстом:

— Ноль второй, я Пятый, "духи" здесь. Они совсем близко... Они рядом, идут прямо на нас... Открываем огонь...

И тут же со стороны ущелья донеслись раскатистые автоматные очереди.

Радиа, щелкнув, замолчала. Связь оборвалась. Сколько ни пытался Артур вызвать Киселенко, все без толку. Из чрева радиации доносилось лишь тихое шипение.

А внизу, у дальнего поста, уже вовсю шел бой. Подняв остатки группы, Артур бросился поперек склона вниз, к дальнему посту охранения.

Несколько десятков боевиков, не таясь, плотной группой шли прямо на пост.

Киселенко отложил радиостанцию, вполголоса скомандовал своему напарнику: "К бою, братишка!" — и первым открыл огонь.

Застигнутые врасплох прицельными очередями некоторые боевики падали как подкошенные и замирали на месте, дру-

гие, нелепо раскинув руки и ноги, скатывались по склону.

Через несколько секунд их замешательство прошло, уцелевшие бандиты залегли. Частая отрывистая дробь автоматов поутихла, и Киселенко почувствовал, как тысяча маленьких молоточков натруженно и ритмично стучит в висках.

Он понимал, что отойти им двоим не удастся: боевики засекли их позицию и стреляли прицельно. Разъяренным пчелиным роем пули проносились над их головами...

В ожидании решительной атаки "духов" сержант устраивался поудобнее. Посмотрел на своего напарника. Костя, плача от отчаяния, с руганью бил кулаком по ствольной коробке автомата: одна из выпущенных боевиками пуль угодила в окно выбрасывателя, и автомат заклинило.

Киселенко на миг выглянул из окопа. Тут же несколько очередей хлестнули над головой. Боевики все не начинали атаку, решая, как обойти пост.

Александр машинально прощупал карманы разгрузника — нож и гранаты на месте. Не поворачивая головы, он с сожалением прошептал напарнику:

— Уходи, братишка! Слышишь, немедленно уходи. Тебе здесь больше делать нечего.

Но тот отрешенно молчал, неуклюже сидя на корточках в углу окопа перед изуродованным автоматом.

Огонь нарастал. Казалось, что со стороны боевиков стреляет каждый куст, каждое дерево.

— Уходи, я приказываю! — прикрикнул Киселенко и, припав щекой к прикладу, стал посылать в сторону поднявшихся в атаку бандитов короткие очереди. Те снова залегли, и тогда Костя, выскочил из окопа и быстро пополз вверх по склону.

Жестокие уроки войны были усвоены Киселенко на отлично. Он знал, как действовать под огнем противника. Ложишься, прикрываешь огнем товарища, он идет вперед. Потом он тебя прикрывает, и ты идешь вперед. А сейчас он остался один перед вражьей сворой, мог рассчитывать только на себя и ждать помощи товарищей.

Саша не знал, что шедшая ему на помощь группа наткнулась на боевиков и тоже ведет неравный бой на этом же склоне, только немного правее и выше.

Присоединив к автомату полный магазин, Киселенко выпрыгнул из окопа, перекатился в сторону и отполз к поваленному

дереву. Очереди боевиков дружно ударили по оставленному им окопу. Разбившись на группы, бандиты перебежками продвигались по склону. Подступали все ближе и ближе.

Боевики охватывали его полукольцом. Не мешкая, сержант достал из разгрузника гранату, выдернул чеку и, коротко замахнувшись, бросил ее вперед. Взрывом разметало подобравшихся к нему ближе всего. Не давая опомниться остальным, дал длинную очередь. Он не успел залечь, как услышал родной и знакомый голос командира.

Группа Артура была совсем близко. Вздвиг земля и кустарник, ахнули подствольники. Долгожданный шквал огня снова пронесся над головой Киселенко. Гулкое эхо взрывов зарокотало в ущелье.

Не выдержав атаки, боевики выскакивали из-за укрытий и, отстреливаясь, унося раненых и убитых, уходили по склону вниз, в сторону Аршты.

Киселенко вскочил по-кошачьи мягко. Скользя по сыпучему склону, он начал преследование, но...

Его нашли по примятой траве, обильно политой кровью. Сердце еще билось, выталкивая кровь из сквозной раны горла. Александр часто и отрывисто дышал, жадно хватая воздух широко открытым ртом. Отрядный док помочь ничем не мог. Киселенко умер на глазах своих товарищей.

Безжизненное тело уложили на плащ-палатку и бережно снесли по склону вниз к подкатившему бронетранспортеру.

Спецназ выполнил свою задачу. Операция завершалась. По команде отряды вышли за боевые порядки войск прикрывающего и сделали небольшой привал. Пользуясь передышкой, солдаты негромко переговаривались, полулежа курили.

Чуть поодаль, широко расставив ноги, стоял Артур. До предела раскрыв ворот куртки, он подставил грудь легкому весеннему ветерку и до боли в глазах всматривался в зелень оставленной высоты. Он искал место, где только что потерял одного из своих лучших бойцов.

Впереди его ждали новые операции, новые бои, боль утрат. Но сейчас он скорбел по своей первой потере на этой людской и Богом проклятой войне.

Книжная полка

МВД России: два века

Давно ли мы, углубляясь в прошлое внутренних войск, пытаемся узаконить для них профессиональный праздник и, главное, уточнить его дату (а на моей памяти попытки такие предпринимались не раз), отсчет времени без колебаний вели те от 20 декабря 1917 года, когда родилась ВЧК, то с момента формирования в 1918 году первых отрядов "энергичных идейных бойцов", то... Наша милиция, давно уже отмечающая свой ежегодный праздник, ведет свою родословную от 10 ноября 1917 года. Даже уголовный розыск (УУР МВД) отметил недавно свой 75-й день рождения.

Объявив 1917 год незыблемым рубежом нового, советского, летоисчисления, началом новой эры в истории человечества (в чем, конечно, немалая доля истины есть, и отрицать это было бы грубой, в угоду конъюнктуре, ошибкой), мы искусственно отрезали, отсекали себя от всей предшествующей истории Российского государства. Многие из того, если не все, что было в календаре до этой даты, сплошь и рядом преподносилось исключительно в черном цвете. Относилось это и к деятельности правоохранительных органов, в том числе МВД: все дооктябрьское находилось как бы за пределами наших интересов. Хуже того, оно игнорировалось и осуждалось как нечто извечно чуждое и враждебное природе советского строя.

Избавившись от идеологической зашоренности, мы по-другому смотрим на дооктябрьское отечественное прошлое.

Оказалось, что и войска с аналогичными или близкими задачами, родственные по природе своей и назначению, существовали прежде и что в 1996 году внутренним войскам России не 79, а 185 лет исполнилось. В марте этого года, как известно, впервые праздновался учрежденный президентским указом День внутренних войск.

Да и у самого министерства возраст более внушительный, нежели мы доселе полагали. В 2002 году будет отмечаться 200-летие Министерства внутренних дел России.

Обо всем обстоятельно повествуется в историческом очерке "Органы и войска МВД России".

От всех своих предшественников, посвященных истории органов и войск Министерства внутренних дел, рецензируемый сборник отличается принципиально. Впервые о деятельности МВД и его важнейших служб рассказывается за два века. Фактами подтверждается: Министерство внутренних дел, как важнейший орган Российского государства, на свет родилось не в 1917 году — мы прямые наследники МВД России, созданного на основании Манифеста Александра I от 8 сентября 1802 года.

Настойчиво подчеркивая слово "впервые", мы отнюдь не впадаем в ересь. Книги, в которых рассказывалось о месте и роли МВД в системе государства, выходили и до 1917 года. В частности, к 100-летию министерства, в 1902 году увидел свет исторический очерк С. Андрианова. Но книга та по содержанию своему уже отстала не просто на столетие, а на целую эпоху. Да и нынешнему читателю она к тому же совершенно не доступна. В книгах же, вышедших к юбилеям и годовщинам НКВД — МВД советского периода, как уже указывалось, ни слова не встретишь о дооктябрьской истории министерства.

Не надо думать, что, провозглашая преемственность и взяв в научный обиход двухсотлетний отрезок времени, авторы все свалили в одну кучу, не признавая различий ни в хронологии, ни в характере деятельности органов и войск МВД в различные периоды. В книге два самостоятельных раздела: в первом деятельность МВД рассматривается до 1917 года, во втором — от октября 1917 года до наших дней: сначала от графа Виктора Кочубея до Алексея Никитина, последнего министра Временного правительства, затем от Алексея Рыкова, первого наркомвнудел, до действующего министра, генерала армии Анатолия Куликова.

* *Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. Некрасов В. Ф. и другие. М.: Объединенная редакция МВД России, 1996.*

Обстоятельному анализу авторами книги подвергаются те функции и задачи министерства, которые носят сквозной и наиболее стабильный характер. Таких направлений в обоих разделах выделено пять: строительство, реформы и структурные перемены в самом МВД, а также деятельность четырех его основных служб: полиции — милиции, внутренней и конвойной стражи — внутренних войск, пенитенциарной системы — органов исполнения наказаний, пожарной охраны — противопожарной службы. Все остальные задачи, которые носили временный, переходящий характер — а их за 200 лет трудно даже перечислить, включая, скажем, продовольственное и медицинское дело, — даются в самом сжатом виде, а порой просто обозначены.

Возможность полного, всеобъемлющего и последовательного по времени освещения деятельности МВД осложнена еще и тем, что и упомянутые ранее основные направления не всегда были прерогативой лишь МВД. Отдельные структуры временами находились в других ведомствах, не входили в систему МВД. Так, внутренняя и конвойная стража в дореволюционный период входила в состав военного ведомства, МВД же по отношению к ней выступало больше как пользователь этой силы. Тюремные и другие органы исполнения наказаний в различные исторические периоды (в том числе и в советское время) подчинялись то МВД, то Министерству юстиции. Полиция в первой четверти XIX века входила в состав Министерства полиции. Да и в советскую пору милиция подчинялась то ОГПУ, то Министерству госбезопасности.

В книге дана хроника важнейших событий с 1802 до конца 1995 года. Помещены также портреты с краткими биографическими справками всех 59 министров (наркомов) внутренних дел, начиная с первого, графа В. П. Кочубея.

Авторы и издатели рассматривают настоящую труд лишь как первый опыт. Они не претендуют на абсолютную безупречность и безукоризненность сделанного, готовы выслушать критические замечания, которые пригодятся коллективу создателей книги в работе над двухтомником "МВД за 200 лет", Энциклопедией МВД, сборниками материалов и документов по основным направлениям деятельности министерства. Дело ведь не только в новизне постановки проблем, в необходимости поднимать, что называется, целину, а и в определенной недостаточности документальной базы. Не все главы поэтому равноценны. Надо, однако, заметить, что глава о внутренних войсках советского периода выгодно отличается от некоторых других своей полнотой, стройностью и завершенностью.

Достоинство книги — в ее объективности, научности, основанности на документальном фундаменте. Ушло в небытие голое противопоставление: или прежде все было плохо, или

наоборот, после 1917 года — сплошной негатив, цепь непрерывных ошибок, неудач, провалов. Такого шараханья из одной крайности в другую, как и политизированных оценок и выводов, авторам, к счастью, удалось в основном избежать. Хотя, разумеется, полностью избавиться от стереотипов прошлого мышления, воззрений в одночасье людям нашего поколения очень и очень непросто.

Хочется заметить также, что изучение истории полицейских учреждений России, ее внутренней и конвойной стражи, пенитенциарной системы имеет не только теоретико-познавательное значение. Совершенно не лишним будет и вникнуть в накопленный десятилетиями конкретный опыт при совершенствовании служебной деятельности, обучении кадров, повышении их профессионализма, воспитании любви к своему делу. Службой в правоохранительных органах в ту, дооктябрьскую пору, люди, как правило, весьма дорожили, пользуясь почетом и уважением населения. Полицейский чин, сколь бы мы ни читали на этот счет поношений в сатирической литературе, был, за немногими изъятиями, подлинным стражем порядка. Попытки изобразить тогдашнего полицейского, стражника или иного сотрудника ведомства как сугубо противонародный элемент несостоятельны. Мздоимцы, хапуги, халтурщики, нарушители законности, а то и сущие держиморды, к сожалению, не перевелись и в советской, и в постсоветской среде сотрудников и военнослужащих МВД. Недаром же пришлось учреждать в недрах министерства собственную контрразведывательную службу.

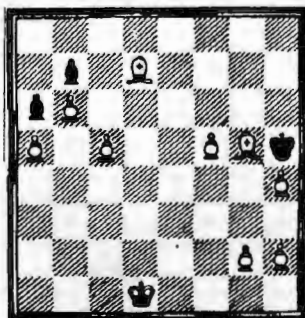
Над книгой трудился коллектив высококвалифицированных ученых, хорошо знающих специфику соответствующих служб Министерства внутренних дел. Возглавлял эту работу доктор исторических наук профессор В. Ф. Некрасов, воспитанник и, если хотите, главный историограф внутренних войск.

Не подлежит сомнению, что всякий человек, коему небезразлично прошлое России и такого важного ее государственного института, как правоохранительные органы, найдет в книге много полезного, обогатит себя новыми знаниями. Это особенно актуально сегодня, когда Министерство внутренних дел, его органы и внутренние войска, оказались в самом эпицентре крупнейших событий, жгучих проблем борьбы за целостность России, укрепление законности и правопорядка, наступления на преступность — всего того, что глубоко волнует каждого из нас, граждан России.

Генерал-майор в отставке
И. БЕЛИКОВ.

Наше лекарство

№ 43

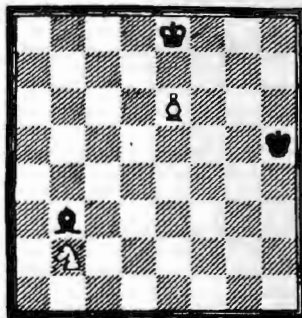
Мат в 3 хода

№ 44

Мат в 4 хода

№ 45

Выигрыш

В № 43 две однотипные попытки, из них одна есть решение. В № 44 реализована идея деактивации белой фигуры. Задачи эти художественные, эмоциональные, раскройте их идеи!

Посмотрите решение малютки № 45, оно простое, финал же довольно красивый: 1.e7 Kpg6 2.Kpf8! Cf7 3.Kd3 Kpf6 4.Kf4! и неожиданный цугцванг, у черных нет спасительного хода.

1...Cd5 2.Kd3 Cc6+ 3.Kpd8! Kpg5 4.Ke5 Ca4 5.Kd7.

Любителям неортодоксальных жанров предлагаем решить.

№ 46. Kpd2. Cb3, Ka3 /3/ — Кра1, пп.c5, d3/3/, кооперативный мат в 3 хода.

№ 47. Kpc1, Lf2, Lf5, Ce3, Kb2/5/—e1, Kb8, пп .b3, c2, c6 /5/, обратный мат в 3 хода.

Решайте задачи и этюды, уходите в прекрасный мир шахмат и вам не будут страшны болезни психогенного характера (гипертония, различные язвы и др.).

Шахматная азбука

Дебютная теория разработана детально, ее изучение предохранит вас от ошибок. Слабые ходы в дебюте очень опасны, они ведут к немедленной атаке со стороны противника. В творческом наследии известны роковые дебютные ошибки, допущенные шахматными грандами. Вот два примера.

Р.Рети — С.Тартаковер, 1910. Защита Каро—Канн. 1.e4 c6 2. d4 d5 3.Кс3 de 4.К:e4 Kf6 5.Фd3 e5?? Слабым дебютным ходом немедленно воспользовались белые, атака началась, 6.de Фа5+. После 6...Ф:d3 7.cd у белых сильный пешечный центр, а этого черные не желали.

7.Cd2 Ф:e5 8. 0—0—0 К:e4?? А это грубейшая ошибка, ведущая к мату. 9.Фd8+!! Кр:d8 10.Cg5++ Крc7 11.Cd8X! Не спасает 10...Кре8 11.Ld8X.

Такова быстрая и эффектная расплата за дебютные ошибки.

Ж.Мизес — А.Эквист, 1885. Скандинавская защита. 1.e4 d5 2.ed Ф:d5 3.Кс3 Фd8 4.d4 Кс6 5.Kf3 Cg4 6.d5 Ke5?? Черные полагали, что их шестой ход сильный, но не заметили сокрушающего удара белых. 7.К:e5!! С:d1 8.Cb5+! c6 9.dc Фb6 10.cb+ Ф:b5 11.baФ+ и черные разгромлены.

Дебюты определяют стратегию миттельшпиля. Так в открытых дебютах 1.e4 e5 или полуоткрытых 1.e4 c5 (сицилианская защита) стратегия белых чаще всего состоит в атаке на королевском фланге, а черных — в активных действиях на ферзевом фланге с использованием полуоткрытых вертикалей. Но об этом речь в будущем.

Проверьте свои решения

(На боевом посту, № 9, 1996)

№ 39. 1.L:g5 hg 2.Фf6!, черные сдались, мат неизбежен.

№ 40. 1.L:g7+ Ко:g7 2.Ld7+! Kpg8 3.Фf5! и черные сдались.

№ 41. Kpd2, Ce6, n.e7 /3/ — Kpd4, Le4, Cb6, Kc6 /4/, кооперативный мат в 2 хода, 2 решения. 1.Cd8 edC! 2.Ke5 Cb6X!, 1.Kd8 edK! 2.Cc5 Kc6X!

№ 42. Кра1, Фе2, Ca4, n.a2/4/ — Kpc1, Ch8, n.f6 /3/, обратный мат в 2 хода. 1.Фg2 Cg7 2.Фg5+! fgX!, 1...f5+ 2.Фb2+ C:b2X.

РЫБОЛОВАМ И ОХОТНИКАМ

Не такой уж он увалень

О том, что крупные сомы вряд ли способны гоняться за своей добычей, знают многие. Да и у Л. Сабанеева есть на этот счет достаточно обоснованное объяснение. Однако после того, что мне довелось однажды увидеть, я основательно усомнился в неповоротливости этой рыбы.

Дело было в погожий осенний день. Время приближалось к обеду, и я сидел на берегу, у самой воды, наблюдая за донками. Рыба не очень хорошо, но клевала, и я, как говорится, без дела не оставался.

Вдруг на воде неподалеку от меня произошел такой всплеск, словно с высокого крутого берега, под которым я устроился, в реку свалилась

Рыбы наших вод

Сом-ползун

О том, что рыбы иногда по суше переползают из одного водоема в другой, я слышал давно, но относился к этому, откровенно говоря, с большой долей скептицизма. Но вот однажды сам стал невольным свидетелем такого редкого явления.

После разлива, вызванного затяжными и обильными дождями, протока, соединяющая небольшое озеро с рекой, начала постепенно мелеть. В очередной же мой приезд на месте протоки уже образовалась полоска суши. Вряд ли бы я обратил на это внимание, если бы не лодка. Дело в том, что я выбрался на рыбалку с ночевкой, и свое плоскодонку во избежание всяких случайностей, перетащил из реки в озерцо.

На рассвете направился к лодке, но по пути заметил: что-то шевелится впереди, там, где недавно была вода. Подошел поближе. Каково же было мое удивление, когда я увидел извивающееся тело сомика весом около полутора килограммов. След, оставленный им на влажном илисто-песчаном грунте, шел из озера к реке.

"Вот это да!" — удивился я.

Спасти от неминуемой гибели в недалеком будущем можно было только таким способом, и рыба воспользовалась им.

Я не стал забирать сомика — он заслужил всяческого уважения — и отпустил его в реку.

огромная земляная глыба. От неожиданности я даже вздрогнул. Присмотрелся и увидел, как на месте расходящихся волн из воды стремительно выскочил голавль не меньше килограмма весом и, пролетев над водой метра полтора, скрылся в ней. Но не надолго. Буквально через 1-2 секунды все опять повторилось. Но теперь я отчетливо рассмотрел у самой поверхности преследователя голавля. Это был огромный сом. Не могу сказать ничего определенного относительно его веса, но в длину он был под два метра...

Поражала проворность, с которой эта громадина атаковала голавля, рыбу, как известно, отнюдь не медлительную. Вскоре гигант все-таки догнал и схватил жертву.

Так что сом не такой уж увалень, как порой нам представляется.

Майор в отставке
Ю. ЮСУПОВ.

Насадки

Спелая и уволвистая

На Медведице мы с приятелем ловили голавлей в нахлыст. Погода стояла жаркая. Рыба с утра на кузнечика еще клевала. Но часам к восьми клев прекратился. От солнечной подсветки вода отливала голубишной. С берега можно было наблюдать, как стаи голавлей — крупных, широкоплавых — плывали у поверхности, не обращая никакого внимания на насадку.

Как и каждый рыбак, тешил себя надеждой на удачу. Чем черт не шутит — может, все-таки поймаю трофейчик этак килограмма на два...

Провожая жадным взглядом стаю желанных рыб к противоположному берегу, заметил, что плыли они к висячему мосту. Там скучивались, вертелись и что-то хватили в воде. Не сразу сообразил что. Но вот услышал, как с бульканьем упал в воду с дерева какой-то предмет, и голавли кинулись за ним. Ба-а... Да это же вишни с дерева, которое росло на самом берегу (по всей вероятности, здесь рядом с разрушившейся водяной мельницей когда-то был разбит сад).

Спелая ягода прилась, видно, по вкусу голавлям.

Осторожно пробравшись к дереву, сорвал и насадил сладкую вишенку на крючок. Сделал заброс. И тут же удиле согнулось от сильной поклевки. Сдерживая мощный напор рыбины, приготовил подсака.

Полковник в отставке
В. КИСЕЛЕВ.

Ни пуха ни пера

Перестраховался

Назавтра предстояло продолжить товарный отстрел копытных и, чтобы восстановить силы, улеглись пораньше. Однако охота не состоялась: наутро прибыл главный охотовед динамовского хозяйства и переориентировал егерей. Появились волки, пришли, как всегда, с Тверской стороны. Быстро собрались, встали на лыжи и поспешили на поиски хищников.

Следы обнаружили близ Ильинской охотбазы. Сумели вовремя обрезать и четко, не дали серым разбегаться.

Для меня, начинающего тогда егеря, эта охота на "грозу лесов" была первой, и я очень волновался. Коллеги все делали быстро и четко. Еще не успели полностью перекрыть по кругу намеченный участок, как прогремел выстрел. Оказалось, опытный и из всех нас Ильин Николай Иванович убил волчицу, попытавшуюся соскользнуть между еще не сомкнутыми до конца флажками.

Я был направлен внутрь оклада и встал в мелколесье. За спиной — линия из красных тряпич, передо мной — молодая поросль ельника. Место, как сказали, самое бойкое, и ставят меня сюда только потому, что стреляю уверенно. В другое время, возможно, это и польстило бы моему самолюбию, но в данном случае — слишком высокая ответственность, не подкачать бы...

Начался загон. Проходил он совершенно не так, как на копытных: был тих и нетороплив, словно ничего не происходило. Только изредка стучали колотушки по деревьям. Но вот прозвучал дуллет, потом второй. И снова тишина. Покой. Нигде ветка не шелочнет.

И вдруг в кустарнике, с наружной стороны флажков, произошло какое-то мельтешение. Вскидываю ружье и... обескуражено опускаю его. Даже в жар бросило. Оказалось, охотничьи собаки, оставленные на базе, сбежали и по следам ищут хозяев. Если бы не круто загнутые хвосты, ко-

торые я вовремя заметил, был бы беде.

Обошлось. Пытаюсь успокоиться, а сам нет-нет да брошу взгляд в ту сторону, где пробежали лайки. И тут вижу, как из ельника высунулась песья морда.

"Какая досада, — подумалось, — сейчас подбежит, начнет лизаться да ласкаться — пропала охота!"

И тут неожиданно я понял, что никакая это не собака, а самый натуральный волк. Серо-седой, тенью скользит в ельнике, хвост поленом.

Стрелять однако неудобно — хищник почти за спиной. Выжидаю. Волк заходит за толстенную елку, в то время как я тихо и осторожно приставляю приклад к плечу. Сквозь хвою секает шерсть, в каких-нибудь десяти метрах от меня. Стрелять из неудобного положения не решаюсь. Надо все сделать так, чтобы ударить наверняка. А тут и не поймешь, куда целиться. Вот уж появится из-за ели, пусть даже стремглав помчится, на миг покажется, все остальное — дело техники...

Сорвалась моя задумка. Зверь учуял-таки человека и в мгновение пропал из виду. С приставленным к плечу ружьем я ждал его появления и справа, и слева от дерева. А он рванул напрямиком. Все. Конец. Опростоволосился.

Меняя место, справедливо полагая, что больше волк сюда не сунется. Затаиваюсь. Гремят дуллеты, и я вижу, как стрелой мчит по мелколесью хищник. Вскидываю ружье.

— Этот браконьер опять прихода охотиться без лицензии.

Дуллет! Волк опрокидывается через голову, взбивает тучу снега. Но, видимо, таким уж неудачным выдался для меня тот день. Раненый зверь, пренебрегая осторожностью, перемахнул через флажки — и скрылся.

От досады и огорчения сажусь прямо в снег.

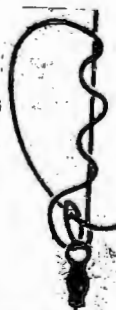
... Сколько лет уже прошло, а ничего не забылось. После не раз бывал на облавных охотах на волков, но шанса выстрелить так и не выпало больше. Поэтому до сих пор жалею, что не жажнул по плохому видимому зверю, находящемуся на близком расстоянии. Тогда, возможно, и дуллет мой по второй цели был бы удачней.

Перестраховался, называю себя.

П. ДМИТРИЕВ.

Бывалые — молодым

Просто и надежно

В редакцию обратился наш постоянный читатель старшекласник Виктор Чернов из города Самары с просьбой дать совет, как лучше связывать лески, привязывать крючки, чтобы узел не сказывался на прочности рыболовной снасти. Идея навстречу пожеланию В. Чернова и многих других любителей рыбной ловли, публикуем рисунок, на котором изображен простой, но очень надежный узел, которым привязывается леска к крючку, карабинчику, блесне и т. д.

К достоинствам данного узла можно отнести и то, что он вяжется в считанные секунды.

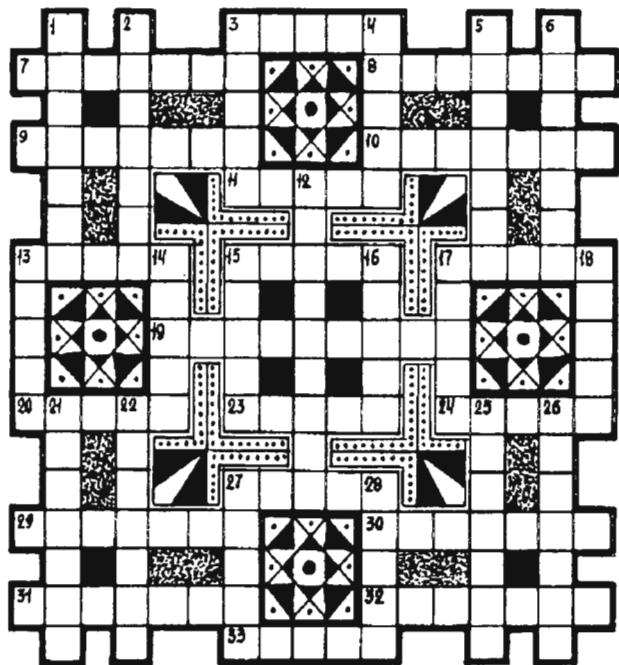
В. СЕДОЙ.

По горизонтали:

3. Рыба семейства лососевых. 7. Препятствие. 8. Герой романа Л. Леонова "Соть". 9. Владелец рабов в Древнем Риме. 10. Английский драматург, автор пьес "Прямодушный", "Учитель танцев-джентльмен". 11. Продуктовые или денежные платежи феодалам. 13. Продукт, выделяемый при переработке винограда. 17. Спортсмен. 19. Первая древнерусская популярная книга. 20. Узаконенное установление, признанный обязательным порядок, строй чего-нибудь. 23. Город на севере Италии, центр провинции и области. 24. Государство в Северной Африке. 27. Лесная птица семейства вороновых. 29. Внешнее приличие, благопристойность. 30. Романс композитора М. Глинки. 31. Кавалерист, участник битвы под Москвой, Герой Советского Союза. 32. Язык программирования, ориентированный на конкретную ЭВМ. 33. Французский художник, изобретатель, один из создателей фотографии.

По вертикали:

1. В греческой мифологии дочь критского царя Миноса. 2. Место для знатных людей в древнеримском

КРОССВОРД

цирке. 3. Горячий напиток. 4. Снежный баран Камчатки. 5. Получатель почтового отправления. 6. Вокально-инструментальный ансамбль. 12. Итальянский скульптор, представитель барокко. 13. Знаменитый польский композитор. 14. В греческой мифологии богиня войны и победы. 15. Знойный ветер пустыни. 16. Часть животного или растительного организма,

выполняющая определенную функцию. 17. Увлечение, задор, запальчивость. 18. Утверждение, требующее доказательства. 21. Популярная песня периода Великой Отечественной войны на слова Я. Шведова. 22. Съедобный гриб. 25. Биогенный химический элемент. 26. Механическое, электрическое или гидравлическое устройство, обеспечивающее гибкую связь в автоматических регуляторах. 27. Крестьянин, земледелец в Древней Руси. 28. Сооружение для хранения, технического обслуживания и ремонта самолетов.

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 9**По горизонтали:**

4. Вилка. 5. "Кольцо". 6. Аммиак. 9. Батарея. 12. Платов. 14. Зорге. 16. Приклад. 18. Орда. 19. Штурм. 20. Абвер. 21. Ярош. 22. Траверз. 24. Канал. 26. Патруль. 30. Генерал. 31. Атташе. 32. Офицер. 34. "Атака".

По вертикали:

1. Зап. 2. Автомат. 3. Кавалер. 5. Корпус. 7. Кортик. 8. Сапер. 10. Мортира. 11. Арсенал. 13. Лидер. 14. Замок. 15. Есаул. 17. Аврал. 23. "Венера". 25. Номер. 27. Ранжир. 28. "Ветеран". 29. Самопал. 33. Юнга.

Составил
подполковник запаса
Е. ДРАЧЕВ.

Ф. СП-1

Минсвязи российской Федерации Роспечать											
АБОНЕМЕНТ		на газету журнал	(индекс издания)								
НА БОЕВОМ ПОСТУ			Количество комплектов								
На 1997 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
(почтовый индекс)		(адрес)									
Кому											
		(фамилия, инициалы)									

8

			ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА								
			на газету журнал	(индекс издания)							
ПВ	место	ли-тер									
НА БОЕВОМ ПОСТУ											
Стои-мость	подписки	руб.		Количество комплектов							
	пере-адресовки	руб.									
На 1997 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
(почтовый индекс)		(адрес)									
Кому											
		(фамилия, инициалы)									

**ВЫПИСЫВАЙТЕ,
ЧИТАЙТЕ!**

Индекс для индивидуальной подписки 70610. Подписная цена: на 1 месяц — 11000 руб., на 3 месяца — 33000 руб., на полугодие — 66000 руб.

Индекс для коллективной подписки 73175. Подписная цена: на 1 месяц — 13500 руб., на 3 месяца — 40050 руб., на полугодие — 81000 руб.

НА 1997
БОЕВОМ
ПОСТУ

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовке издания, а также клетки "ПВ — МЕСТО" производится работниками предприятий связи и Роспечати.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

ПРИЛОЖЕНИЯ К ЖУРНАЛУ "НА БОЕВОМ ПОСТУ"

Сборник учебно-методических материалов "ВОЙСКОВОЙ ВЕСТНИК" (выходит три раза в полугодие). Индекс 73515. Цена экземпляра — 7000 руб., стоимость подписки на полугодие — 21000 руб.

Газета "СИТУАЦИЯ" (выходит четыре раза в месяц). Индекс издания 50157. Подписная цена: на 1 месяц — 4400 руб., на три месяца — 13200 руб., на полугодие — 26400 руб.

ФИРМА

СЛАВЯНСКИЙ ШИТ

Приглашает военнослужащих
внутренних войск МВД России
и представителей
правоохранительных органов
посетить
постоянно действующую
ВЫСТАВКУ-ПРОДАЖУ

**“СПЕЦИАЛЬНАЯ
ТЕХНИКА И
СНАРЯЖЕНИЕ
МВД РОССИИ”**

- специальная форма, знаки различия и фурнитура МВД России
- средства индивидуальной защиты
- спецтехника и снаряжение
- оборудование и спецтехника ГАИ

Адрес: Москва, проспект Мира,
ВДЦ (бывш.ВДНХ), павильон № 63
Телефон: (095)181-94-00. Факс: (095)181-06-19

НАШИ ИЗДАНИЯ — ДЛЯ ВАС

Открыта подписка на первое полугодие 1997 года

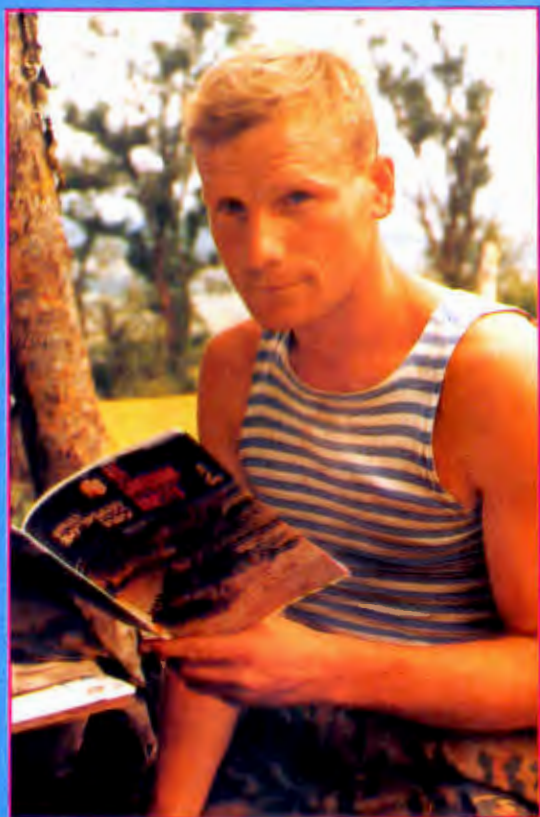
**НА
БОЕВОМ
ПОСТУ**

Ежемесячный военно-публицистический
и литературно-художественный журнал
внутренних войск МВД России

Журнал "На боевом посту"
купить в киоске практически
невозможно. Хотите знать все,
что известно нам, —
ВЫПИСЫВАЙТЕ!

Индекс для индивидуальной подписки
70610. Подписная цена: на 1 месяц —
11000 руб., на 3 месяца — 33000 руб.,
на полугодие — 66000 руб.

Индекс для предприятий и организаций
73175. Подписная цена: на 1 месяц —
13500 руб., на 3 месяца — 45000 руб.,
на полугодие — 81000 руб.

Приложения к журналу

Сборник учебно-методических материалов
"ВОЙСКОВОЙ ВЕСТНИК" публикует методи-
ческие разработки, нормативно-правовые
документы, регулирующие деятельность Во-
оруженных Сил, МВД и внутренних войск.

Выписывайте "Войсковой вестник",

и у вас не будет проблем в проведении занятий!

Сборник выходит три раза в полугодие. Индекс 73515. Цена экземпляра —
7000 руб., стоимость подписки на полугодие — 21000 руб. Подписку можно
оформить индивидуально и коллективно.

- Факты
- события
- комментарии
- происшествия
- расследования

Газета "СИТУАЦИЯ" — это правда о
положении в стране, о жизни и службе
ее защитников — людей в военной
форме. Газета выходит четыре раза в
месяц.

Индекс издания 50157.
Подписная цена: на 1 месяц — 4400 руб.,
на 3 месяца — 13200 руб., на полугодие —
26400 руб.

ВЫПИСЫВАЙТЕ! ЧИТАЙТЕ!

НАШ АДРЕС:
107120, г. Москва, Б-120,
Сыромятнический проезд, 8.